DB
60
.M87

ЗАПИСИ ПРОШЛОГО

ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

С. В. БАХРУШИНА и М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

ДБ
60
Ш87

ГЕНРИХ ШТАДЕН

О МОСКВЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

ЗАПИСКИ НЕМЦА ОПРИЧНИКА

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. Н.Г.
10748 (4)

ПЕРЕВОД И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И. И. ПОЛОСИНА

ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХ
1925

Государственная Публичная
485915
БИБЛИОТЕКА
Историческая

Обложка гравирована
на дереве А. Кравченко.

Ленинградский Гублит № 23026/12. — 2000 экз.
Российская Государственная Академическая Типография. В. О., 9 линия. 12.
Ленинград.

Печатаемые впервые в настоящем издании Записки Генриха Штадена должны, несомненно, занять очень крупное место в ряду источников по истории царствования Ивана Грозного.

Вестфалец по происхождению, игрою судьбы заброшенный в Московию и записанный в опричнину, автор близко видел описываемые им явления и порядки, а автобиографическая форма, которую он придал своим запискам даже в той их части, которая посвящена описанию страны, делает их особенно ценными, вскрывая конкретно и безыскусно те мелкие детали повседневной жизни служилого человека XVI века, которые вряд-ли возможно найти в каком-либо ином современном памятнике. Сочинение Штадена лишено литературной обработки, местами представляет собою ряд разрозненных отрывков, не всегда объединяемых какой-нибудь общей мыслью. Зато в этих отрывках необычайно рельефно выступают „дела и дни" русского помещика того времени, взаимные отношения опричнины и земщины,—землевладельцев и крестьян, положение и быт иноземной колонии в Москве, торговая роль Поморья — словом, разнообразные стороны московской жизни в наиболее характерных ее проявлениях. Большою свежестью отличаются те чисто географические сведения о Московском государстве и особенно о его северных и северо-восточных окраинах, которые мы находим в этом сочинении.

Но материалом бытовым и географическим не ограничивается научное значение печатаемых записок. Безхитростный рассказ Штадена дает нам богатый материал и для общего

суждения о таком далеко невыясненном явлении в истории XVI века, как опричнина. Разбросанные по запискам отдельные намеки рисуют это учреждение в новом освещении. Из общего контекста разрозненных эпизодов и замечаний — общая картина опричнины выступает более конкретно, чем в других источниках, и ее история приобретает бóльшую определенность. Особенно ярко изображена наступившая в начале 70-х годов под впечатлением неудач на Крымском фронте и, может быть, ужасов Новгородского погрома, реакция против реформы, проведенной Грозным с такой безумной прямолинейностью, реакция, о которой до сих пор лишь догадывались некоторые исследователи на основании немногочисленных смутных указаний источников. Таким образом, знакомство с произведением Штадена позволяет говорить о пересмотре вопроса об опричнине в целом.

Немецкий оригинал рукописи, издаваемый ныне в свет в русском переводе, хранится в Государственном Архиве в Ганновере. Рукопись объемлет 188 страниц in f^0 и на первом листе имеет заголовок — „Moscowiter Land und Regierung Beschriben durch Henrichen v. Staden". Заголовок относится, впрочем, только к первой половине рукописи (лл. 1 — 50). Другая половина ее распадается на три части и составляется из: 1) Проекта (Anschlag) военной оккупации Москвы (л. 50 об. — 66), 2) Прошения (Supplication) автора на имя Рудольфа II (л. 66 об. — 69) и 3) Автобиографии Генриха Штадена (л. 69 об. — 97).

Вся рукопись написана одной и той же рукой; в начале довольно тщательно, чем ближе к концу — тем менее аккуратно.

Список относится к XVI в. Более точная его датировка невозможна без специального обследования рукописи.

Первое указание на литературное наследство Генриха Штадена относится к 1917 г. В связи с оживлением в Германии интереса к русской истории и проблеме русской опасности в Hist. Zeitschrift (3. Folge, Bd. 21, S. 229 ff.) была напечатана статья Max Bär'a — „Eine bisher unbekannte Beschreibung Russlands durch Heinrich von Staden". Статья эта дает общий очерк истории Грозного, знакомит читателя с характером рукописи в отдельных извлечениях и вкратце излагает ее историю.

В русской литературе имеются три ссылки на указанную выше статью Max Bär'a. И. И. Полосин использовал ее в докладе, читанном в январе 1922 г. в заседании Исторического Общества, на тему „Иван Грозный; его походы по монастырям и внешняя политика". Ту же статью реферировал проф. Бузескул в первой книге „Аннал" („Новое известие иностранца о России XVI в.", стр. 206—210). Наконец, в кн. I исторического сборника „Века" в статье „Царь и опричник" (стр. 48, прим. 2) Садиков, сославшись на статью М. Бера, выразил сожаление, что не скоро еще столь важный для русского историка материал будет доступен русской историографии.

Русский перевод сочинения Штадена сделан с превосходной копии М. Бера.

В расчете на читателя неспециалиста или начинающего исследователя-историка, переводу предпослана вводная статья, в тексте перевода даны подстрочные примечания, приложен библиографический указатель, а именные указатели снабжены пояснительным текстом.

Перевод принадлежит И. И. Полосину; им же составлены вступительная статья, примечания и указатели. Исправление текста с филологической точки зрения любезно принял на себя проф. Д. Н. Егоров, которому редакция пользуется случаем принести глубокую благодарность.

Для большей последовательности изложения — в издании нарушен порядок отдельных частей немецкого подлинника. В рукописи они расположены совершенно случайно без внутренней связи одна с другою, может быть, в хронологическом порядке их написания. В настоящем издании части эти расположены в том логическом порядке, который вытекает из их содержания, т. е. 1) „Прощение", 2) „Проект", 3) „Описание страны и правления московитов" и 4) Автобиография, так как два последних очерка, несомненно, должны были служить приложением к основной части работы — „Проекту", а „Прощение" и по смыслу и по содержанию является предисловием ко всему произведению.

Глубокую благодарность приносят редакция и переводчик д-ру Бер и д-ру Круш, директору Государственного Архива в Ганновере: без любезного и деятельного участия названных лиц настоящее издание не могло бы осуществиться.

В тексте перевода встречаются следующие условные обозначения:

1. Круглые ( ) скобки заключают подлинные выражения немецкого текста.
2. Прямые [ ] скобки — выражения, внесенные переводчиком или редактором для пояснения или дополнения текста.
3. Прямые скобки с многоточием [. . .] — пропуск одного или нескольких слов или предложений в немецком оригинале.
4. Начало листа немецкого оригинала обозначается так: (47).
5. (об.) — означает начало оборотной страницы вышеотмеченного листа.

С. Бахрушин.

1 сентября 1924 г.

Западная Европа и Московия в XVI веке.

I.

Мировая война и русская революция во многом изменили направление исторического интереса, темы и приемы исторического изучения.

То, что ранее привлекало к себе внимание историка, ныне кажется утратившим интерес и значение. И обратно: то, что прежде оставалось в тени, теперь настойчиво заполняет собою почти все поле исторического исследования.

Но ни война, ни революция не могли умалить глубины исторического интереса к XVI веку европейской истории. Наоборот и война 1914 г., и революция 17 года с особенной силой подчеркнули значение эпохи, минувшей слишком 300 лет тому назад, эпохи кровавых дворянских революций и растущей московитской опасности в европейской политике.

Зарубежная — в частности немецкая — историография, увлеченная проблемами мировой войны, естественно обращает свое внимание к „русской опасности" XVI века и истории царствования Ивана Грозного посвящает специальные очерки. Таковы работы Плацгофа и Бэра.

Беспощадный вихрь и глубина социальной революции XVI в. не раз за революционные годы наших дней были предметом монографического изучения. Истории опричнины и крестьянской крепости посвящены были специальные статьи и доклады; предпринималось опубликование первоисточников, хорошо известных исторической науке, но недоступных для широкого круга читателей. Таковы работы Геймана, Кулишера, Платонова, Полосина, Преснякова, Рогинского, Садикова, Тхоржевского.

Историк европейского Запада и азиатского Востока проф. Р. Ю. Виппер не случайно увлекается историей Москвы XVI века. Блестящий очерк дипломатии и социальной политики царя Ивана автор насыщает волнующей атмосферой последнего десятилетия и в общих оценках военно-самодержавного коммунизма московского царя отражает могучее воздействие современной действительности.

В наши дни острее, чем когда-либо, почувствовалась потребность пересмотра истории XVI в. и предварительного подведения итогов, добытых исторической наукой последних полутораста лет. Очерк акад. С. Ф. Платонова — „Иван Грозный" — разрешил эту неотложную историографическую задачу: наметил поле исследования, классически-отчетливо резюмировал итоги источниковедения и историографии царствования царя Ивана и подчеркнул очередные задачи, стоящие перед его историком.

К этой длинной цепи исследований и материалов по истории XVI в. примыкает и настоящее издание „Записок опричника".

II.

Москва царя Ивана Грозного жила в тревожных условиях лихорадочного увлечения Европы морскими и океаническими предприятиями пиратского, торгового и промыслового характера; в условиях знаменательного роста транзитного значения восточно-европейских путей по Западной Двине и Днепру, по Белому морю и Северной Двине, по Волге и Дону; в условиях распада татарских царств в Поволжье и параллельного усиления Крыма, как аванпоста величайшей мировой империи Сулеймана Великолепного.

Торговые поездки в Крым и Турцию, в Шемаху, Персию и Среднюю Азию, казанские, астраханские, азовские и крымские военные экспедиции ставили Москву XVI века лицом к лицу с мусульманским миром и татарско-турецкой опасностью.

С другой стороны, придвинувшись к Балтийскому поморью и линии р. Днепра — р. Великой, вплотную подойдя к шведско-датским владениям в Финляндии и Лапландии, утвердившись на побережьи Студеного моря от Печенгского монастыря до Пустоозера, Москва XVI века стихийно вовлекалась в игру западно-европейских интересов.

Поволжский, рязанский, тульский и заоцкий чернозем и степные богатства издавна манили к себе мужика и помещика Замосковья. Но русское Поморье, города от Немецкой и Литовской Украйны и географически, и экономически тянулись в Лапландию, Карелию и Прибалтику, к Нарве и Выборгу, Ревелю и Риге, Стокгольму и Або, Кандалакше и норвежскому Финмаркену.

Москва Ивана III, овладев Новгородской территорией, прочно усваивает экономические и политические традиции Новгородской республики. Иван IV после некоторых колебаний возвращается к холодно-расчетливой политике деда, но осуществляет ее с кипучей и, может быть, патологической энергией.

С половины 50-х годов, т. е. с того момента, как 25-летний царь начал эмансипироваться от влияний „собацкого собрания"—избранной рады—и до смерти царя в 1584 г., перед Москвой стоял ясный во всех своих деталях план военной и дипломатической игры. С ближайшими соседями — война: беспощадная наступательная война на западном фронте в Финляндии и в Прибалтике против Швеции, Ливонии и Польши; на восточном — завершение разгрома татарских царств и поволжских инородцев (чувашей и черемисов); на южном — война оборонительная против Крыма. Тесная дружба и мир — на западе с Данией; на юго-востоке — с Кавказом и Средней Азией (Кабардой, Шемахой, Хивой, Бухарой). Худой мир, что все же лучше доброй ссоры, с империей и Ганзейскими городами. Поиски политического союза с Англией и не всегда одинаково мирные торговые сношения с ней и, наконец, униженные поиски мира с могущественной Турцией.

Иван IV, подобно своему грозному деду, или отстаивался „на берегу" от татарской опасности, или — „бегун-хороняка" — уходил от татар подальше на север и прятался за крепкими монастырскими стенами. Но „дально-конные грады" Прибалтики манили к себе московского царя. Освоение прибалтийских земель ливонского ордена с речной торговой дорогой по Западной Двине, с приморскими портами Ревеля, Пернова и Риги и утверждение русского господства в Балтийском море стали делом его жизни.

Ливония — предмет давней дипломатической распри и военной борьбы — представляла собою своеобразный образчик средневековой федерации и любопытный эпизод немецкой коло-

низации Прибалтики. Ливонский орден или орден меченосцев, как называлось это духовно-рыцарское государство, был учрежден в 1202 г. в Риге на территории ливов, эстов и латышей, в устье стародавнего торгового пути по Западной Двине, — в качестве крайне-восточной колонии Бремена. Экономическая конкурренция соседей очень рано осложнила собою национальную рознь немецких колонистов и туземцев финско-литовского племени. В Эстляндии утверждается датский Ревель (1219—1347), и датское влияние переплетается там со шведским, которому в конце концов и уступает свое место. Торговля по Балтийскому морю с Москвой и Востоком привлекает в Прибалтику Ганзу, империю, нидерландцев и англичан. Торговля с Западом теснейшим образом привязывает к Балтийскому поморью Польшу и Москву. Польско-литовский хлеб шел через Данциг, русский воск и меха через Новгород, лен и конопля через Ригу, поташ и кожи через Ревель.

Вырастая на отпускной торговле, ливонские города и дворянство очень рано эмансипируются от орденской власти и усиливают пестроту внутри-ливонских социально-политических группировок. Духовные князья — епископы дерптский, эзельский и курляндский, — как ленники империи, становятся независимыми имперскими князьями. С магистром ордена, также ленником империи, зависимым к тому же от гроссмейстера Пруссии, спорит вполне самостоятельная власть связанного с Римом рижского архиепископа. Ливония — политически распыленная, с большими противоречиями социального строя и бессилием орденской власти их разрешить — напоминала современникам „огромный воз без хозяина".

Экономическая конкурренция европейских держав в Балтийском море при крайней неустойчивости социально-политических отношений внутри Ливонии открывала широкую возможность иностранным вмешательствам в ливонские дела. По словам современника, около Ливонии, как богатой невесты, пляшут все. С начала XV в. Ливония оказывается в сфере польского влияния, что живейшим образом затрагивало датско-русские интересы и повело к заключению датско-русского союза (1501—1505 гг.), а затем и к прямому русскому вмешательству (1554 и 1558 г.), Ливонской войне и разделу Ливонии между Польшей, Швецией и Данией (1561 г.). Попытки царя Ивана возродить Ливонию то в старом виде — ордена (1564 г.), то в форме Ли-

вонского королевства (1570—77) под русским протекторатом оканчивались безрезультатно.

Значительные военные успехи царя Ивана в Ливонии (1575—1577 гг.) вызывают живейший интерес на Западе. Ливонский вопрос принимает значение всеевропейского и, подобно современному нам ближне-восточному вопросу о проливах, разделяет Европу на враждебные лагери.

Вместе с Ливонией медленно угасало и другое средневековое государство — Ганзейский союз — федерация торговых поморских республик с Любеком во главе, еще во второй половине XVI века насчитывавшая 63 города в своем составе. С перемещением торговых путей в Атлантику и Северный Ледовитый океан роль торговых посредников переходит к англичанам и голландцам. Параллельно растет национальная торговля русских, шведов и датчан, и ганзейцы лишаются своих прежних привиллегий. Еще в конце XV века был закрыт Ганзейский двор в Новгороде; та же участь постигла Ганзу в норвежском (датском) Бергене, где они держались до половины XVI в., но откуда с началом Ливонской войны они были выбиты неравными условиями борьбы с норвежскими купцами. Зато бергенцы, одаренные привиллегиями, увеличивают свой флот с 24 кораблей до 100 и собирают в свою гавань английские, нидерландские, французские, шотландские суда. С расцветом шведского Выборга, польских Риги и Данцига, датского Бергена необычайно упадает значение Любека и его стапельный статут уже не в силах задержать роста его экономических конкуррентов. Вот почему с такой живейшей радостью Любек приветствовал перевод русского торга в Нарву (1560 г.): с „новым Новгородом“ он мог торговать без посредства ливонских городов и это предвещало ему новую светлую эру. Ливонский же Ревель испытал от этого значительные потрясения, вынужденный с грустью наблюдать как европейские корабли проходили мимо него к русской Нарве. Ревель упадает в своем значении торгового города и охотно идет на политический союз со Швецией (1561 г.), что́ в свою очередь сближает Москву и Любек, ибо Швеция в попытках пресечь нарвскую торговлю закрывает нарвский фарватер флотилией своих пиратов и, таким образом, наносит торговле Любека тягчайшие удары. С этого времени (май 1562 г.) вопрос о русской — „нарвской“ — торговле не сходит с уст ганзейских дипломатов и ставится на очередь всех ганзетагов. Нарвская торговля

была жизненным нервом Любека; ее выгоды были настолько значительны, что о войне с Москвой нечего было и думать, о чем представители Любека прямо и заявляли на Шпейерском рейхстаге 1570 г. Если Любек не пропускал в Москву вооружения и металлов, то лишь потому, что хотел сохранить за собою эту монополию снабжения Москвы „запретными товарами". Шведское каперство на Балтийском море ставило Любек на край гибели, почему он в последний раз с оружием в руках решил выступить в борьбе за Балтийское море против Швеции во время шведско-датской войны (1563—1570 г.). Однако, эта война, стоившая Любеку свыше полутора миллионов марок, вызвала непоправимый финансовый кризис, а датские стеснения в Зунде и шведское каперство на Балтийском море вместе с партикуляризмом ганзейских городов и внутри-ганзейской конкурренцией превратили Любек в обычный торговый город. Вспоминая свое былое величие, Любек продолжал беспокойную дипломатическую игру за свободу „нарвского плавания" и всякий раз отклонял от себя проекты анти-московского союза, как это было, например, на Любекском ганзетаге в 1581 г.

У входа в Балтийское море на двух Бельтах и Зунде, господствуя над выходом в Северное Немецкое море и Атлантический океан, утвердилось Датское королевство. Зундская пошлина с проходящих судов и товаров — „золотое дно" Дании — и оживленная хлебная торговля определяют собою экономический расцвет страны, делают ее одной из сильнейших держав Прибалтики XVI века и бросают в далекие океанические предприятия.

Экономическая конкурренция Дании с ближайшими ее соседями на Северном и Балтийском морях: со Швецией, с ганзейскими городами, в частности, с Гамбургом за устье р. Эльбы, сливонскими городами (Ригой и Ревелем), борьба с Империей из-за Шлезвига и Голштинии, осложнения с голландскими и английскими торговыми компаниями из-за права плавания по Балтийскому морю и Атлантическому океану к Исландии и Нордкапу — делали Данию верным союзником Москвы и во всяком случае исключали возможность сколько-нибудь серьезных столкновений.

Интересы Дании и Москвы скрещивались в северных водах Норвегии и в Лапландии. Москва захватывала территории норвежских (т. е. датских, ибо Норвегия до 1814 г. была про-

винцией Дании) лопарей, взимала с них ясак и промышляла в норвежских водах рыбой и тюленем. Дания, со своей стороны, пыталась обратить Северный Ледовитый океан во внутреннее датское море (mare clausum) и по побережьям Норвегии до Нордкапа она держала флотилии каперов, грабивших „ангилейских и брабантских гостей", шедших с товарами к московскому царю в Колу и на Двину.

Однако, события в Прибалтике сближали Данию и Москву, враждовавшие на севере. В виду войны со Швецией (1563—1570 г.) Дания настойчиво добивается мира и союза с Москвой. Иван IV, памятуя, что в руках Дании Зунд и Бельты, т. е. ключ от нарвской гавани — идет ей навстречу, но не порывает и со Швецией в расчете на то, что ее можно будет использовать в борьбе с Польшей. Дания дружила с Москвой, но лишь до тех пор, пока Москва не нарушала ливонского равновесия в свою пользу. Как только стала угрожать опасность шведскому Ревелю (осада 1570 г.), Дания тотчас же заключила мир со Швецией, развязала руки последней для борьбы с Москвой и в значительной степени была виновницей московских неудач под Ревелем. Отношения Дании и Москвы особенно обострились к 1576 г., когда Грозный, продолжая свое наступление в Ливонии, занял приморский Пернов (1575 г.) и несколько викских замков (Гапсаль, Леаль, Лоде), выкупленные Данией от шведских ландскнехтов, которым шведский король отказал в уплате. Датский посол Павел Вернике тщетно пытался уладить конфликт. Готовились к войне. Но Фредерик, занятый шлезвигской распрей со своими дядьями и проектами анти-датской коалиции на Западе, охотно откликнулся на предложение Ивана IV заключить новое докончание. В Москву отправилось посольство Ульфельда (февраль 1578 — январь 1579 г.), снабженное неограниченными дипломатическими полномочиями. Ульфельд, член королевского совета и испытанный дипломат, несколько лет тому назад на датско-англо-голландской Эмбденской конференции удачно разрешавший спорные вопросы о праве плавания на Мурманский берег, заключил с царем перемирие на 15 лет. Но король, вопреки данной Ульфельду инструкции, отказал в ратификации договора: может быть, потому, что к этому времени закончилась война из-за Шлезвига, а звезда московского царя тем временем, очевидно, катилась к закату. Сам же Ульфельд в письме от 28 мая 1578 г. с о-ва Эзеля и во многих других донесениях

королю повторял, что, „судя по нынешним обстоятельствам", с русскими сладить будет не трудно. Ульфельд был отдан под суд. Московскому посольству Давыдова была дана лишь одна аудиенция, на которой король наотрез отказался подтвердить перемирную грамоту. Однако, и тут осложнений не последовало. Стародавние друзья, Москва и Дания, привыкли не обижаться на взаимные обиды и оскорбления. Теснимый в Ливонии, под Новгородом и Псковом, царь Иван вежливо просит о новых переговорах и новом докончании (1581 — 1582 гг.). Дания увлекается своими имперско-шведскими делами. Со смертью царя Ивана Дания пыталась использовать тревожное время перемены на престоле. В 1585 г. она снарядила торгово-промышленную экспедицию в устье Мезени, вызвавшую, однако, энергичный дипломатический отпор Москвы. В Смутное время Дания была отвлечена к своим обычным прибалтийским делам, а потому не могла использовать годы русской революции XVII в. так, как использовали их для себя Польша и Швеция или пыталась использовать Англия. Позже Христиану IV приходилось только сожалеть, что упущено было такое благоприятное для захвата русской Лапландии время.

Общим для Москвы и Дании врагом была Швеция. И география, и экономика неизбежно и издавна скрещивали русско-шведские интересы в Прибалтике, Карелии и Лапландии. С первых же дней русской истории на территории русского Поморья, в Карелии, Ижоре и Финляндии сталкивались встречные волны русских и скандинаво-финских разбойничьих набегов. Русские достигали Або и Торнео; свейские и каянские немцы и мурмане проникали в Заволочье, на Двину и доходили до Устюга. Александр Невский отвечал на удары Иоанна I шведского, и Ореховское докончанье 1323 г., остававшееся образчиком для русско-шведских соглашений вплоть до Столбовского мира 1616 г., конечно, не могло остановить естественной географической тяги Швеции к восточному побережью Балтийского моря. Освободившись от пут Кальмарской унии и датского суверенитета (1523 г.), Швеция под талантливой рукой Густава Вазы неожиданно быстро вырастает до значения первоклассной державы. „И мы тому удивляемся, недоумевал Грозный, обращаясь к Густаву, откудова на тебе гордость и сила взошла, что ты в том быти не хочешь, в чем отец твой был". Первое столкновение со Швецией (1555 — 1557) закончилось удачным для Москвы

миром на 40 лет. Но уже через три года неизбежность новой войны стала очевидной. В 1560 г. царь Иван запретил своим купцам ездить для торговли в Выборг и перенес торг на южный берег в русскую Нарву. С ней конкуррируя, утвердился рядом шведский торг в Ревеле (1561 г.), а по Балтийскому морю Эрик XIV раскинул флотилии своих пиратов. Понятны ожесточение и настойчивость, с которыми трижды обрушиваются удары царя Ивана на Ревель (1570—1575—1577 гг.). Швеция в ответ теснит русских в Новгородской области (1579 г.) и на далеком севере: в 1579 г. шведы воевали Кемскую волость, в 1590 г. осаждали русскую Колу. Борьба со Швецией — любимая политическая тема царя Ивана; для войны со Швецией он готов был итти на мир и с польским королем. В годы русской революции XVII в. Делагарди подготовлял в Новгороде шведско-московскую унию (1611 г.). Против Москвы и давнего своего врага Дании Швеция ищет союзника в Польше и выступает с ней во время Ливонской кампании в общем довольно солидарно.

Русско-польские интересы XV—XVI вв. совпадали в вопросах борьбы с турецко-татарской опасностью, в особенности с момента утверждения в Крыму династии Гиреев. Но редкие случаи единодушия московской и польской дипломатии буквально ничтожны по сравнению с той бурной дипломатической и военной борьбой, которая разделяла соседей в течение полувекового царствования царя Ивана. Предметом спора были пограничные литовско-русские и ливонские области от Киева до Полоцка и от Полоцка до Риги и исстаринный торговый путь „из Варяг в Греки“ по Днепру, Западной Двине и Балтийскому морю. Подновляемые каждые 2—5—7 лет перемирия не могли предотвратить ожесточенной войны, когда возник вопрос о дележе ливонского наследства. Возгорелась знаменитая Ливонская война (1558—1582). Война шла с переменным успехом, более удачная для Москвы, начиная с 1572 г., когда Польша должна была отвлечься к разрешению внутренних дел. Со смертью Сигизмунда II Августа прекратилась династия Ягеллонов (1572 г.), и Польше предстояло избрать нового короля. Среди других кандидатов фигурировало и имя московского царя. При деятельной поддержке папской курии престол переходит французскому принцу Генриху Анжуйскому. Однако, после смерти Карла IX Генрих немедленно покинул Польшу для французской короны (1574 г.), и польский престол вновь ока-

Государственная Публичная 485915 Библиотека

зался вакантным. Опять стала возможной кандидатура московского царя, и папский нунций при польском дворе Викентий Лаурео сообщал в Рим, что вся шляхта, как польская, так и литовская охотно ее поддержит. С кандидатурой царя Ивана спорили имена одного из Пястов и императора Максимилиана II. Но Москва и империя конкуррировали в этой борьбе лишь по видимости: их интересы в польском вопросе издавна совпадали. Предваряя историю на 200 лет, Москва и империя мечтали о внутреннем разложении и последующем разделе Польши, при чем за Москвой осталась бы Литва и Ливония, за империей — Польша и Пруссия. 12 декабря 1575 г. сенат провозгласил королем Максимилиана II; через три дня, 15 декабря того же года шляхта избрала королем ставленника турецкого султана Стефана Батория. 8 февраля он присягнул на верность pacta conventa. Но Максимилиан II, больной и престарелый, медлил с принятием короны до 23 марта 1576 г. Грозный же не оставлял своей мечты о разделе Польши и еще 28 января 1576 г. в грамотах, отправленных в Польшу и в Литву, он предлагал: в первой — кандидатуру эрцгерцога Эрнеста; во второй — кандидатуру своего сына или свою собственную, и это было возможно, ибо в январе — апреле 1576 г. Польша переживала странное время бескоролевья при двух королях. В конце апреля Стефан Баторий приехал в Краков и 1 мая был венчан польской короной. Весь 1576 и 1577 г. ушли у него на закрепления своего положения в Польше и прежде всего на борьбу со сторонником Максимилиана II — Данцигом. Данциг — один из богатейших торговых городов Прибалтики, „северная Венеция“, как звали его современники, благодаря своему участию в польском хлебном экспорте, — сумел в значительной степени эмансипироваться от польской политики. Напротив, Баторий хотел уничтожить этот стапельный пункт и создать новый в Пруссии. 24 сентября 1576 г. Данциг был объявлен государственным изменником; 13 февраля 1577 г. ему была объявлена война; 14 июня того же года началась бомбардировка города и благодаря артиллерии, метавшей в город раскаленные ядра, город был взят 12 декабря 1577 г. Данциг искал помощи у Дании; не желая порывать с Польшей, особенно в виду успехов московского царя в Ливонии, Дания уверяла Польшу в своей дружбе, но вместе с тем посылала отряды кнехтов Данцигу. Живейшее участие в судьбе Данцига приняла Москва, и, как тогда говорили, не без ее „упоминков“ крымцы совер-

шали свои опустошительные набеги на польские границы во время данцигской осады. На это же время приходятся наибольшие успехи царя Ивана в Ливонии. Уже в 1576 г. русские трижды подступали к Ревелю. 23 января 1577 г. началась его осада. Осадой руководили бояре кн. Федор Иванович Мстиславский и Иван Васильевич Шереметев. Русские подкатили к городу 44 орудия (отличались „Соловей", „Певец" и „Лев"); в день русская артиллерия метала в город по 300 ядер. Однако, Ревель держался, и 13 марта 1577 г., оставив убитыми 4000 человек, русские сожгли лагерь и отступили. Но уже в июле того же года начались победоносные походы самого царя Ивана на Двину. В августе царские войска захватили Крейцбург, Динабург, Кокенгаузен и разрушили Кирхгольм под Ригой; в сентябрьский поход были взяты Вольмар, Ронненбург, Смильтен, Трикатен. Впечатление от военного счастья царя Ивана было таково, что весь август и сентябрь Запад жил самыми фантастическими слухами о силах и планах московского царя. Однако, едва царское войско ушло из Ливонии, как русские гарнизоны начали сдавать ливонские замки польским войскам. Начиная с октября, за зиму 1577 г. от русских были отобраны обратно Динабург, Венден, Буртнек и др. Но Запад ждал нового наступления царских войск, и еще 11 февраля 1578 г. Викентий Лаурео доносил в Рим, что „московит" разделил свое войско на две части: одну ждут под Ригой, другую под Витебском. В декабре 1577 г. закончилось несчастное для Польши пятилетие бескоролевий и избирательной борьбы. Расправившись с Данцигом, Стефан Баторий добивается на Варшавском сейме (19 января 1578 г.) вотума войны с Москвой, а не с Крымом, и начинает наступление, вернее продолжает его, ибо фактически наступление польских войск началось с октября 1577 г. 1579 г. был первым особенно неудачным для Москвы: в начале этого года шведы наступали к югу от Нарвы и на Новгород; летом воевали Кемскую волость, а 29 августа того же года после почти двухнедельной осады польские войска взяли Полоцк; в 1580 г. падают Великие Луки и Озерище и с 26 августа 1580 г. начинается осада Пскова. В 1581 г. шведы берут Нарву, а поляки один за другим отбирают ливонские замки. Под ударами Делагарди и Батория царь Иван должен был признать себя побежденным и подписать перемирные грамоты 1582 и 1583 гг. Но мечтам Батория об оккупации Москвы, о наступле-

нии через Москву на Крым и Турцию, которыми польский король делился с папой Григорием XIII и позже Сикстом V, не удалось осуществиться. В первой своей части (оккупация Москвы) планы Батория были близки к действительности в 1610 г., когда на Москве сидело польское правительство Владислава, а Сигизмунд III подготовлял личную унию Москвы и Польши.

Наибольшая опасность грозила Москве и ее самостоятельному политическому бытию с юга из-за „дикого поля", со стороны Турции и Крыма.

„Турок" — так называли Турцию в Европе — в 1453 г. закрепляет за собою Константинополь и уже через 100 лет обращается в величайшую мировую державу, протянувшую границы от Гибралтара до Индийского океана, где турецкий флот грабил португальские колонии. На востоке Персия, на западе средиземноморские государства и Империя (в 1529 г. войска Сулеймана Великолепного осаждали Вену) принимают на себя сильнейшие удары турок.

Средиземноморье и империя живут надеждой на временный и преходящий характер турецкой опасности; трактуя Турцию, как „соединение разбойников" (Сюлли), мечтают об анти-турецкой коалиции и изгнании турок из Европы. Но „московит", вопреки настойчивым советам имперских и итальянских дипломатов, очень рано завязывает с Турцией дипломатические сношения (1483 г.), подобно Франции, искавшей и постоянно находившей в Турции союзника против австрийских и испанских Габсбургов. В момент ожесточенной борьбы за Ревельский порт, в то время, когда коалиция средиземноморских держав наносит Турции первое поражение при Лепанто 1571 г., царь Иван, памятуя, что „вера дружбе не помеха", ищет тесного русско-турецкого союза и склоняет Селима II к русско-турецкой антиевропейской коалиции, чтобы им заодно стояти „на цесаря римского и польского короля, и на чешского, и на французского, и на иных королей, и на всех государей италийских"[1].

Но могущественная Турция довольно равнодушно выслушивала эти дружеские заверения северного русского князька: принимала подарки от Москвы, но охотно поощряла крымцев в их ежегодных набегах на Москву, иногда выступая с более

[1] С такой же легкостью царь Иван набрасывает при случае и проекты анти-турецкой лиги: в 1573 г. в переговорах с империей и в 1580 г. — с Римом.

обширными завоевательными планами. Так, в то время, когда царь Иван готовился к наступлению под шведский Ревель и работал над созданием плана Ливонского королевства, турецкий султан Селим II, по проекту великого визиря Магомета Соколли, решил захватить поволжский низ и азовско-каспийский путь в Персию и на восток (1569 г.). Другой удар в 1571—72 гг. был направлен прямо на Москву: Москва должна была стать турецкой провинцией. В 70-х годах внимание Турции отвлекается на восток — борьбой с Персией, и против Москвы действует только один крымский хан, продолжая свои ежегодные набеги на московские границы. В 70-х годах Москва разрабатывает сложную систему их обороны и наблюдения за татарскими шляхами — Муравским, Кальмиусским, Изюмским и Бакаевым с Пахнутцовой дорогой, но от продвижения в степь воздерживается. В 1578 г. крымский хан заключает с Москвой перемирный договор.

Кавказские (кабардинские и черкесские) князья, теснимые в своих границах Крымом, ищут в Москве защиты и союза. Некоторые из них переходят на службу к московскому царю или признают русский протекторат. Так, кабардинский князь Темрюк Айдарович в 1558 г. перешел под руку Москвы, а сын его, Салтанкул-мурза, приняв крещение с именем Михаила, стал московским служилым князем. В 1572 г. Кабарда была взята Крымом, и кабардинские князья ходили по воле крымского хана. Однако, в 1578 г., когда хан был отвлечен Турцией к персидской войне, Кабарда вновь обратилась к Москве за дружбой и союзом.

В Поволжье, после взятия Казани и Астрахани (1552—1556 гг.), Крым поддерживал против Москвы восстания немирных чувашей и черемисов. Москва неоднократно снаряжала ответные карательные экспедиции, как это было, например, в 1574 г., когда на западном фронте шведские войска вели наступление на русский Везенберг.

Раскинув по Атлантическому океану флотилии пиратов и купцов, отправлявшихся в поисках новых „Америк“, Западная Европа в XVI веке вновь открывает морской путь по Северному Ледовитому океану, забытый со времен скандинавских викингов.

Первыми по времени проникли в русское Поморье англичане (1553 г.), пожалованные в Москве значительными торговыми

привиллегиями. В Лондоне была организована „Московская компания", заинтересованная не только торговлей с Москвой, но, главнейшим образом, торговлей через Москву с Персией, Шемахой, среднеазиатскими ханствами, Индией и Китаем. С этой целью уже в 1557 г. была снаряжена экспедиция Дженкинсона, побывавшая в Бухаре и в 1562 г. в Персии. Со своей стороны, Московия особенно дорожила английским ввозом оружия и металлов. Нуждаясь в них для войны с Польшей и Швецией, царь Иван отдает английской компании разработку железных руд по р. Вычегде и всемерно идет навстречу торговым притязаниям английских купцов. Кульминационный пункт торжества английской дипломатии (посольство Рандольфа) не случайно приходится на 1569 год — год Люблинской унии Литвы и Польши и подготовки Москвы к осаде шведского Ревеля. Неудача ответного русского посольства Совина в Англии и, может быть, намеренная задержка в доставке оружия и металлов в Москву повлекли за собой разгром „Московской компании", ликвидацию ее торговых дел и арест товаров (1571 г.). Для улажения конфликта из Лондона в Москву был прислан упомянутый выше Дженкинсон. В марте 1572 г. начались его переговоры с царем в Александровой слободе. В результате (в мае 1572 г.) компания была восстановлена в правах, но, во-первых, царь отказался от возмещения убытков, которые понесли английские купцы при конфискации их товаров, и, во-вторых, английские торги, ранее беспошлинные, теперь были обложены пошлиной в половинном размере. Отмена этой торговой пошлины последовала лишь в 1587 г.

Английские купцы были заинтересованы живейшим образом и в балтийской торговле; ограждая свободу нарвского плавания, они естественно сталкивались с Данией и ее стеснениями в Зунде, подобно тому, как в северных водах „Московская компания" терпела от датского каперства. Попытки англичан, устроивших свою торговую контору в Эльбинге, захватить в свои руки прусскую торговлю, столкнули Англию с Польшей, вызвали репрессивные меры Батория и закрепили дружественные отношения ее с Москвой, а позже со Швецией. В годы русской Смуты в момент величайшей разрухи, когда на Москве от имени Владислава распоряжались поляки (1610 г.), а в Новгороде подготовлялась уния Москвы и Швеции (1611 г.), английская дипломатия готовилась осуществить проект капитана Чем-

берлена (1612 г.) и оккупировать Москву со стороны Студеного моря. Для переговоров по этому поводу с москвичами в Москву был отправлен Джон Меррик. Однако, Меррик прибыл в Москву уже после избрания царя Михаила и, видимо, учитывая неосуществимость проекта в новых условиях, счел за лучшее принести новому царю поздравления от имени английской королевы.

Наиболее опасными конкуррентами англичан по московской торговле были голландцы; их интересы сталкивались и на Балтийском море в вопросах о нарвском и данцигском плавании. С 60-х годов завязываются прямые сношения Москвы с Нидерландами (Антверпеном) через Лапландию; с русской стороны их начал московский купец Степан Твердиков. В ответ Антверпенская торговая компания снарядила в 1566 г. несколько кораблей и отправила с ними своего агента Симона Салингена, впоследствии выступавшего в качестве дипломата и эксперта по русским делам при датско-русских переговорах. Нидерландские купцы закрепили за собой Печенгскую губу в Лапландии и Пудожемское устье Северной Двины. Во дни английской революции (1649 г.) голландские купцы сумели выбить англичан с русского рынка.

Франция первой половины XVI в. не проявляла интереса к Московии — „стране разбойников". Перед нею стояли другие задачи внешней политики: испанские, имперские, а позже английские дела. Но те же враждебные отношения с империей заставляли французских дипломатов с интересом и сочувствием следить за первыми успехами московского царя в Ливонии: Франция не без основания расчитывала, что ливонские дела и „московитская опасность" будут отвлекать внимание империи к восточному фронту. Французский дипломат, бывший в Вене в 1558 г. по вопросу об улажении конфликтов, возникавших в связи с пограничными набегами западно-имперских князей на Мец, Туль и Верден, не без удовольствия доносил в Париж, что в империи много говорят о „московите" и боятся его, как „турка" [1].

Франция, повидимому, живо интересовалась английскими открытиями в Северном Ледовитом океане (1553 г.) и прямыми

[1] Ср. письмо Юбера Ланге (Hist. Zeit. 1915, Bd. 115, S. 89) и Р. Ю. Виппер, Иван Грозный, стр. 46.

торговыми сношениями, завязавшимися между Москвой и компанией английских купцов. Во всяком случае французский король Генрих III решил принять участие в известном авантюристе Гансе Шлитте, которому он обеспечил свободный пропуск в Московию через Константинополь или Швецию и снабдил грамотой к московскому царю; в ней излагались возможность и выгоды франко-турко-русского союза. Дело было летом 1555 г., когда Ричард Чанслор отправился в свое второе путешествие в Россию. Грамота Генриха II не дошла до московского царя, но, кажется, была доложена в 1571 г. дьяку Андрею Щелкалову нюрнбергским купцом Фейт Зенгом, отобравшим ее в свое время от Ганса Шлитте.

Занятая испанскими делами на Западе, Франция неизбежно должна была интересоваться ливонским вопросом. К половине 70-х годов определилось дипломатическое сближение Испании со Швецией, что в свою очередь грозило утверждением Испании в Зунде и, следовательно, необычайным ее усилением. Отсюда необыкновенная заботливость Франции о Дании и ее интересах и повышенное внимание к ливонскому вопросу: обладание Ливонией передало бы Франции господство над Данцигом и хлебными рынками востока, что в свою очередь определило бы успех Франции в возможной франко-испанской войне. Исходя из этих соображений, дипломат Дансэ (1575 г.) развертывает перед королем Генрихом III, только что и так неудачно выступавшим кандидатом на польский престол (1574 г.), широкий и увлекательный проект утверждения в Ливонии, что, по словам прожектера, будет для Франции полезнее 10 польских королевств. Дансэ предлагает упрочить союз со Швецией бракосочетанием одного из Валуа (герцога d'Alençon) на шведской принцессе (Елизавете Ваза); затем выкупить у Швеции ее ливонские замки, при чем необходимую для того сумму в 100.000 экю взять или у Пруссии, у герцога или городов, или же у французских городов — Парижа, Орлеана, Ларошеля, и провинций Нормандии и Бретани: последние, узнав о выгодах московской торговли, охотно пойдут на эту сделку. Французский губернатор в Ливонии и небольшой отряд в 200—300 человек удержат Ливонию за Францией и дадут возможность направить туда французскую колонизацию: за 5 лет она поглотит не менее 10.000 человек. Проект Дансэ, при осуществлении которого автор очень расчитывал на поддержку таких ливонских дипломатов-

прожектеров, как Конрад Икскулль, агент при дворе герцога Прусского, и Фридрих Спедт, дипломатический агент архиепископа Рижского, обсуждался в момент новых успехов московского царя и захвата им морского побережья в Пернове (1575 г.). Понятно, что в дальнейшем Дансэ рисовалась анти-московская коалиция, а затем переход шведской короны по женской линии в руки французского короля и французская корона над всем скандинавским севером.

Испанская дипломатия не оставалась в стороне от этих проектов. Интересуясь Москвой лишь между прочим, она всетаки не могла отнестись равнодушно к балтийской борьбе, к вопросу о проливах и Ливонии. В июне 1578 г., когда окончательно было решено польское наступление на Москву, а шведы уже подступали к Новгородской области, в Швеции действовало посольство Франциско де-Эразо от Филиппа II. Около года оно пробыло при дворе Иоанна III и усиленно работало над проектом испано-шведско-польской коалиции против Дании, Москвы, Голландии и Англии. Посол увлекал своего короля перспективами обладания Зундом и легкой борьбы с еретиками Англии и Нидерланд. Если осуществится давняя мечта испанских дипломатов о Зунде, то испанский король сделается абсолютным государем Прибалтики. Но безграничность политической фантазии Эразо умерялась поведением шведского короля: посол в отчаянии доносит Филиппу, что переговоры с королем, тираном и маниаком, бесплодны.

Учитывая излюбленные мечты Габсбургов об анти-турецкой лиге, Франция поднимала против Испании Турцию, говоря, что Испания только потому потворствует московской торговле англичан, что Англия доставляет русским оружие и артиллерию для борьбы с турецким султаном.

Ни французские, ни испанские проекты решения вопроса о балтийских проливах и ливонской торговле не были приведены в исполнение. А выгоды московской торговли, которыми Дансэ готовился увлечь французское купечество, были хорошо известны последнему: минуя обычных посредников (англичан и голландцев), французские купцы уже в 80-х годах появляются в Коле. Первое русское посольство во Францию было отправлено лишь после смерти Грозного в 1584 г., когда царь Федор в поисках политических союзников извещал своего „любительного брата“ о вступлении своем на престол. Ответное по-

сольство Франсуа де-Карля получило торговые привиллегии для французских купцов. После разрухи Смутного времени русское посольство ездило во Францию в 1615 году. Речь шла тогда о признании династии Романовых. Признание de jure не заставило себя ждать, но первый франко-русский торговый договор был заключен лишь в 1630 году.

Своеобразны и очень сложны были взаимоотношения Москвы и Священной Римской империи.

В своей внешней политике империя имела перед собой три основных задачи, отвлекавшие ее внимание к трем ее границам. С юго-востока грозно нависала турецкая опасность: в 1529 г. турки осаждали Вену. На востоке борьба с Польшей за Пруссию и Венгрию; на севере — с Данией из-за Шлезвига и Голштинии и торговых стеснений в Зунде, на западе столкновения с Францией.

По отношению к Польше, как общему их врагу, Империя и Москва быстро договаривались до тесного союза. Так было в 1490—91 гг., когда союз был заключен Иваном III и Максимилианом I; так было в 1514 г., когда его возобновил Василий III. Сложнее был вопрос о борьбе с Турцией. Еще на рейхстаге 1530 г. после осады Вены турками говорилось о необходимости заручиться помощью „московита". Мысль о русско-имперском союзе живет и в русских боярских, и в имперских кругах. Русский боярин кн. Андрей Михайлович Курбский, отъехавший от московского царя в 1564 г., развивает перед имп. Максимилианом II в 1569—70 гг. проект имперско-русско-персидского союза, направленного против Турции. В увлечении этой идеей империя рисует перед царем Иваном заманчивые перспективы покорения „турка" и присоединения Константинополя к Москве (посольство Яна Кобенцля 1575—76 гг.)[1].

Царь Иван охотно откликается на эти предложения, иногда сам о них вспоминает (1573 и 1580 гг.). Но ничего, кроме довольно примитивной дипломатической хитрости, в этих проектах московского царя не имеется. С такой же готовностью он излагает турецкому султану контр-проекты русско-турецкого союза и анти-европейской лиги. Этой прозрачной дипломатической игрой царь Иван пытался обеспечить себя в борьбе за Ливонию.

[1] Uebersberger, Oesterreich und Russland, 449, утверждает, что посол превысил данные ему полномочия и что в инструкции о Константинополе речи не было.

Предъявив претензии на ливонское наследство, Иван IV существенно нарушал имперские интересы, связанные с этой крайне-восточной немецкой колонией и имперским леном. Но в ливонском вопросе империя не могла выступить сколько-нибудь решительно. Слишком были велики разногласия и противоречия так называемых имперских интересов в Прибалтике.

В торговле с Москвой кровно были заинтересованы ганзейские города с Любеком во главе: свобода „нарвского плавания", защита ганзейских судов от шведского и датского каперства и поддержка дипломатических сношений с Москвой — такова политическая программа Любека. К ней склоняются западно-имперские князья и энергично ее поддерживают южные немецкие и прирейнские торговые города Нюрнберг, Аугсбург, Мюнстер и др. Их представители, хорошо изучившие Россию и оценившие выгоды русской торговли, энергично настаивают перед императором и рейхстагами на мирных сношениях с Москвой.

Георг Либенаур, Герман Писспинг и самый деятельный из них Фейт Зенг, агент баварского герцога, в самых оптимистических тонах составляют свои донесения о Московии. Темные стороны московской политики и террор московского царя, о чем так много говорили на Западе, они объясняют, во-первых, преувеличением расказчиков; во-вторых, неизбежностью крутых и жестоких мер в управлении и, в-третьих, дурным правительственным окружением московского царя. Завести с ним постоянные сношения, послать к его двору своего представителя и принять царского представителя при венском дворе на их взгляд — неотложная задача имперской дипломатии. Намекая на императорских советников типа графа Гарраха, для которых „московит" — тиран, варвар и враг христиан, недостойный какого бы то ни было внимания со стороны христианнейшего императора, Фейт Зенг горячо восклицает: „Величайшего наказания заслуживают те государственные люди, которые до такой степени неразумны и слепы, что не видят великой пользы для империи от сношений с русскими и продолжают настаивать на ряде положений совершенно несостоятельных. Они вбили себе в голову мысли, с которыми трудно бороться".

Однако, граф Гаррах не был одинок в своем руссофобстве. Он находил энергичную поддержку среди восточно-имперских князей.

Слухи о планах московского царя (1560 г.) о том, что он не ограничится Ливонией или немецким Поморьем и пройдет до Нидерланд и Англии, необычайно взволновали Померанию, Саксонию и Бранденбург. Померанский герцог Барним старший проявил паническое настроение, решив, что его герцогство неизбежно будет вовлечено в военную зону. Сам курфюрст саксонский Август был чрезвычайно напуган „московитом“ („il a peur du Moscovite“, писал о нем пфальцграф Иоганн Казимир); именно Августу принадлежит знаменитая сентенция об общеевропейском характере русской опасности, подобной лишь турецкой. На средства саксонских городов, как говорили тогда во Франции, снаряжался в Любеке флот против Москвы. Но Август саксонский, связанный с Данией родственными узами и единством интересов, неизменно шел в фарватере датской политики, а потому подобно Дании искал дружбы с Москвой и лишь позже, когда определился перевес военного счастья в сторону Стефана Батория, он субсидировал польского короля в его третьем походе на Москву (1581 г.).

Призыв к разрыву с Москвой и к участию в анти-московской коалиции, исходивший из среды восточно-имперских князей, парализовался решительными протестами с западно-имперской окраины. Пфальц, Майнц пытаются удержать силы и внимание империи на западном фронте и не считают нужным вмешиваться в ливонские или, как они говорили, „чужие“ дела. Для курфюрста Пфальцского, владения которого лежали в спорной прирейнской области Эльзаса, это выступление империи в далекой Прибалтике было чревато серьезными последствиями. Вот почему на рейхстаге 1559 г. курфюрст Пфальца Фридрих Благочестивый энергично протестовал против объявления „московита“ врагом Империи.

Из столкновения всех противоречивых мнений и интересов на Шпейерском рейхстаге 1560 г. восторжествовало компромиссное решение.

Указом 26 ноября 1561 г. имперским чинам было запрещено плавание в Нарву с „запретными товарами“, т. е. предметами военного снабжения. Этот указ необычайно осложнил нарвское плавание, усилив шведское и польское каперство на Балтийском море, но практических последствий, в сущности говоря, не имел. Для наблюдения за нарвским фарватером Швеция выставила пиратские заставы; под Данцигом располагались фло-

тилии польских „speculatores". Нарвский вопрос совпадает с зундским, что ведет к сближению Дании и Москвы и к настойчивым представлениям Любека о возвращении к системе свободной нарвской торговли.

Однако, морской разбой приобретал все большие размеры, тем более, что с 1563 г. Балтийское море стало вместе с Ливонией и Скандинавией театром шведско-датской войны. Воюющие стороны увлекаются кораблестроительством; флоты увеличиваются; выводят в бой новые, дотоле невиданные суда. В Эландской битве 1564 г. вокруг шведского „Марса" сбились все датские корабли, но не могли осилить этого морского „чуда". Растущие военные флоты Швеции и Дании заняты не только войной, но и пиратством. Торговля становится почти невозможной. Создавшееся положение дел обсуждается на Аугсбургском рейхстаге 1566 г., при чем польский король энергично протестует против политики императора и Августа саксонского в русском вопросе: чего ждать от варвара, схизматика, для которого имя императора хуже собаки или змеи! На Любекском ганзетаге 1567 г. та же тема о нарвском плавании вызывает горячий спор двух давних соперников — Любека и Данцига. Из взаимных упреков выясняется, что никто не хочет жертвовать выгодами от нарвской торговли и что сам Сигизмунд II Август за деньги не раз выдавал паспорта в Нарву.

Тогда же на Любекском ганзетаге представил свои соображения о выгодах московской торговли и Фейт Зенг, Крумгаузен и др. Их проекты мира с Москвой вызвали сенсацию; только о них и говорили; посольство в Москву было у всех на устах.

Но в это же время московский царь в виду необычайно развившегося шведского и польского пиратства со своей стороны организует флотилии московских пиратов. С этой целью он договаривается с датчанином Христиерном Роде (1569—1570), который от себя законтрактовал на службу к московскому царю Клауса Тоде, Ганса Дитмерсена и других. Роде согласился ловить враждебные суда, уступая царю каждый третий корабль и с каждого захваченного корабля лучшую пушку. Это мероприятие необычайно взволновало Прибалтику. Слухи о морских вооружениях царя выросли до невероятных размеров, тем более, что „никогда раньше не было слышно о московитах на море".

Одновременно царь Иван готовился к осаде Ревеля и проекти-

ровал создание Ливонского королевства под русским протекторатом (1570 г.).

Можно представить волнение Польши, Пруссии, Померании и других мелких восточно-имперских князей. Тема московской опасности и утверждения на Балтийском море „кровопийцы", которому нет места среди христианских государей, не сходит с уст: ею полны и летучие листки-прокламации, ею же заняты дипломаты.

В такой обстановке начал свои занятия Шпейерский рейхстаг (13 июля 1570 г.). Перед ним стояли два вопроса: церковный и турецкий. Но по предложению Пруссии открылись дебаты по ливонскому вопросу и московитской опасности, так живо всех интересовавшей. Любек подчеркнул безнадежное политическое положение империи и невозможность новой войны за Ливонию, отметив, что главнейшее затруднение в столь важной нарвской торговле купцы испытывают от Польши и Швеции, а не Москвы. Майнц энергично поддерживал позицию Любека. Датские послы представили обширный меморандум на тему о неизбежности датско-русской дружбы. Но крайнюю позицию в русском вопросе заняли восточные окрайны империи. Поддержанные польскими послами, они рисовали полные ужаса картины московского господства в Ливонии. По рукам во время рейхстага ходила агитационная брошюра польского происхождения „о страшном вреде и великой опасности для всего христианства, а в особенности Германской империи и всех прилежащих королевств и земель, как скоро московит утвердится в Ливонии и на Балтийском море". Автор негодует, что вопреки запрещениям в Москву идет оружие, панцыри, мечи, аллебарды, порох, ядра, селитра, сера, свинец, олово, медь и съестные припасы. С варваром сносятся все! К нему идут оружейники, лоцмана-мореходы, знающие прекрасно Балтийское море; идут корабельные мастера. У русских много корабельного леса, много железа для якорей, есть паруса, канаты, деготь и все, что нужно для оснастки. Людей довольно. Они крепки, сильны и отважны. И можно ли договориться с варваром? „Может ли понимать силу клятвы, силу честного слова тот, в ком нет ни истинной религии, ни чести, ни воспитания!".

Неожиданное подкрепление партия восточно-имперских князей и польской дипломатии получила на Шпейерском рейхстаге в лице талантливого, одаренного большим красноречием и весьма

обширной фантазией пфальцграфа Георга Ганса графа Фельденцского.

Владелец миниатюрного эльзасского графства, получивший во Франции насмешливое прозвище „le duc de la Petite Pierre", Георг Ганс, непоседливый авантюрист и прожектер в политике, представляет собой прекрасный образец тех „князей-пролетариев" (Бецольд), каких в изобилии породила реформация с ее системой наследственного права и отменой майората. С 22-летнего возраста Георг Ганс начинает серию своих приключений и военно-дипломатических предприятий, неизменно неудачных и разрушавших в конец его и без того не блестящее материальное положение. Считая себя обиженным при семейном разделе, граф в 1564 г. тайно вступил на службу французского короля. Приверженец аугсбургского исповедания, он одинаково легко служит и королю против гугенотов (1567 г.) и гугенотам против короля (1572, 1575—78, 1587 гг.) или же выступает посредником между воюющими сторонами (1589 г.). Имперский князь — он ведет переговоры то с герцогом Гизом о захвате Страсбурга (1578 г.), то с Дон-Хуаном Австрийским о присоединении к Испании Дитмарсена (1578 г.), то с Альбой и Маргаритой Пармской об оккупации Пфальца (1569 и 1589 г.). Потерпев неудачу с излюбленным проектом создания коалиции против своего обидчика курфюрста Пфальцского (1569 г.) и потеряв на этом предприятии до 80 тысяч талеров, Георг Ганс лелеял уже новые планы: его увлекало морское пиратство. Именно в эти годы — годы шведско-датской войны и запрещения нарвского плавания — и Швеция, и Польша, и Дания, и Москва высылали в Балтийское море усиленные флотилии морских разбойников. В эти годы прибалтийские державы увлекались лихорадочной постройкой кораблей, увеличивая свои флотилии в несколько раз. К зиме 1565 г. Эрик XIV хотел довести свой флот до 80 кораблей. Морские вооружения и морская война были злободневной темой. Ей посвятил свою богатую фантазию и неудачник-князь. С нетерпением ждал он Шпейерского рейхстага, чтобы изложить имперским чинам свой новый проект создания имперского флота, проект, сложившийся не без влияния испанской дипломатии, а, может быть, и целиком восходящий к герцогу Альбе.

Пфальцграф, уже чувствуя себя „адмиралом" имеющего возникнуть флота, убедительно доказывал рейхстагу все невы-

годы и убытки империи, проистекающие из отсутствия флота; указывал на стеснения от зундской пошлины и конкурренции англичан; подчеркивал, какие выгоды при таком положении вещей выпадают на долю иных стран и в особенности этих „нехристей-московитов", которые, забрав Ливонию, намереваются с моря ворваться в империю. Единственное спасительное средство — завести свой флот на Балтийском море и назначить его, пфальцграфа, адмиралом этого флота, при чем каждое третье из захваченных им судов обращается в его пользу.

Немецкие биографы пфальцграфа изображают его проект, как фантастическую затею горячей головы авантюриста. Не так думали его современники. Пфальцграф лишь высказал то, что давно уже всех занимало: борьба с балтийским пиратством и охрана нарвской торговли были очередной задачей имперской политики. Мысль об имперском флоте быстро нашла себе сочувствие среди имперских чинов: коллегия князей поддержала ее особенно энергично. Но по московскому вопросу намечалось иное решение: посылка посольства в Москву и война лишь в крайнем случае.

Партия войны пыталась вырвать от рейхстага иное, более агрессивное решение. С этою целью был пущен слух о взятии Ревеля и о появлении русской флотилии из 40 кораблей у южного берега Балтийского моря. В Шпейере поднялась невообразимая паника. Началось бегство. Рейхстаг колебался некоторое время в нерешимости, но в дальнейшем вернулся к своей прежней резолюции.

После рейхстага Георг Ганс проявил кипучую деятельность по пропаганде своего проекта, и, надо заметить, долгое время занимал им внимание имперских политиков. В летучих листках, брошюрах и многочисленных меморандумах обсуждались и излагались все последствия его осуществления.

На многочисленных имперских и ганзейских „тагах" он возбуждался неоднократно и часто ставился в прямую связь с московским вопросом. Так было, например, в августе — сентябре 1571 г. на Франкфуртском депутационстаге, когда вновь вырос вопрос о борьбе с московским пиратством и когда герцог Альба настойчиво отговаривал имперские чины от посылки в Москву артиллерии, ибо, если московский царь узнает все новости военной техники, он станет сильнейшим врагом, грозным не только для империи, но и для всего Запада. 26 сентября

Георг Ганс вновь развил свой проект, но „таг" отнесся к нему без особого сочувствия: видимо, его смущала возможность усиления Испании и испанской ориентации имперской политики, ибо Испания не преминула бы использовать имперский флот в борьбе с Англией и нидерландскими гёзами. Рейхстаг уклонился от прямого ответа, и пфальцграф опять ушел в свои французские распри (1572 г.). Поведение империи в русском вопросе оставалось попрежнему странно двойственным и как бы невысказанным до конца. „На языке-то у него (цесаря) сладко, а у сердца-то горько", жаловался русский гонец имперским дипломатам. И не столько качества имперских дипломатов, сколько сложность основных задач имперской дипломатии вообще и в русском вопросе в частности приводили и Москву, и империю к этому своеобразному состоянию мира in suspenso.

В виду успехов московского царя в Ливонии, обострения избирательной борьбы в Польше после отъезда Генриха во Францию (18 июня 1574 г.) и возможности польско-московской унии Георг Ганс вновь возвращается к своему проекту. Осенью 1574 г. он появляется при императорском дворе, остается здесь в течение полутора месяцев и энергично указывает императору на зловещие признаки надвигающейся с востока русской опасности. С другой стороны, он развивает перед императором Максимилианом II широкую завоевательную программу. Необходим союз с Швецией; Швеция и империя будут действовать в Прибалтике заодно, ибо шведская корона должна перейти к нему, пфальцграфу, так как мужская линия дома Густава Вазы обречена на вымирание[1]. При таких условиях датский Зунд, это — „золотое дно", дающее от 24 до 30 бочек золота ежегодно, и все Балтийское море окажется в руках империи. Неизбежно затем присоединение к империи и Пруссии, и Литвы. И все это осуществится лишь тогда, когда у империи будет свой флот и надежный адмирал в Ливонии. Императорский ответ на меморандум графа от 8 ноября 1574 г. был очень краток. Император напоминал графу его франкфуртскую неудачу 1571 г. и откладывал дело до ближайшего рейхстага.

Тем временем в 1573—76 гг. Москва и империя, помимо своих обычных дел, были заняты неосуществившимся проектом польского раздела. В виду важности стоявших на очереди во-

[1] Георг Ганс был женат на Анне, сестре Иоанна III шведского.

просов царь Иван ждал к себе „великих послов", а император ограничивался посылкой гонцов и вместе с ними имперских купцов, что очень сердило царя. Под видом дипломатического посланника в 1574 г. проник в Москву немецкий купец Генрих Крамер; царь принял его, как подобало по дипломатическому ритуалу, и потом, когда открылся этот обман, долго не мог простить его и позабыть обиды; когда уже при царе Федоре в 1586 г. приехал в Москву купец Ганс Крамер, то злопамятные московичи его арестовали и конфисковали все его товары. Ликвидация этого инцидента затянулась до царствования царя Бориса.

В 1575 г. царь Иван утвердился в Пернове. Тогда же следом за испанской дипломатией устремляется в Прибалтику и французская, и очень скоро из-под пера Дансэ выходит проект французской колонизации Ливонии и оккупации скандинавского севера. К этому же времени шведское каперство на Балтийском море достигло апогея. Понятно, что все эти обстоятельства привлекли к себе повышенное внимание Германии и вновь поставили имперскую дипломатию перед ливонским вопросом. В Москву было отправлено великое посольство Яна Кобенцля и Даниила Бухау, прибывшее к царю лишь в декабре 1575 г. Вопреки завоевательной программе Георга Ганса, императорское посольство предлагало царю Ивану участие в анти-турецкой лиге из империи, Испании, Рима и других христианских государей, при чем Константинополь отойдет к Москве, и московский царь будет провозглашен „восточным цесарем". За это царь Иван должен поддержать кандидатуру эрцгерцога Эрнеста в польские короли и не обижать Ливонии.

Ответное посольство князя Сугорского и дьяка Арцыбашева прибыло прямо в Регенсбург к 7 июля 1576 г. и оставалось там до 17 сентября того же года.

Работы Регенсбургского рейхстага были в полном разгаре. Русский вопрос, продолжавший интересовать Ганзу и восточно-имперских князей, недавно привлекший внимание французской и испанской дипломатии, был злобой дня и в порядке занятий рейхстага занимал первое место. Русское посольство кн. Сугорского вызвало всеобщий интерес и внимание; по рукам ходили резанные на дереве изображения (своего рода „фотографии") московских послов[1]; около них и имени московского царя вы-

[1] См. Schiemann. Russland, Polen und Livland. Bd. II, S. 380.

росла богатая памфлетная литература. Как и надо было ждать, московское посольство уехало во-свояси ни с чем. После его отъезда в заседании 3 октября с докладом по русскому вопросу выступил Георг Ганс, нетерпеливо ожидавший открытия рейхстага и приехавший в Регенсбург одним из первых. Свой старый проект борьбы за Ливонию и dominium maris Baltici он развивал с новым воодушевлением и красноречивой убедительностью. Однако рейхстаг, подобно Шпейерскому, не вынес определенного решения.

Пфальцграф не покидал своей мечты и с нею уехал в Люцельштейн, свою эльзасскую резиденцию.

Тем временем московский царь, пользуясь смутами избирательной кампаний в Польше и осадой Данцига, продолжал захваты в польской и датской Ливонии (1576—1577 гг.). Звезда московского царя, „единственного под солнцем страшилы басурман и латинов", стояла в зените.

А в далеких Вогезах в Люцельштейнском замке эльзасского авантюриста разрабатывался новый план борьбы с Москвой и на этот раз план военной ее оккупации.

Над планом работали двое: один известный уже владелец замка дюк de la Petite Pierre—Георг Ганс, другой—какой-то немец из Вестфалии, Генрих Штаден, недавний опричник московского царя, около года тому назад прибывший в Голландию из русской Лапландии (1576 г.). Понятна жадность, с которою пфальцграф схватывал рассказы Штадена о „московитах"; понятен интерес, проявленный авантюристом-дюком к его далекому врагу, ко всем мелочам московитской жизни и быта. Несколько месяцев пфальцграф продержал у себя в замке московского опричника, и, по требованию графа, Генрих Штаден к концу 1577—началу 1578 года успел составить описание Московии[1]. За это же время, быстро усвоив мечты графа об имперском флоте и адмиральстве, Генрих Штаден подсказал ему новый план борьбы с Москвой и ее оккупации не с ливонского фронта, а с лапландского фланга, от Колы и Холмогор, со стороны Студеного моря. По требованию графа, он вычислил примерную смету, определил необходимую для того сумму денег,

[1] Под названием „Страна и правление московитов" оно сохранилось в виде первой части (лл. 1—50) издаваемой ныне в свет рукописи Ганноверского архива.

количество кораблей и людей, пехоты и конницы; набросал схему движения оккупационного корпуса до Лапландии и точно обозначил пути наступления на Москву и относительную силу русских укрепленных пунктов на севере. В военно-стратегическом очерке Русского Поморья чувствовалось личное знакомство автора с русским севером[1].

С горячностью, ему свойственной, „князь-пролетарий" бросает все свои военно-дипломатические предприятия и весь отдается новому плану борьбы с „московитом". Он забывает о своих французских делах, забрасывает переговоры с Дон-Хуаном Австрийским и с осени 1578 года — в момент польского наступления на ливонском фронте и испанского прожектерства относительно Прибалтики — развивает горячую дипломатическую кампанию по подготовке анти-московской коалиции и наступления на Москву от Ледовитого океана. Коалиция должна состоять из империи, Пруссии, Польши и Швеции. 27 сентября 1578 г. от пфальцграфа идут посольства к гроссмейстеру Немецкого ордена Генриху и через герцога Карла к его брату Иоанну III, королю Швеции. Тогда же или вскоре после того уходит посольство к польскому королю Стефану Баторию и в начале (26 января) следующего 1579 г. к императору Рудольфу II. Непременным участником прусского, польского и имперского посольства и как бы экспертом по русским делам является дипломатический агент пфальцграфа Генрих Штаден. Весь 1579 г., пока шведы и поляки продолжали свое наступление на русских, а в Любеке и Гамбурге один за другим работали над Балтийским вопросом два ганзетага, пфальцграф был поглощен московским вопросом. Свой проект он рассылает повсюду, где можно было рассчитывать на сочувствие или поддержку: Людвигу курфюрсту пфальцскому, курфюрсту саксонскому Августу, прусским князьям, ливонским городам (в Ригу, Ревель и др.), ливонскому дворянству, померанскому герцогу и, наконец, Иоанну Георгу маркграфу Бранденбургскому.

Летом 1579 г. пфальцграф лично ездил в Любек для переговоров с ганзейскими городами (16 июня 1579 г. было обычное

[1] Проект Генриха Штадена в редакции пфальцграфа Георга Ганса сохранился в дипломатической переписке последнего 1578—1579 г. в материалах Государственного Секретного Архива в Берлине. Переписка и проект были опубликованы Th. Schiemann'ом в 1892 г. в Mitt. aus der livl. Geschichte. Bd. XV, Heft. I, S. 117–159.

посольство от Любека к императору с просьбой охранить его торговлю от шведского каперства и восстановить свободу нарвского плавания).

Однако, тщетны были все попытки пфальцграфа. Империя, верная своей политике, поддерживала с Москвою худой мир.

Полоцк взят (1579), Великие Луки (1580) тоже; начинается осада Пскова: царь одного за другим шлет гонцов к императору с просьбой о вмешательстве и упреками за наложение запрета на торговлю. С другой стороны, императора осаждает Любек. Новое посольство его (конец 1580 г.) в Прагу доказывает императору, что стеснения нарвской торговли, в сущности говоря, не достигают цели: за деньги можно легко получить паспорт в Нарву, но цена у шведов на паспорта столь высока, что их покупка означает раззорение для города.

Но император не слушался и любчан. Царю Ивану он писал, что послы не идут только потому, что еще не решен ливонский вопрос; что запрещено ко ввозу в Москву лишь оружие, и что это запрещение издано еще при Максимилиане II и даже Карле V (последнее не вполне точно).

С 1579 г. (со взятием Полоцка 26 августа этого года) военное счастье очевидно изменило царю Ивану. За Полоцком пали Озерище и Великие Луки (1580 г.); в 1581 г. царь Иван отдает шведам некоторые ливонские замки, а 15 сентября падает русская Нарва. Последний эпизод произвел на Западе большое впечатление. Англичане кинули на помощь русским несколько кораблей. Видимо, пытаясь обеспечить за собою беломорское плавание, царь Иван (1581 г.) увлекается планами кораблестроительства на Белом море, найма голландских корабельных мастеров и шкиперов. Пфальцграф Георг Ганс, покинув свои французские дела, возобновляет кампанию против московитов. На этот раз он опять пытается договориться с Ганзой: Нарва пала, вопросы о нарвском плавании и шведском каперстве должны изменить свой прежний смысл. Пфальцграф ведет переговоры с Ганзой через посредство Ганзейского синдика Генриха Зудермана в Кёльне. В октябре 1581 г. на Любекском ганзетаге обсуждался проект пфальцграфа. Но съезд его решительно отклонил.

Рассеялись мечты дюка de la Petite Pierre о победоносной войне с московским царем. Граф уехал в свой эльзасский замок и скоро с той же горячностью ушел в нескончаемые распри с соседними князьями: пытался оттягать для себя и своего сына

епископство Шпейерское и архиепископство Трирское; разбойничал при случае на большой торговой дороге, проходившей из Италии в Нидерланды по Рейну; вечно нуждаясь в деньгах, занялся распродажей своего родового имущества, и тем осложнил свои отношения с родственниками.

Не покидая своих французских дел, пфальцграф еще раз вернулся в 1588 г. к излюбленной теме борьбы с Москвой. Царь Иван уже умер; на престоле сидел бездетный царь Федор; в виду несчастных родов у царицы Ирины поговаривали о возможности пресечения династии, и в кругах имперских князей находилось не мало охотников до царской державы. Одновременно с этим возникал вопрос о помощи Москве против Польши. Как всегда, мнения делились: одни стояли за посольство к царю и докончание с ним; другие, указывая на отдаленность Москвы, предостерегали от соглашений с этим лукавым варварским народом graecae fidei. Восторжествовало, как и всегда, среднее мнение — золотое правило политики Максимилиана II: не отклонять, но и не принимать предложений Москвы; посольство отправить лишь с информационными целями. Отправка посольства Варкоча была решена 24 сентября 1588 г. До его отъезда пфальцграф спешит ко двору Рудольфа II и в беседах с императором вновь возрождает свои анти-московские проекты. Через три года князь-пролетарий и неудачник скончался (1592 г.).

Отношения Москвы и империи вплоть до 1605 г. не изменялись. Когда Рудольф II по возвращении посольства Варкоча предполагал послать в Москву великих послов, эрцгерцог Эрнест заявил энергичный протест. В расчете на польско-шведскую корону эрцгерцог опасался, как бы посольством в Москву и закреплением с ней дружбы не раздражить Польши. Эрцгерцог не видел достаточных оснований изменять принципам имперской политики: поддерживать идею союза с царем in suspenso, отговариваясь осложнениями с Францией и в Нидерландах, распрями Испании с Турцией и англичанами. Эрцгерцог Матвей протестовал еще энергичнее и подчеркивал, что имперская политика в отношении Москвы вполне совпадает с московской политикой в отношении империи [1].

---

[1] Эрцгерцог Матвей брат имп. Рудольфа II и позднее (1612—1619) германский император.

III.

Борьба за Ливонию заполнила собою тридцать лет царствования царя Ивана; столкнула его со всеми державами европейского Запада; потребовала от государства неисчислимых жертв деньгами и людьми; перенапрягла народно-хозяйственные силы; обострила и ускорила процесс кристаллизации нового социального порядка; усиливая мощь поместного служилого дворянства, она демократизировала власть и завязала прочный узел крепостных отношений в поместье и вотчине. Другой великой северной войне 1700—1721 г. суждено было развить эти социальные последствия войны до их крайних пределов.

В достижениях однажды намеченной цели — господства на Балтийском море — царь Иван, нуждаясь в людях и деньгах, внедряет идею государева тягла и службы мерами, порой жестокими и крутыми.

Экономика и война, вопреки мнению заволжских старцев, вплетала и монастырь в сеть правительственных учреждений. Служба и тягло, а не „теократический смысл времени" и не царская прихоть определяли собою то щедрые земельные и денежные пожалования монастырям[1], то беспощадные конфискации монастырских имуществ (так называемый новгородский погром 1570 г. во время ревельской осады).

Для войны нужны были люди и деньги. В организации тягла и воинской повинности сказались прежде всего успехи объединительной политики Грозного.

Сложной системой мер, то более, то менее значительных, Иван IV подготовил торжество рядового служилого дворянина, того Прокопия Ляпунова или галицкого сына боярского, который через полвека будет распоряжаться судьбами земли и престола.

Во-первых, еще 28 февраля 1549 г. провинциальное дворянство было изъято из подсудности наместникам, кроме дел по наиболее тяжким уголовным преступлениям — душегубства, разбоя и татьбы с поличным.

Во-вторых, приговором 3 октября 1550 г. из аморфной и те-

---

[1] Печенгский 1556 г. (шведская война); Большой Тихвинский 1560 г. (перевод торга из Выборга в Нарву); Святогорский Успенский 1569 г. (Люблинская уния).

кучей массы служилого дворянства было выделено компактное ядро „детей боярских лучших слуг" — зародыш московской гвардии XVIII в. В числе 1078 человек они были поселены под Москвой, вокруг столицы московского государства. Одновременное ограничение местничества во время полковой службы и составление „родословца" и „разрядной книги" преследовали ту же двоякую цель, что и петровский табель о рангах, т. е. умаление родовитой боярской аристократии и вместе тщательную фильтрацию худородных социальных элементов, устремлявшихся в среду московского дворянства снизу; иначе говоря, единую по существу цель торжества среднего дворянина.

В-третьих, к военной службе были привлечены все не только поместные, но и вотчинные земли, иначе говоря, единообразная сеть служилых отношений к московскому царю была наброшена на все владения феодальных князей и парализовала силу прежних внутриудельных феодальных отношений.

В-четвертых, были фиксированы нормы поместного и вотчинного землевладения.

В-пятых, общая площадь служилого землевладения увеличивалась за счет земель дворцовых, черных и монастырских.

В-шестых, за счет крупного княженецко-боярского вотчинного землевладения необычайно усиливается землевладение мелкопоместное служилое. Это последнее мероприятие, без которого были бы немыслимы блестящие успехи Грозного, в 70-х годах носило характер настоящей социальной революции, подобной тем, которые переживались одновременно и Швецией, и Данией. Так же, как и в скандинавских странах, революция протекала под энергичным напором растущего дворянства, а понятная оппозиция княженецких и боярских кругов отражалась Иваном IV так же, как Эриком XIV или Фредериком II.

Наиболее острый и болезненный период этой аграрной революции, начатой еще дедом Ивана IV, совпадает со временем наиболее лихорадочной работы государства по подготовке к войне и организации дворянской конницы. „Пересмотр" поместных и вотчинных дач, своего рода „вывод" феодальных магнатов из их родовых владений и усиленное испомещение мелко-поместного дворянина особенно болезненно переживались в 1566—1572 гг. (от первого земского собора о Полоцкой войне до набега Девлет-Гирея). За эти шесть лет были разбиты старинные княженецкие удельные гнезда.

Вчерне социальная перетасовка была закончена, а потому естественной и неизбежной оказалась некоторая реакция на беспощадные крутые мероприятия революционных лет. Реакция надвинулась быстрее, чем ее ждали, может быть, потому, что над Москвой висела грозная татарско-турецкая опасность (набеги 1571 и 1572 гг.) и в перспективе новое мусульманское иго.

Дальнейшее углубление социальной революции грозило бытию государства. Царь Иван — политик нервный, но чуткий — сам же и стал во главе реакции и после набега 1572 г. объявил программу социального примирения и содружества социальных врагов. В разрядах 1573 года он обращается к войску с призывом службу свою государю показать и со службы не съезжать и параллельно производит *новый пересмотр поместных и вотчинных дач с возвращением их по принадлежности старым владельцам*. Может быть, этим примирением с „землею„ объясняются неясные намеки дипломатических донесений за 1573 год на то, что „московский царь точно ожил и с небывалою энергией обратился к западным — ливонским и польским — делам“.

Но реакция была не в силах обратить историю вспять, и титулованный родовитый боярин безвозвратно отдал свою социально-политическую власть дворянину, который сохранит ее за собой в течение трех столетий.

Торжество мелко-поместного дворянина означало гибель не только княженецко-боярского землевладения и социально-политической силы боярства.

Насаждение мелкого служилого землевладения повело к усиленной и иногда противозаконной эксплоатации поместного права — сложного комплекса феодальных и сеньериальных прав.

Все разраставшаяся борьба за рабочие руки обострялась обще-европейским экономическим кризисом, вызванным открытием Америки, войнами XVI в. и в частности Ливонской войной и специфически-русским процессом колонизации Поволжья и дикого поля или, что то же, запустением замосковного центра. Право крестьянского „выхода“ еще в силе, но постепенно затеняется фактом крестьянского „вывоза“ и с начала 70-х годов приостанавливается в своем действии специальными указами о „заповедных летах“.

Боярской землей и мужицкой свободой расплатилось государство с дворянской конницей за ее ливонские походы.

Сложную систему мероприятий 40—70-х годов по организации служилого дворянства и дворянской конницы царь Иван осуществлял параллельно с загадочной и „бурной затеей опричнины".

„Опричнина" — крылатое словечко, не без сарказма[1] пущенное в оборот самим царем, но официально не признанное, было в обращении с 1565 по 1572 г., и в этом году, как говорят о том печатаемые ниже „Записки опричника", было запрещено к употреблению под угрозой строжайшего наказания. Но под названием „двора" или „удела" „опричнина" продолжает существовать в 70 и 80 годах, и за время своего существования успевает пережить значительные модификации.

Но ни пересмотр княженецкого землевладения, ни разрастание опричной территории в Поморье, ни тем более „эпоха казней" не отражают собою идеи опричнины 1565 г. Изученная в своих социально-политических последствиях, „опричнина" попрежнему остается психологически загадочной реминисценцией удельного быта.

IV.

В борьбе за ливонское наследство и балтийские проливы столкнулись в Прибалтике все европейские державы.

Ливонская кампания (1558 г.) и шведско-датская семилетняя война (1563 г.) вызвала огромный спрос на наемников. Кавалерами-авантюристами, бездомными ландскнехтами и рейтарами, пиратами и просто бродягами кишмя кишел весь Запад, все моря и океаны. В Германии их расплодилось „что груш на деревьях".

Привлекаемые широкими операциями воюющих сторон по вербовке, наемники устремили свое внимание в Прибалтику. С первыми же успехами московского царя под Дерптом слухи о могуществе „московита" прокатились по всему Западу. Под ударами царя рушилась дряхлевшая, лишенная внутренней спайки, Ливония. В страну победителя, „дикаря-московита" отливали новые и новые волны ливонских эмигрантов, теснились жадные толпы всесветных авантюристов.

---

[1] Опричнина — термин удельного времени; означает вдовью долю в княжом наследстве.

Широко раскрывал им ворота своей земли московский царь и, жадный до мастеров-оружейников, воинских людей, рудознатцев и золотоискателей, врачей, юристов и толмачей, встречал радушно всякого иноземца. В московских слободках за Яузой на Болвановке и за Москвой-рекой в Наливках селились немецкие ратные люди-наемники, шотландские стрелки. На Балтийском море от имени царя пиратствовали Христиерн Роде, Клаус Тоде и Сильвестр Франк.

При дворе московского царя слагалась пестрая колония иноземцев-полоняников и выходцев из-за рубежа. Были здесь толмачи и ученые юристы-богословы (Каспар Виттенберг и Каспар Эльферфельд), военные инженеры и командиры немецких отрядов (немчин Размысл [1] и Юрий Францбек, позже перешедший на датскую, а еще позже на польскую службу [2]); были врачи — „лекаря" (англичане Роберт Якоби, Арнульф Линзей, вестфалец Елисей Бомелий). Мелькают далее мало знакомые, но в свое время заметные имена Адриана Кальпа, Фромгольда Гана, Франциска Черри, Генриха Штальбрудера и др. Среди них в конце 60-х годов (1567—1571) выделяются дипломатические агенты царя Ивана ливонцы, взятые в плен в 1560 г. — Иоганн Таубе и Эларт Крузе, авторы знаменитого проекта создания Ливонского королевства (1570—77) и в высокой мере интересного описания „тираннии" (эпохи казней) царя Ивана.

Здесь же на Москве при дворе московского царя делал свою карьеру и вестфалец Генрих Штаден — дипломатический агент пфальцграфа Георга Ганса, оставивший по себе печатаемые ниже мемуары.

Генрих Штаден родился около 1542 г. в маленьком вестфальском городке Ален в семье местного бюргера Вальтера Штадена. Родители его готовили к духовной карьере, но несчастный случай, угрожавший ему уголовным преследованием, заставил его скрыться из родного города. Он нашел пристанище и работу в Любеке в доме своего кузена. Здесь он отбывал натуральную повинность городового дела и с тачкою в руках работал на городском валу. В Риге, куда он позже перебрался, он также принимал участие в работах на городском

---

[1] Может быть, Размусеен? Платонов. Иван Грозный. 87.

[2] После 1585 г. польский сенатор.

валу. Русские наступали тогда в Ливонии; царя Ивана ждали под Ригой (январь 1559 г.). В городе царила настоящая паника, и с постройкой вала очень спешили.

Покинув Ригу, Генрих скитался по Ливонии, был дворовым дворянских мыз и на 17—18 году своей жизни получил должность приказчика в мызе Вольгартен.

В 1562—63 гг. в тревожное время междоусобной борьбы двух братьев — шведского короля Эрика XIV и Иоанна герцога финляндского — Генрих Штаден, занявшийся тогда торговлей, отправился с товарами в шведскую Ливонию в замок Каркус. Город, принадлежавший герцогу Иоанну, был взят, видимо, королевскими ландскнехтами, а все жители его, в том числе и Штаден, были ограблены.

В 1563 г. он перебывал в ливонских замках и затем вторично попал в Ригу.

Здесь в декабре этого года Штаден был свидетелем жестокой казни Иоганна Арца, именовавшего себя графом, шведского наместника в Гельмете. Обвиненный герцогом Иоанном в изменнических сношениях с русскими, граф был растерзан раскаленными клещами.

Из Риги с одной только лошадью Штаден отправился в польский Вольмар, откуда польские отряды совершали свои набеги на пограничные русские области и в частности Юрьевский уезд, недавно отошедший к Москве (1558 г.). К этим вольмарским отрядам присоединился и Генрих Штаден; с ними он принимал участие в пограничных набегах и грабежах. Однажды, повздорив из-за дележа добычи, он попал в тюрьму.

Выйдя на свободу и „вдоволь насмотревшись на ливонские порядки“, он махнул на Ливонию рукой и решил перебраться за рубеж, в таинственную и заманчивую Московию.

Понятно это решение бездомного вестфальца, дворового ливонских мыз и польского ландскнехта. То было время всеевропейской тяги на восток; то было время блестящих успехов Грозного. Счастье, казалось, бежало по пятам за „московитом“. Не так давно прогремела его слава покорителя Казани и Астрахани. В прошлом году ему сдался литовский Полоцк (1563 г.)— ключ от Двины и Риги.

Счастливо миновав польские заставы на реке Эмбах и избежав неминуемой в случае поимки виселицы, Генрих Штаден пробрался к Дерпту. Там после отъехавшего 30 апреля 1564 г.

к Сигизмунду II Августу кн. Андрея Михаиловича Курбского воеводой сидел боярин Михаил Яковлевич Морозов (1564 г.).

Через шесть дней Штаден был уже в Москве, в посольском приказе перед дьяком Андреем Васильевичем „у распросу". Он был взят толмачем в приказ; тогда же был пожалован поместным окладом в 150 четвертей и испомещен в Старицком уезде в селе Тесмино с деревнями, принадлежавшими до того одному из людей кн. Владимира Андреевича Старицкого (?).

Царь Иван был занят в то время мыслью о возрождении под русским протекторатом распавшегося в 1561 г. ливонского ордена. Предполагалось посадить магистром Вильгельма Фюрстенберга, взятого в плен в 1560 г. и проживавшего в Любиме, а преемником ему назначить сына последнего ливонского магистра Готгарда Кеттлера,—Вильгельма. Для переговоров Фюрстенберг был вызван в Москву (1564 г.). Но, как ленник Империи, он отклонил от себя предложение царя Ивана и был отправлен обратно в Любим, где и умер в январе следующего 1565 года.

В этих переговорах Генрих Штаден впервые выступил в своей новой роли толмача.

Получив от царя двор на Москве в „земщине" и, как иноземец, пользуясь правом курить вино, варить пиво и ставить мед, Генрих Штаден занялся обычным для иноземца занятием—корчемством. Не довольствуясь корчемными доходами, он завязывает связи с местными купцами-промышленниками и сборщиками мягкой рухляди с инородческих окраин Московского государства и занимается меховой торговлей [1].

На Москве Генрих Штаден быстро находит себе друзей и покровителей. Боярин и конюший Иван Петрович Челяднин, Алексей Данилович и Федор Алексеевич Басмановы, судья Димитрий Пивов, объезжий голова Григорий Грязнов и другие устраивают его служебные дела, заботливо приискивают ему поместье или потворствуют его корчемной спекуляции и прямым вопиющим вымогательствам.

Генрих Штаден попал на Москву, когда Грозный осуществлял свой грандиозный план социальной революции. Уходило

---

[1] И, кажется, в 1566 г. уезжает с товаром и проезжей грамотой от царя заграницу через Нарву. Может быть, во время этой поездки он и вывез в Москву тех трех рудознатцев и в том числе Андрея Вольфа, о которых он упоминает в своих записках.

в прошлое удельное княжье. Как ветви „палого зяблого дерева", летели прочь боярские головы. Рушились княженецкие, боярские и монастырские богатства. На историческую авансцену выходил вчерашний смерд — сегодняшний опричник.

Организуя оборону и ближайший тыл, царь „перебирает" один за другим московские города и уезды. Районы важные в стратегическом отношении уходят в „опричнину". В год земского собора о Ливонской войне (1566 г.) был взят в опричнину Старицкий удел кн. Владимира Андреевича; князю был отведен соседний Дмитров; Старица была обращена в царскую ставку на время Ливонской войны, а в Старицком уезде посажены новые помещики — „опричные" люди.

Взяты были в опричнину и старицкие поместья Генриха Штадена[1]. Сверстанный с дворянами московскими, он получает в додачу к Тесмину еще два села — Красное и Новое с деревнями.

В 1570 г. он принимал уже в качестве опричника участие в Новгородском походе и „погроме". В виду неудач на ревельском фронте, правеж казны по новгородским монастырям и конфискация церковного имущества на военные нужды приняли тогда грандиозные размеры. Целые обозы в сотни подвод с добром тянулись от Новгорода к Москве. Отдельные опричные отряды, отрываясь от царской ставки под Новгородом, уходили далеко на север и даже по берегам Студеного моря оставляли по себе кровавые следы.

Генрих Штаден, подобрав свой собственный отряд-дружину, предпринял самостоятельный поход и отличался грабительскими набегами на мирные русские монастыри и посады. Уйдя из Москвы в царском отряде с одной лошадью, он вернулся с табуном в 27 голов, да 22 лошади пришли в санях, с верхом заваленных награбленным добром.

После Новгородского погрома на Старицком смотру Штаден был пожалован „вичем". Генрих, сын Вальтера, — отныне Андрей Володимирович — сообразно со своим новым положением ставит новые хоромы на московском дворе, умножает свои подмосковные имения и кабальную дворню. По московским улицам и слободам покупает и выменивает дворы; прибирает к рукам пустые дворовые места. В бесконечных распрях и тяжбах с соседями и

[1] Когда? — неизвестно.

зависимыми от него людьми он не стеснялся никакими средствами, если только они вели к желанной цели всемерного обогащения. И с каким неподражаемым цинизмом, поразительным в своей наивности и простоте, Генрих Штаден поведал нам эту беззаботную повесть своей жизни, повесть душегубства, разбоя и татьбы с поличным!

В 1571 г. в набег Девлет-Гирея он был на Москве. Эскизно, но выразительно и ярко, он зарисовал знаменитый московский пожар.

Последний эпизод в служилой карьере Штадена, неожиданно оборвавшейся когда-то, около 1573 г., связан с набегом Девлет-Гирея в 1572 г. Штаден был „на берегу" — на Оке во главе одного из разъездов передового полка кн. Дм. Ив. Хворостинина.

После набега Девлет-Гирея Генрих Штаден при пересмотре поместных и вотчинных дач лишился своих имений и на себе испытал все действительное значение реакции в земельной политике московского правительства после 1572 г. Участие „земщины" в общих тяготах войны требовало от государства соответственной компенсации. С другой стороны, подготовка к новым ливонским походам и блестящим военным успехам 1575—1577 г. требовала примирения с „землей". Те же военные нужды государства, которые в свое время вызвали земельный „пересмотр", теперь увлекали правительство на путь компромисса и даже „обратного пересмотра".

Покинув Москву, Генрих Штаден пытался наладить мукомольное дело на Волге: в Рыбной Слободе (Рыбинске) он завел мельницу. Но оттуда скоро перекинулся в Поморье (1574—75 гг.). Понятен интерес к Поморью, проявленный вестфальцем-авантюристом. Здесь от Холмогор и Колы через Вологду и Каргополь проходили торные торговые пути из „еуропских стран" в Шемаху и Персию, в Хиву и Бухару и в Индию с Китаем. Поморье торговое и промышленное — источник экономической мощи и политической силы Новгородской республики — по праву занимает первое место среди других областей Московского государства и в разгар Ливонской войны в 70-х годах XVI в. уходит в опричнину.

От Каргополя и Вологды в русскую Лапландию и самоедские тундры отправлялись своеобразные административно-пиратские и торгово-промышленные экспедиции русских. Москов-

ские промышленники и сборщики ясака продолжали традиции новгородских ушкуйников, а по приемам и целям действия напоминали собою русских землепроходцев и промышленников, которым Россия обязана освоением Сибири (XVII в.), Камчатки, Алеутских островов и Аляски (XVIII в.).

Лаппы и самоеды (XVI в.), подобно камчадалам, алеутам и колошам (XVIII—XIX вв.), испытывали на себе все тяжести двойного, иногда тройного подданства и экономической конкуренции заморских и русских пиратов. Дорогие сорта мехов скупались русскими за-бесценок. Торг бывал на Пустоозере, в Кандалакше и Коле. И, конечно, у Штадена были здесь свои агенты. Во всяком случае он принимал участие в меховой торговле и поддерживал связи с лейпцигской ярмаркой.

К 1575—76 гг. он перебрался в Колу в расчете уехать с товаром за рубеж; пока же выступал торговым посредником между английскими, голландскими, норвежскими и русскими купцами. Здесь, в Коле, на далеком русском севере, увидел он вещественный след нидерландской революции — грозной „эпохи иконоборства"; один из голландских кораблей привез на продажу груз изъятых революцией ценностей католических храмов: медные решетки с хор, светильники, кадильницы, венчики, церковные облачения и т. п.

В навигацию 1576 г. с одним из голландских кораблей Генриху Штадену удалось, наконец, покинуть Россию.

Обогнув Нордкап, корабль взял курс по норвежским фьордам на Берген и дальше на Голландию. Первая часть пути[1] прошла благополучно. Но по Северному морю пришлось итти с большою осторожностью. Не говоря об обычных для того времени пиратах, голландцам надо было особенно остерегаться встречи с испанскими судами, а кораблю, с которым Штаден и какие-то русские купцы везли свои товары, эти встречи были бы вдвойне опасны. Корабль имел на борту до 500 центнеров (около 200—300 пудов) каменных ядер для стенобитных орудий, закупленных голландскими повстанцами на скандинавском севере. Дело было в самый разгар нидерландской революции, когда ставший во главе северных революционных провинций Вильгельм принц Оранский настойчиво продолжал борьбу за независимость их от испанского владычества и подготовлял

[1] От Колы до Антверпена плыли примерно 15 дней.

почву для соглашения с южными (фламандскими и валлонскими) провинциями, остававшимися верными испанской короне [1].

Едва избегнув опасной встречи с испанскими галерами, корабль достиг Голландии. Генрих Штаден с одним из русских торговых людей отправился в Лейпциг, где расторговался мехами с немецкими купцами и между прочим с некиим Генрихом Крамером, может быть, тем самым, который за два года до того, в 1574 г., побывал в Москве, самозванно прикрывшись званием дипломатического посланника.

На возвратном пути из Германии в Голландию, где-то около Гертогенбоша, на границе Северного Брабанта, Генрих Штаден был арестован и едва не подвергся пытке и казни, может быть, по подозрению в шпионстве.

Позже он появляется в Швеции, где безуспешно хлопочет о проезжей грамоте от короля для проезда в Москву. По этому же делу он ездил в Эмбден, но также безрезультатно. Оттуда по поручению Карла герцога Зюдерманландского Генрих Штаден был в Голландии: он должен был навести справки о русских торговых людях, времени их отплытия и маршруте. Герцог Карл готовил в это время (дело было ранней весной 1577 года) обычное пиратское нападение на торговый караван русских купцов.

Штаден выполнил данное ему поручение герцога и вернулся к нему в Ост-Фрисландию, но герцога там не застал; он уехал в Вогезы в Люцельштейн к своему шурину пфальцграфу Георгу Гансу. Туда же направился и Штаден и там вручил герцогу Карлу свое донесение.

Представленный пфальцграфу, Генрих Штаден, московский опричник, необычайно заинтересовал его своими рассказами о московитах, о „великом князе“ и политическом положении Московии. Пфальцграф, только что прибывший с Регенсбургского рейхстага, пылал мечтой об имперском флоте, об узаконенном морском пиратстве и о борьбе с „нехристями-московитами“.

Здесь в Люцельштейнском замке Генрих Штаден составил свое описание Московии (конец 1577 — начало 1578 гг.) и проект ее военной оккупации от Колы и Онеги, послуживший в 1578—79 гг. предметом оживленной дипломатической переписки пфальцграфа. В качестве дипломатического агента последнего Генрих

[1] Договор был заключен в Генте (так называемая „гентская пацификация“) 8 ноября 1576 г.

Штаден принимал участие в посольствах к гроссмейстеру Немецкого ордена Генриху, к польскому королю Стефану Баторию и к императору Рудольфу II (сентябрь 1578 — январь 1579 гг.).

При императорском дворе Генрих Штаден остается на более долгий срок, заинтересовав Рудольфа II и своей автобиографией, и рассказами о московитах. От своего имени он обращает императору тот самый проект военной оккупации Московии, который однажды уже был разработан им для пфальцграфа. Может быть, проект этот был представлен в связи с очередным оживлением ливонского вопроса летом 1579 г.: в июне этого года к императору пришло посольство от Любека с жалобами на стеснения нарвской торговли шведскими каперами; в июле того же года к императору было посольство от шведского короля, искавшего у Рудольфа II помощи против Москвы.

Может быть, не без влияния Штаденского проекта император Рудольф в письме к Иоанну Георгу, курфюрсту Бранденбургскому, высказывается о необходимости оказать помощь Ливонии, о необходимости создания морской армады, о союзе с татарами, которые могли бы вторгнуться в пределы Москвы со стороны Азии. Письмо датировано 26 августа 1579 г., т. е. за 3 дня до падения Полоцка.

Проект (Anschlag) Генриха Штадена сохранился во второй части издаваемой ныне Ганноверской рукописи (л. 50 об.—66). Вместе с ним в ответ на предложение императора Генрих Штаден скопировал свое описание Московии (л. 1—50), изготовленное им еще в Люцельштейне, заново составил (1579 г.) свою автобиографию (л. 69 об.—97); предпослал этому материалу всеподданнейшее обращение к императору (Supplication л. 66 об.—69), изъявив в заключение готовность представить дополнительно (если то будет угодно императору) описание Ливонии, историю ее гибели и изложение возможных средств для ее отобрания от „великого князя".

Если справедливы соображения Бера о том, что издаваемая ныне рукопись попала в Ганноверский архив в числе прочих бумаг, изъятых во время 30-тилетней войны в Праге, любимой резиденции Рудольфа II, то возможно, что в свое время эта рукопись была доложена императору.

Штаденский проект военной оккупации Московии с Поморья — проект, сильно интересовавший английских купцов и дипломатов, и в годы русской Смуты повторившийся в плане кап. Чемберлена (1612 г.), проект, к которому вернулись те же англичане через 300 слишком лет, в годы русской революции наших дней, — вводит исследователя в дипломатическую кухню XVI века.

XVI век с его головокружительными океаническими предприятиями и широкой военной игрой на европейском материке создал особую породу людей, для которых политическое прожектерство было доходным ремеслом. Пользуясь своим знанием дипломатической игры и тайны международных отношений, они охотно продавали его тем, кто им платил дороже. Распуская сенсационные известия и слухи, они же сами ловили их и превращали в предмет доходной спекуляции; в своих донесениях, записках и меморандумах они предлагали своим государям планы борьбы с кознями их врагов, с тем, чтобы на завтра на составлении контр-проекта получить новую сумму.

Пират на море, ландскнехт на суше, прожектер в политике — фигуры одинаково типичные для XVI века и во многом совпадавшие одна с другой.

То было время, когда пират легко превращался в купца, когда купец был дипломатом, а дипломат купцом. При каждом дворе вырастал свой маленький дипломатический корпус. И если у Генриха III, короля Франции, был Дансэ, у Филиппа II испанского — Франциско де-Эразо, то у Ивана IV московского были Таубе и Крузе, у архиепископа Рижского — Фридрих Спедт, у герцога Прусского — Конрад Икскулль, у герцога Веймарского — Вильгельм фон-Грумбах, у герцога Баварского — Фейт Зенг, у дюка de la Petite Pierre — Генрих фон-Штаден. Проект Генриха Штадена приобретает для нас особый интерес, ибо своим возникновением обязан той напряженной заинтересованности, с какою Запад следил за перипетиями борьбы в Балтийском море.

Штаденское описание Московии, основанное на личных впечатлениях участника или современника событий и устной традиции придворной или народной среды, займет одно из первых мест в ряду Rossica XVI в.

Около 12 лет (с 1564 по 1576 г.) Генрих Штаден прожил в Московском государстве; из них около 6 лет (?) провел в „опричнине“.

Достаточно этой хронологической справки, чтобы почувствовать исключительную историческую ценность литературного наследства опричника-вестфальца.

I На основе его личных впечатлений сложилось топографо-экономическое описание русского Поморья и описание Москвы. Замечательное, единственное в литературе, описание опричного двора на Неглинной (1565—1571 гг.), сгоревшего в набег Девлет-Гирея, сделано также по личным воспоминаниям. Отсюда своеобразная, необычная для автора экспрессия литературного стиля в изображении низких хором „кровожадного дикаря", особного царского дворика, усыпанного белоснежным песком.

II Новые данные по истории опричнины звучат особенно убедительно в устах опричника, пострадавшего при аграрной реакции и обратном пересмотре земельных дач в опричнине после набега 1572 г.

По своим старицким поместьям он хорошо ознакомился с существом крестьянского вопроса и условиями нарастания крепостных отношений в поместье, с техникой сошного письма и посошного обложения, и в своих „Записках" сумел рассказать и по этим вопросам кое-что в высокой мере интересное для историка.

III Детали приказного суда, центрального и областного управления подобраны автором тоже опытным путем: на Москве, в Старице и в Каргополе изучал он строй и характер „высшей московской школы", как иронически именует автор хитроумные проделки московских приказных в паутине московских законов.

IV По личным впечатлениям излагает автор события московской истории 1565—1576 гг. События до 1565 г. записаны по изустным рассказам придворной или обывательской среды.

Таков в общих чертах материал „Записок".

Значительное количество бытовых картинок сообщает мемуарам опричника сугубую историческую ценность; а сочность их красок придает им характер занимательного чтения.

Наличность автобиографической части отличает „Записки опричника" от того материала Rossica XVI в., который до сего времени был в ученом обороте, и сообщает им особое значение.

Генрих Штаден, в 16—17 лет убежавший из родного вестфальского городка от уголовного преследования, работавший землекопом по городам немецкого и ливонского поморья, побывавший дворовым и приказчиком в ливонских мызах, позже

купцом, ландскнехтом польской службы, толмачем при царском дворе, старицким помещиком и опричником московского царя, поволжским мельником, купцом-меховщиком и торговым маклером на русском Поморье, курьером при герцогском дворе, политиком-прожектером и дипломатическим агентом при графском и императорском дворах, — Генрих Штаден займет видное место в ряду выезжих или пленных иноземцев-авантюристов, которые в свое время действовали по сю сторону московского рубежа.

С другой стороны, калейдоскопичность его биографии, неожиданные извивы его карьеры, неудержимость его конквистадорского воображения сближают его с теми „кавалерами-авантюристами", которыми кишела тогда Западная Европа.

Наш Генрих Штаден — типичный picaro — под стать своим испанским прототипам.

Его мемуары — мемуары авантюриста XVI в. с их элементами novella picaresca — приобретают исключительный интерес, интерес биографии, вырастающей до бытовой типологической характеристики.

И. Полосин.

ЗАПИСКИ ГЕНРИХА ШТАДЕНА О МОСКОВИИ

I

Прошение императору Рудольфу II. (л. 66 об. — 69).

(66 об.) *Его римско-кесарскому величеству королю венгерскому и чешскому, нашему всемилостивейшему государю всеподданнейшее и всепокорнейшее прошение от меня, Генриха Штадена.*

(67) Всепресветлейший, вельможнейший, непобедимейший римский император, король венгерский и чешский, наш всемилостивейший государь!

Каким образом Русская земля до сих пор управлялась; как князья владели собственными уделами, вотчинами и поместьями; как вели они войну против крымского царя — извечного врага их государства; где они с ним обычно сходились; как далеко опустошил он их страну; как выжег он Москву и как неуклонно стремится к тому, чтобы присоединить к себе Русскую землю, а великого князя с обоими его сыновьями увести с собой в Крым и завладеть [великокняжеской] казной — в этом моем послании найдете, ваше римско-кесарское величество, письменное изложение этого. Еще сообщил я о том, как великий князь без пощады и сожаления убивал правителей своей собственной земли; и как все это было и как происходило. Как всемогущий бог покарал страну чумой и голодом и как много еще других в ней бывало бед. Я имею в виду при этом намерение крымского царя [захватить Русскую землю] при помощи турецкого султана, казанских, астраханских и нагайских татар и князя Михаила (!) (об.) из Черкасской земли. Короля польского, который посажен на престол турецким султаном, когда крымский царь не имел должного успеха, — я не считаю.

Милосердый бог так часто и чудесно охранял меня в тех странах и — как это достоверно рассказано в моем послании — невредимым спас меня из рук русских, что, может быть, такова была божья воля, чтобы я открыл это (solchen Zustand und Gelegenheit) вашему римско-кесарскому величеству; как то теперь мною и написано, не мудрствуя, и вкратце, — по требованию и желанию вашего римско-кесарского величества. Но в услугу вашему римско-кесарскому величеству по вашему желанию я готов в случае необходимости представить более пространный устный или письменный доклад.

За получение от меня такого описания король польский очень много дал бы мне, когда я был послан в Польшу. Но меня брало раздумье, и я решил этого не делать.

А теперь, ваше римско-кесарское величество, я всенижайше прошу милостиво поднять и принять от меня это мое послание. Я писал его всем сердцем моим и великую радость испытал я (68), когда бог удостоил меня лицезреть ваше римско-кесарское величество. А больше ни о чем я и не забочусь! Душу свою я посвятил только богу, а очи мои и сердце мое все время моей жизни устремлены на то, как бы послужить во славу вашего римско-кесарского величества, что вы и увидите на деле.

Покорнейшая моя просьба: оставить это мое послание при вашем римско-кесарском величестве, а мой проект хорошо обдумать и выполнить его, не упустив благоприятных обстоятельств. Но только — чтобы это мое описание не переписывалось и не стало общеизвестным! Причина: великий князь не жалеет денег, чтобы узнавать, что творится в иных королевствах и землях. И все это делается в глубокой тайне: наверное у него есть связи при императорском, королевских и княжеских дворах через купцов, которые туда приезжают; он хорошо снабжает их деньгами для подкупа (в почесть — zur Vorehrung), чтобы предвидеть все [возможные] обстоятельства и предотвратить опасность.

Если он узнает об этом, он прикажет укрепить острогами и занять гарнизоном устья рек на описанном морском берегу.

(об.) Быть может, кто-нибудь скажет, что все это я делаю в расчете на деньги или подарки. На это я отвечу так — я делаю это для вашего римско-кесарского величества по своему желанию и даром. Потому еще, что с ранних лет я считаю себя в долгу перед всемогущим богом, его сыном Иисусом Христом

и святым духом, ибо он дал мне возможность видеть толикие вещи, что я могу открыть и предложить столь великое.

Причина еще и та, что я родился под державой вашего римско-кесарского величества, и все мои родные пребывают под той же достохвальной и далеко прославленной державой. Долг и обязанность каждого — кто что узнает — открыть это вашему римско-кесарскому величеству.

Если ваше римско-кесарское величество поставите на очередь это христианское дело и предприятие и приступите к его осуществлению, то я, Генрих Штаден, клянусь по-рыцарски свято служить и помогать в этом вашему римско-кесарскому величеству.

Из этого моего письма ваше римско-кесарское величество соблаговолите усмотреть, каким образом я держался на службе великого князя, исконного врага всего христианства и неописуемого тирана.

(69) Тем паче мне, родители коего блаженно жили и умерли под вашей эгидой, надлежит всепокорнейше служить вашему римско-кесарскому величеству — всячески и изо всех моих сил, дабы держава ваша была во главе всего мира, дабы она не то что не пошатнулась бы или ослабела, но обратно приумножилась.

Для большего подкрепления собственноручно подписываюсь Вашего римско-кесарского величества всеподданнейший и всепокорнейший слуга Генрих Штаден manu propria.

II

План обращения Московии в имперскую провинцию

(л. 50 об. — 66).

(50 об.) *План, как предупредить желание крымского царя с помощью и поддержкой султана, нагаев и князя Михаила* (!) *из Черкасской земли*[1] *завоевать Русскую землю, великого князя вместе с двумя его сыновьями пленниками увести в Крым и захватить великую казну.*

(51) Всепресветлейший, вельможнейший, непобедимейший римский император, король венгерский и чешский, наш всемилостивейший государь!

Ваше римско-кесарское величество усмотрите из этого моего послания, как сильно и жестоко — и не без основания — воюет крымский царь землю великого князя. Все прежние великие князья ежегодно давали крымскому царю определенную дань. А теперешний великий князь за несколько прошедших лет не давал своей обычной дани крымскому царю.

Ваше римско-кесарское величество усмотрите также, какие огромные убытки причинил крымский царь великому князю и его стране. И если великий князь правил бы еще сотню лет и даже более того — что, конечно, невозможно — то и тогда он не мог бы преодолеть того раззорения, какое крымский царь причинил Москве и Рязанской земле.

Ежегодно в течение всего лета великий князь должен держать своих воинских людей на реке Оке в 14 милях от Москвы.

[1] Автор или переписчик его мемуаров ошибочно упоминает кн. Михаила ко времени составления „Плана“ уже казненного царем Иваном.

Прежде войско великого князя выходило обычно навстречу крымскому царю за Великий Дон и Донец, до дикого поля, между Крымом и Рязанской землей. Рязанскую землю крымский царь опустошил; великий князь держит [там] по деревянным острогам (Heusern) или замкам лишь некоторое количество стрельцов. Все князья и бояре вместе с их крестьянами (об.) уведены из Рязанской земли в Крым в полон.

Крымский царь так жаждет захватить Русскую землю, что я не могу ни описать, ни рассказать того вашему римско-кесарскому величеству в полной мере. В особенности потому, что турецкий султан [посадил] в Польше королем Стефана Батория, как и его [крымского царя] посадил он в Крыму.

Итак, крымский царь с поддержкой и помощью турецкого султана, который не откажет ему в поддержке, рассчитывает захватить Русскую землю, а великого князя вместе с его двумя сыновьями, как пленников, связанных (gebunden und gefenglich) увести в Крым и добыть великую казну, которая собиралась много сотен лет. Из нее турецкому султану будет выдана чудовищно большая сумма. А турецкий султан уже отдал приказ пятигорским татарам, которые обычно воевали Литву и Польшу — много зла причинили они Польше еще и в прошлом году — чтоб с Польшей они держали перемирие (Stillestand), с тем, чтобы польскому королю тем легче было напасть на воинских людей великого князя. Все это весьма на руку крымскому царю (52). Великий князь не может теперь устоять в открытом поле ни перед кем из государей (Herren) и как только он убеждается, что войско польского короля сильнее его войска, он приказывает тотчас же выжечь все на несколько миль пути, дабы королевское войско не могло получить ни провианта, ни фуража. То же делается и против войска шведского короля. А как только отступят войска польского или шведского короля, войско великого князя опять готово к походу. Оно устремляется в Польшу или Швецию, жжет и грабит. И часто, когда [великий князь] уверен в удаче, он сам отправляется в Польшу, Лифляндию и Швецию; забирает там один, два или три замка, какой-нибудь город и тотчас же уходит опять на Москву. Теперь [впрочем] он направляется обычно не в Москву, а в Александрову слободу.

Крымский царь имеет в помощь нагаев, у которых нет государя и которые служили обычно великому князю за право по-

вольного грабежа в Польше, Литве, Лифляндии и Швеции. К тому же [крымский царь] имеет в помощь еще свойственника (Schwager)[1] великого князя из Черкасской земли (об.), ибо великий князь бесчестно обошелся с его дочерью, а его сына князя Михаила убил. Имеет он в помощь также и татар, которые обитают в обоих царствах — Казанском и Астраханском — и тех, что живут в окрестных улусах или округах, как-то луговых и нагорных черемис. Когда крымский царь жег Москву и опустошал всю Рязанскую землю, у него было тогда 30.000 нагайской конницы. Тогда же был с крымским царем и свойственник великого князя князь Михаил (!) из Черкасской земли со многими тысячами конных. Тогда же поднялись и татары из обоих царств Казанского и Астраханского: грабили, жгли, убивали и много тысяч русских увели в полон с собой в свою страну. Оба эти царства, Казанское и Астраханское, до того принадлежали родственнику (Vetter) крымского царя — Шигалею.

Шведский король вместе с лифляндцами воюет с великим князем. [Скажут] и это на пользу крымскому царю. Но я это ни во что не ставлю. Причина: [и без того] крымский царь имеет достаточную помощь от турецкого султана (53), нагайских татар, князя Михаила (!) из Черкасской земли, Казанских и Астраханских татар и короля польского. В [шведском короле] нужды ему [крымскому царю] нет, разве что сам [король] пожелает!

Что из этого произойдет и насколько это важно для всего христианства — это я представляю обдумать вашему римско-кесарскому величеству, ибо ваше римско-кесарское величество — глава всего христианского мира.

Чтобы все это предупредить; чтобы не повело это к посрамлению всемогущего бога и сына его Иисуса Христа и святого духа, к умалению вашего римско-кесарского величества и погибели всего христианского мира; но — напротив — чтобы случилось все во славу и хвалу всемогущего бога, вашему римско-кесарскому величеству к величайшей и высочайшей славе и богатству, а всему христианству, главой которого являетесь вы, ваше римско-кесарское величество, пошло это

[1] Schwager — собственно шурин; и это могло бы относиться к брату Марии и казненного на Москве Михаила — Мастрюку, сыну Темрюка. Но, может быть, автор употребляет это слово в его общем значении — „свойственника".

в пользу и назидание (zu Nuz Frommen) — я и представляю вашему римско-кесарскому величеству следующий совет и план.

Неизвестный путь (Pasasie) или дорога водою и сушею (Weg zu Wasser und zu Land) на Москву.

Печенга — монастырь, основанный монахом (об.) Трифоном; около 23 лет тому назад[1] он пришел из Великого Новгорода к этому месту в Лапландии через Норвегию и Вардегуз. Монахи и слуги и все [жители] кормятся от моря (aus der Sehe). Они ловят треску, семгу и бьют рыбу по названию белуха (Peluga[2]); из нее вытапливают ворвань; [монахи] имеют двор на Кольском посаде; а по берегам реки Колы вываривают соль.

Кильдин — остров, омываемый морем, он высоко вздымается. На нем живут лаппы. На острове есть озеро с пресной водой (ein susser Sehe).

Кола — река или залив. На этой реке русские рубят остроги; в особенности же Яков и Григорий Аникиевичи Строгановы. Около трех лет тому назад они здесь же поставили еще соляварню. Эти братья владеют еще городом Великой Пермью и Солью Вычегодской. Здесь на этой реке они торгуют с голландцами, антверпенскими торговыми людьми и другими заморскими. Они же обещали великому князю укрепить это место. Сюда голландцы и антверпенские [торговые люди] привезли несколько сот колоколов, которые были взяты из монастырей и церквей, и всякого рода церковные украшения (54) — венчики, светильники от алтарей, медные решетки с хор, церковные облачения, кадильницы и многое множество подобных вещей.

Черная река — острог (Hof). Здесь ловится семга. Некоторые [торговые люди] из Холмогор получили право торговли с лаппами на [берегах] этой реки.

Терский нос — земля; уходит далеко в море; на ней живут лаппы.

Кандалакша — река; на ней — незащищенный посад с небольшим монастырем. Здешние жители кормятся от моря вместе с монахами и их слугами. Здесь — граница Лапландии.

Умба и Варзуга — реки. На этих реках построены незащищенные посады. На св. Иоанна летнего здесь вылавливают за

---

[1] Первая жалованная грамота Печенгскому монастырю дана в 1556 г.

[2] Разновидность дельфинов (Beluga leucas). Водится в Сев. Ледовитом океане.

один день много, много тысяч семги. Большею частью она идет на дворец великого князя.

Кереть — река и незащищенный посад. Люди кормятся там от стекла, которое добывается из земли. Оно разрывается на тонкие листы (dunne gerissen), а потом из него делают окна; на русском языке это называется слюда (Sluda)[1].

(об.) Кемь — река. На этой реке — большой незащищенный посад. Питаются сельдью и ловят семгу.

Шуя Карельская — бухта и незащищенный посад. Опустошен опричными.

Соловки — монастырь; лежит в море на острове, омываемом кругом со всех сторон, так что можно подойти на кораблях и объехать кругом этот маленький остров. Шесть русских князей отдались под покровительство этого монастыря со всеми их деньгами и добром.

Сума — река и незащищенный посад; принадлежит Соловецкому же монастырю. Торгуют разного рода товарами и топят ворвань.

Нименга — посад на реке того же имени (an dieser Rever ein Fleck). Жители вываривают из моря соль. Далее течет река Онега. За ней — Золотица и монастырь св. Николая.

Двина — река. На этой реке у Поморья лежит посад по названию Холмогоры. Сюда приезжают англичане (die Engelischen). Это — компания, которая здесь торгует. В компании около 50 богатейших купцов; королева также [состоит] в компании. От великого князя у них грамоты (Brife), что один раз в году они могут приезжать к этому месту на семи кораблях. Кроме них, никто не может плавать к этому месту.

Далее лежит Una Nunnuy; на море — семь островов, по ним бродят олени. (55) Далее течет река Мезень. За ней лежит Лампожня, [далее] река Цильма (der Bach aus Silma). Здесь пластами выходит наружу серебряная руда.

Далее лежит Пустоозеро. Здесь встречаются и торгуют самоеды с русскими. Русские выменивают у самоедов соболей

---

[1] Поморская слюда под названием „московского стекла" была очень ценным товаром и важной статьей русского экспорта: давали 350 четей ржи за $1\frac{1}{2}$ чети слюды. В XVII в. на Москве пуд слюды продавался по 15—150 руб. О керетских слюдяных разработках упоминает Ратке в 1800—1802 гг. В XVI — XVII вв. они принадлежали Соловецкому монастырю, почему и до сих пор многие ломки называются „монастырскими".

на сукно, котлы, сало, масло, кольчуги и толокно. До этих мест заходят русские торговые люди. Дальше [Пустоозера] у великого князя нет уже власти, так как русские не ходят в море; у них нет кораблей и морем они не пользуются — ни Западным, ни Восточным, ни Черным, ни Каспийским. А земля великого князя тянется (strecket sich an) до всех этих четырех морей[1].

Если кто хочет проникнуть в страну [великого князя], надо использовать реку Онегу. Перед устьем ее на море лежит остров, омываемый морем кругом со всех сторон, по названию Кий-остров. Онега — залив и река. Первое село на этой реке на русском языке называется Пречистое. От этого села вверх по реке по обоим ее берегам живут торговые люди и крестьяне — до Турчасова.

Турчасов — большой незащищенный посад. Здесь в первый раз (zum ersten alle) взвешивается соль, которую вываривают из моря (об.). Дальше по Онеге соль доставляется в Каргополь.

Каргополь — незащищенный город, без стен; лежит на перевале (uf dem hochsten Grad)[2] у стоячего озера[3], из которого вытекает названная река Онега. Здесь склад соли, которая вываривается из этого озера. В городе и уезде живут только торговые люди и крестьяне; ежегодно они платят в казну то, что с них причитается. Но до войны им нет никакого дела, никакой заботы.

В полумили (!) от этого стоячего озера лежит еще одно стоячее озеро по названию Белоозеро. На нем лежит город, по озеру названный Белоозером. Стены и укрепления деревянной постройки. В этой местности лежит еще мужской монастырь, по названию Кириллов монастырь. В полумили от него лежит женский монастырь, в котором живут княгини великого князя и его сына. Говорят, что в этом городе и монастыре хранится много казны великого князя. В этих местностях живут торговые люди и крестьяне.

---

[1] Автор — точнее переписчик его „Записок“ — ошибочно протягивает границы Московского государства XVI в. до Черного моря: черноморское побережье было закреплено за Россией по договорам 1774—1783—1791 гг.

[2] Автор правильно помещает Каргополь „на перевале“: город лежит действительно на вершине моренной гряды, представляющей собою водораздел Беломорского и Балтийского бассейнов.

[3] В тексте читается „steinern See“; следует читать „stehende See“ — стоячее озеро.

От этого монастыря до города Вологды 16 миль пути. Город начат постройкой; половина (56) стены из камня, другая — из дерева. Здесь в этом городе выстроены каменные палаты (Palast); в них лежат серебряные и золотые деньги (Denninge), драгоценности и соболя, ибо здесь — склад соболей, которые приходят от самоедов и из Сибири. Здесь лежит также около 300 штук пушек, недавно отлитых в Москве, лежат они в куче. В этом уезде живут торговые люди и крестьяне. Во время опричнины в этом городе день и ночь держали стражу 500 стрельцов.

Итак, до этой страны, во-первых, можно плыть по морю из Испании, Франции, Германии, от Гамбурга, Эмдена, Бремена, из Голландии, Зеландии, Антверпена. Затем по реке Онеге и Двине по воде и по суше можно дойти до этих четырех городов. Также водой можно итти и дальше до Москвы: от Белоозера по реке Шексне, которая вытекает из Белоозера, этого стоячего озера, и впадает в большую реку Волгу. По реке Шексне нет городов или замков, но по дну забиты забои из бревен: на них ловится осетр, который идет из Каспийского моря и направляется к Белоозеру. (об.) Осетр этот поедается при дворе великого князя. Там, где река Шексна впадает в Волгу, лежит на мысу незащищенный посад по названию Устье; вверх по Волге (!)[1] лежит еще один большой посад по названию Холопий, где круглый год бывал обычно торг; на нем встречались турки, персы, армяне, бухарцы, шемаханцы, кизильбаши, сибирцы, нагаи, черкасы, немецкие и польские торговые люди. Из 70 городов русские торговые люди были приписаны к этой ярмарке и должны были приходить к ней ежегодно. Здесь великий князь собирал из года в год большие таможенные доходы; теперь же этот посад совсем запустел. Далее водой можно дойти до города Углича; город совсем пуст. Далее лежит город Дмитров; и этот город также пуст. До сих пор можно плыть по воде. А там до Москвы остается еще 12 миль.

Сухопутный тракт от этих четырех городов: от Вологды на Ростов. Ростов — незащищенный город, а в нем монастырь. Когда крымский царь жег Москву, великий князь скрылся [именно] в этот (57) монастырь, так как монахи отыскали в своих писаниях, что ни один неверный враг, который не верует во Христа,

[1] Правильнее — „по Мологе".

не придет на это место. Потом — на Ярославль; Ярославль — город и кремль деревянный, без артиллерии. Дальше лежит Переяславль Залесский: город и кремль достаточно запустели. Далее лежит Александрова слобода; срублена она так: стены сложены из бревен, врезанных одно в другое и доверху засыпанных землей. Снаружи поверх бревен во избежание пожара выложена стена толщиной в один кирпич — от земли до стрельниц. Здесь лежит много денег и добра, что награбил великий князь по городам: в Твери, в Торжке, Великом Новгороде и Пскове. Дальше лежит монастырь, наибогатейший монастырь по всей стране, по названию Троица. Дальше лежит город Москва. Она теперь отстроена так: ворота, как и цитадель, сделаны из бревен и снаружи вокруг обложены землей и дерном; между воротами проложен вал в три сажени ширины[1]. Перед валом снаружи рва нету. В городе живут только торговые люди, (об.) набранные из других городов; самые богатые противу их воли должны были пустить свои деньги в постройку домов и дворов. На восток течет река [Москва], впадающая в Оку; Ока впадает в Волгу; Волга — в Каспийское море. По другую сторону Яузы на Болванке живут все немецкие воинские люди, которыми великий князь пользуется против крымского царя.

На юге лежит выжженный Девичий монастырь. На западе — живут охотники и конюха. На севере — немецкие стрелки и русские стрельцы. В городе у речки Неглинной, бывшей пограничной черты между земщиной и опричниной, живет большая часть немецких торговых людей, которые были вывезены из городов Лифляндии.

Чтобы захватить, занять и удержать страну [великого князя] — достаточно [иметь] 200 кораблей, хорошо снабженных провиантом; 200 штук полевых орудий или железных мортир и 100.000 человек: так много надо не для борьбы с врагом, а для того, чтобы занять и удержать всю страну.

(58) Для этого христианского предприятия вашему римско-кесарскому величеству датский король одолжит 100 кораблей, хорошо обеспеченных продовольствием и снаряжением. Причина: великий князь отобрал у него несколько замков и еще

---

[1] Земляной вал, шедший при Иване Грозном по линии теперешних бульваров, составлял третью внешнюю линию укреплений Москвы; следующие линии составляли стены Китай города и Кремля.

намеревается, как только заключит мир с Польшей, отобрать от него [т.-е. датского короля] всю Норвегию. И еще: с его братом, герцогом Магнусом, великий князь обошелся не по христиански.

Другие 100 кораблей охотно одолжит вашему римско-кесарскому величеству Ганза, или поморские города.

Ваше римско-кесарское величество могли бы договориться и с принцем Оранским, чтобы он одолжил вашему римско-кесарскому величеству 100 кораблей на один рейс. А не то — те же 100 кораблей ваше римско-кесарское величество могли бы получить от Испании или Франции.

Вашему римско-кесарскому величеству Гамбург охотно одолжит на один рейс несколько кораблей. Город Бремен также сделает что-нибудь для этого [предприятия], равно как и город Любек.

Потребная для того первоначальная сумма (das Laufgelt oder Angelt) = 100.000 талерам. И воинские люди должны быть снаряжены так, что, когда они придут в страну [великого князя], они могли бы служить и в коннице. Это должны быть такие воинские люди, которые ничего не оставляли бы в христианском мире: ни кола, ни двора (weder Haus, noch Hoff). Таких ведь много найдется в христианском мире (об.). Я видел, что такое великое множество воинских людей побиралось (auf der Garte gan), что с ними можно было бы взять и не одну страну. И если бы великий князь имел в своей стране всех побирох (Gartbruder) из военных, которые шатаются по христианскому миру — при чем некоторые из них поворовывают, за что кое-кого и вешают — то он захватил бы все окрестные страны, у которых нет государей и которые стоят пустыми, и овладел бы ими.

Необходимо еще несколько тяжелых пушек и мортир, чтобы разбивать ворота деревянных городов, а мортирами в случае надобности зажигать пожар в деревянных городах и монастырях.

Шкипера и лоцманы найдутся в Голландии, Зееландии, в Гамбурге и в Антверпене. В Голландии, в Бриле, есть шкипера и лоцманы; найдутся они и в Дордрехте. В Схидаме живет шкипер по имени Яков Гейне: он плавал в эти места несколько лет. В Антверпене живет шкипер по имени Иоганн Яков: он долгое время ездил к этим же местам. В Гамбурге живет некто по имени Симон Салинген, который давно знает все эти места: и Онега,

и описанное Поморье ему хорошо известны (59). В Бергене, в Норвегии, живет Северин [и] Михаэль Фальке; они отыскали это место за 4 года до того, как я там был.

Они могут плыть на кораблях датского короля, которые вашему римско-кесарскому величеству король одолжит на один рейс. По моему предположению и мнению, гамбургцы также одолжат вашему римско-кесарскому величеству 100 кораблей, за что они получили бы право плавания (Segelaz) в эти страны, ибо датский король не соглашается, чтобы гамбургцы впредь плавали бы в Исландию и норвежский Берген.

Ваше римско-кесарское величество должны выбрать одного из братьев вашего римско-кесарского величества в качестве государя (zum Herren), который взял бы эту страну и управлял бы ею.

Прежде всего, он не должен быть суровым. И с бедными, и с богатыми должен беседовать охотно и каждому давать благожелательные аудиенции — [впрочем] до тех пор, пока страна не будет занята. При войске на первый раз должна быть по меньшей мере сотня проповедников: в укреплениях и городах, которые будут укреплены, они проповедывали бы слово божие воинским людям. Таких [проповедников] достаточно можно найти по университетам.

И все это должно быть налажено в течение года, чтобы все было готово, когда решили бы отплыть из Германии, — Гамбурга, Бремена или Эмдена. [Отправляться следует] 1 апреля и плыть сначала к заливу и реке (об.) Коле в Лапландии.

Кола сама по себе защищена, ибо она лежит между двумя реками; одна вытекает из Ilmen Osorra[1], другая из Нотозера и здесь у Колы впадает в Западное море. Колу можно взять и укрепить с отрядом в 800 человек, из них половина — мореходцы, другая половина — стрелки.

Затем должно занять и укрепить Кильдин-остров с отрядом в 500 человек, из которых половина — мореходцы.

Таким образом будет защищена и укреплена вся Лапландия на 100 миль вглубь материка и вдоль по берегу.

Далее с отрядом в 500 человек — половина мореходцев — следует занять Соловецкий монастырь.

Пленных, взятых с оружием в руках, надо увезти в империю на тех же кораблях.

---

[1] Может быть «Имандра-озеро»?

Они должны быть закованы в кандалы и заключены по тюрьмам в замках и городах; их можно будет отпускать и на работу, но не иначе, как в железных кандалах, залитых у ног свинцом: за то, что наших пленных они продают турку.

Так следует держать их до тех пор, пока не будет взята вся земля. Что с ними будет после — это будет изложено ниже.

Здесь [в Соловецком монастыре] можно устроить складочный пункт.

Далее у Поморья на реке Двине лежат Холмогоры (60) — незащищенный город. Сюда приезжают англичане. Холмогоры можно занять и укрепить с отрядом в 800 человек.

Затем отряд в 1000 человек должен занять и укрепить остров в устье реки Онеги — по названию Кий-остров или первое вверх по Онеге село Пречистое — в 1 миле от морского побережья. Для блокады Поморья половина воинских людей должна быть из мореходцев.

С захватом названных пунктов будет занято свыше 300 миль пути вдоль по морскому берегу и вглубь материка. В Поморье следует назначить комиссаров, которые следили бы за доставкой на кораблях различных товаров и в страну, и из страны и быстро доставляли бы в Каргополь на перевал все, что ни потребовалось бы военачальнику. Тогда ежегодно можно будет получать достаточные подкрепления из христианского мира. А великий князь ни откуда не получит подкреплений, разве только привлечет он к войне своих крестьян, у которых — не то, что у крестьян христианских стран! — нет вооружения и которые ничего не знают о войне.

Дальше надо итти в стругах (mit Strusen) и лодьях или — если угодно — сушей. На реке Онеге будет Порог-Холм; река идет там порогами; до них доходит с моря семга (об.) за пресной водой. Этот Порог надо занять и укрепить с отрядом [...] наполовину конным, наполовину пешим.

Убивать не надо никого, кроме тех, кого захватят с оружием в руках. Здесь живут только крестьяне и торговые люди; раньше в этих местах и войны то никогда не бывало; никто не имеет здесь и оружия.

Отсюда до московского дворца — 300 миль пути.

К каждому укреплению необходимо приписывать крестьян и торговых людей — на 10 или 20 миль вокруг, — с тем, чтобы они

выплачивали жалованье воинским людям и доставляли бы все необходимое.

А начальные люди должны хорошо смотреть за тем, чтобы все укрепления были достаточно обеспечены хлебом, солью, мясом и рыбой.

У русских надо будет отобрать, прежде всего, их лучших лошадей, а затем все наличные струги и лодьи — маленькие корабли — и свезти их к укреплениям, чтобы при случае защитить их артиллерией.

Далее подходят к Турчасову, где впервые взвешивается соль, идущая с Поморья. Этот незащищенный город или посад надо занять и укрепить с отрядом в 1000 человек.

Отсюда быстро доходят до незащищенного города Каргополя — на высоком перевале (61). Пушки и все, что нужно для войны, можно везти с собой на кораблях до реки Онеги, по Онеге до Каргополя. В мирное время русские ходят обычно стругами от города Каргополя вниз по реке до Норвегии или Финмаркена и обратно вверх — в стругах же — до Каргополя. И в этот город надо назначить комиссара, который будет отпускать товары в Поморье и получать оттуда все, что потребует для войны военачальник. Этот город должен быть занят и укреплен отрядом в 3000 человек. До сих пор можно не бояться появления врага.

Далее следует итти под Вологду, где хранится казна. Если будет невозможно быстро захватить город, то пусть останется под ним одна треть воинских людей: они смогут взять и занять город, защитить все, что занято и укреплено, так, чтобы с тылу, с Поморья, русские не смогли взять обратно ни одного укрепления и чтобы проезд из страны и в страну для нас не был закрыт.

Надо распорядиться насчет казны, которая хранится там в каменных палатах: как бы поступить с нею так, чтобы из нее (об.) ничего не исчезло.

Монастыри и церкви должны быть закрыты. Города и деревни должны стать свободной добычей воинских людей.

[...] и берут город по названию Белоозеро, т.-е. Белое озеро, вместе с мужским монастырем Кирилловым и женским, в котором пребывают княгини великого князя и его сына. Белоозеро должно быть занято отрядом в 3000 человек, наполовину, как и обычно, конных, наполовину пеших.

Устье — посад, который лежит на мысу там, где река Шексна впадает в Волгу; его следует также укрепить: здесь сливаются течения трех рек и, укрепив это место, можно легко перехватить всякое движение вниз или вверх по Волге. — Занимай его отрядом в 2000 человек! Отправляйся дальше и грабь Александрову слободу, заняв ее с отрядом в 2000 человек! За ней грабь Троицкий монастырь! Его занять надо отрядом в 1000 человек, наполовину пеших, наполовину конных.

Если подойдет враг, надо выступить в боевом порядке. Необходимо позаботиться и о том, как бы завести с русскими переговоры. Можно подослать к ним пленного (62), который завел бы с ними разговор на их языке и изложил бы им всю великую тиранию великого князя.

Наш военачальник должен говорить с ними [служилыми людьми] дружеским тоном и предложить каждому из них — прислать или принести грамоты на их поместья: если они выполнят это по доброй воле, то военачальник собственной рукой подпишет-де им их грамоты — тут же в их присутствии, и после будет их [всячески] охранять.

Когда русские узнают, что им предстоит долгая и упорная война, посредством которой великий князь только и сможет их защитить, и, с другой стороны, увидят, как благожелателен и дружественен к ним наш военачальник, то они не будут больше отклонять его предложений и сами же будут просить об их выполнении.

Ибо из этого моего послания ваше римско-кесарское величество усмотрите в какой большой беде находится теперь Русская земля!

Так жестока и ужасна тирания великого князя, что к нему не чувствуют расположения ни духовные, ни миряне; ему враждебны все окрестные государи. Да! как язычники, так и христиане — и так, что и описать невозможно!

[...], а если это невозможно (об.), то нужно, по крайней мере, сделать все, что для того потребно!

Я твердо знаю, что кровопролитие будет излишне: войско великого князя не в состоянии более выдержать битву в открытом поле.

Потом следует занять Волок Ламский — в 15 милях от Москвы — с отрядом в 1000 человек. Волок Ламский — незащищенный город, запустел. В кремле же стоит каменная церковь;

ее надо будет хорошо снабдить продовольствием и всяким воинским снаряжением.

В одной миле от него лежит Иосифов монастырь, богатый деньгами и добром. Его можно будет пограбить, а награбленное увезти в кремль.

Далее следует занять Звенигород; после взятия Казани он был отдан в кормление (zum Underhalt) казанскому хану — царю Шигалею [1]. И город, и кремль стоят беззащитные; их должно занять отрядом в 2000 человек. Этот город лежит в 8 милях от Москвы.

Потом с отрядом в 1500 человек надо занять маленький город Коломну; далее — также с полутора тысячами — выжженный Девичий монастырь, расположенный в полу-миле от Москвы. Потом — также с отрядом в 1500 человек — также выжженный увеселительный дворец Коломенское — в миле от Москвы на восток.

Затем надо обложить (63) и занять с отрядом в 2000 человек Болвановку, где живут немецкие воинские люди. Потом с отрядом в 1500 человек [Стрелецкую слободу?], где живут немецкие и русские стрелки. Эти слободы (Slaboden) находятся в $^1/_4$ мили от Москвы. В них можно расположиться лагерем и кругом со всех сторон одновременно обложить город. Тогда никто не сможет ничего ни вывезти из Москвы, ни подвезти в Москву. И Москва может быть взята без единого выстрела.

Но всего этого — я полагаю — и не понадобится для осады. Когда русские увидят, что наше войско пребывает в стране и зиму, и лето, они поймут, что мы сумеем их защитить от великого князя. А великий князь тотчас же укроется, конечно, в какой-нибудь город. Но ясно, что в его стране нет ни одного укрепленного города. Все они мне хорошо известны. У монастырей бо́льшей частью — во всяком случае у богатейших — [действительно] имеются каменные стены. Но города и остроги выстроены из бревен, закиданных затем землей. В центре государства все они [т. е. остроги] упали и запустели. Великий князь приказывает охранять города и остроги лишь по границе — с Польшей, Лифляндией и Швецией, равно как с Казанью и

[1] Ошибка: Звенигород был дан в кормление не казанскому Шигалею, а астраханскому Дербыш-Али.

Астраханью. О местах вышеописанных (об.) великий князь совершенно не помышляет. И все, кто только ни бывал на Москве или у великого князя из наших стран, их также не видали и о них не слыхали.

Как только великий князь засядет в каком-нибудь городе, его нужно тотчас же осадить. И когда русские увидят, что дело касается только великого князя, то [они же] его собственные русские, немедля окажут [нам] поддержку. Настоящие воеводы великого князя все перебиты.

Когда будет пойман великий князь, необходимо захватить его казну: вся она — из чистого золота и год от года умножалась стараниями прежде бывших князей; [захватить ее] со всеми великокняжескими коронами, скипетрами, одеяниями и своеобразными сокровищами, что собирали прежние великие князья, и с той великой казной, которую всеми правдами и неправдами собрал теперешний великий князь; [всю ее] захватить и вывезти в священную Римскую империю римского императора Рудольфа и сложить в его сокровищнице. Серебряные же деньги, артиллерию и все, что надо для войны, необходимо оставить на месте.

А великого князя вместе с его сыновьями, связанных, как пленников, необходимо увести (64) в христианскую землю. Когда великий князь будет доставлен на ее границу, его необходимо встретить с конным отрядом в несколько тысяч всадников, а затем отправить его в горы (an den hochsten Grat), где Рейн или Эльба берут свое начало. Туда же тем временем надо свезти всех пленных из его страны и там в присутствии его и обоих его сыновей убить их так, чтобы они [т. е. великий князь и его сыновья] видели все своими собственными глазами. Затем у трупов надо перевязать ноги около щиколоток и, взяв длинное бревно, насадить на него мертвецов так, чтобы на каждом бревне висело по 30, по 40, а то и по 50 трупов: одним словом столько, сколько могло бы удержать на воде одно бревно, чтобы вместе с трупами не пойти ко дну. Бревна с трупами надо сбросить затем в реку и пустить вниз по течению. Пусть великий князь убедится, что никто не может надеяться на собственные силы и что все его просьбы и молитвы — лишь грех один! Великий князь будет тогда взывать к богу через посредство Николая[1] и

[1] Автор, как протестант, упоминает о Николае с иронией..

других усопших святых (об.). А наши будут укрепляться этим и поучаться и скажут, что они то и суть подлинные христиане, ибо они крепки своей верой в бога отца и сына и святого духа; веру и надежду свою возлагают только на Иисуса Христа, сына всемогущего бога и бога духа святого; в него только верят, его почитают, на него надеются.

Великому князю и его сыновьям надо предоставить в империи подходящую область — в качестве графства. Туда его следует отвезти после того, как он посмотрит на вышеупомянутую казнь; там их надо держать под охраной, однако позволяя им в пределах графства свободно ездить, ходить или пребывать на месте. При них должны быть два или три проповедника, которые ежедневно учили бы их слову божию. Отлично можно сличить и перетолмачить русское и наше священное писание, и великий князь убедится тогда, что истинно наше [писание], хотя он и думает, что он служит богу праведно, ибо бог помог ему взять Лифляндию.

В Русской земле не знают и не употребляют ни латинского, ни еврейского, ни греческого языков, ни митрополит, епископы, монахи (65) или священники, ни князья или бояре, ни дьяки или подъячие. Все они пользуются только своим собственным языком. Однако, и самый последний крестьянин так сведущ во всяких шельмовских штуках, что превзойдет и наших докторов-ученых, юристов во всяческих казусах и вывертах. Если кто-нибудь из наших всеученейших докторов попадет в Москву — придется ему учиться заново!

Как только будет захвачена Русская земля, Польша отойдет к Римской империи. Русскую землю, если угодно, чтобы лучше ею управлять, можно разделить на 2 или на 3 части, ибо она очень обширна: 600 миль в длину и столько же в ширину. Кто проедет от Колы из Лапландии до Астрахани к Каспийскому морю, тот узнает, что это так. Поезжай от Полоцка или Озерища из Польши (uss Polen) до Пустоозера, где самоеды сходятся с русскими и торгуют салом и толокном — найдешь то же самое.

Тотчас же по занятии Русской земли необходимо закрепить за служилыми людьми их поместья, с которых они служат и будут служить, если только это окажется нужным.

Правитель страны должен устроить проповедь слова божия и для наших людей (об.). Повсюду рядом с русскими церквами,

из которых маленькие выстроены из дерева, необходимо поставить церкви по нашему закону — каменные или деревянные [1]. В дальнейшем наши церкви останутся, а русские разрушатся. По моему расчету в Русской Земле около 10.000 церквей стоят пустыми, может быть, даже и больше, но [во всяком случае] не меньше: в них русского богослужения не совершается. Несколько тысяч церквей [уже] сгнило.

Правитель страны не должен упускать из виду, как бы, подобрав людей, вновь заселить Рязанскую землю: область эта — ворота Русской земли и Москвы. Рязанская земля такая прекрасная страна, что подобной ей я и не видывал. Если крестьянин высевает 3—4 четверика, то ему еле-еле хватает сил, чтобы убрать урожай. Земля тучна (das Land ist geil). Весь навоз свозится к рекам: когда сходит снег и прибывает вода, то навоз весь сносится водой. В этой стране много лип, а в них пчел и меду. Одним словом: это — прекрасная страна. Большая часть дворов и острогов стоят [в ней] пустыми, остальные сожжены.

Затем правитель Русской земли может присоединить еще окрестные земли, у которых нет государей, и занять пустые земли. Но это должно сделать так, чтобы Священной Римской империи императору Рудольфу ежегодно (66) высылалась бы со всех присоединенных земель особливая сумма денег. Тогда Священной Римской империи императору Рудольфу должны будут ежегодно выплачивать определенную сумму денег и король шведский, и датский король, равно как и королева английская и шотландская. Причина: Русская земля лежит далеко на северо-восток за Англией, а Испания — на юг от нее; коли королева не захочет платить, то ни России, ни Испании ей не видать и ничем от них не пользоваться.

Когда Русская земля вместе с окрестными странами, у которых нет государей и которые лежат пустыми, будет взята, тогда границы [империи] сойдутся с границами персидского шаха.

Тогда только турецкий султан увидит, как бог вседержитель

---

[1] Беседуя с папским послом Поссевином о вере, Иван IV говорил: „в нашем государстве много разных вер, мы ни у кого воли не отымаем. Живут все по своей воле, кто как хочет, а церквей иноверных до сих пор еще в нашем государстве не ставливали".

ратует за тех, кто истинно верует в сына его — Иисуса Христа и надеется на него всем сердцем своим.

Затем через окрестные страны можно будет пройти до Америки и [проникнуть] внутрь нее.

И, наконец, с помощью персидского шаха можно будет совсем легко справиться с турецким султаном.

III.

Страна и правление московитов.

(л. 1—50).

(1) *Страна и правление московитов, описанные Генрихом Штаденом.*

(2) *Пресветлейшему, вельможнейшему и непобедимейшему Римскому императору, королю венгерскому и чешскому, нашему всемилостивейшему государю. — Великого князя на Москве правление и всей страны описание, как в ней во всякого рода случаях и обстоятельствах управляются и живут, мною Генрихом Штаденом с поспешением и коротко, но беспристрастно записано.*

(3) В Русской земле на Москве у великого князя было много фюрстов или князей (Knesen), у которых были особые, им выделенные области, города, дворы и деревни. А именно: князь Владимир Андреевич, князь [Иван] Дмитриевич Бельский, князь Михаил Воротынский, князь Никита Одоевский, князь Андрей Курбский, князь Василий Темкин, князь Петр Щуйский и еще много других князей; еще Иван Шереметев, а также Турунтай, Алексей и его сын Федор Басмановы, Иван Мстиславский и много других таких же начальников высокого чина.

Они постоянно ходили войной — особенно против извечного врага Русской земли, царя крымского. Для того ежегодно из их среды избирались пять особых начальников, и каждый начальник имел отделенные ему поместья, уезды (Gebieten) и города. Остальные князья и бояре (Knesen und Boiaren) владели поместьями по смотренному списку.

Пятый [полк] в середине был главным над четырьмя остальными и этот большой полк представлял собою особу великого

князя. Когда на них нападал враг, то каждый из этих пяти полков оставался при своем начальнике. Выступая против врага, один полк становился впереди; другой — по правую; третий — (об.) по левую руку. Четвертый полк был последним или самым задним. Какой бы из этих полков ни натыкался на врага, он становился передовым — по приказу воеводы (Woywoda), посылавшего туда голову (Heuptmann). А все остальные, посылая начальнику [передового полка], буде нужно, помощь людьми, сохраняли свои места, чтобы враг не смог сломить боевого порядка с флангов или с тыла или чтобы воевода большого полка не потерпел обиды.

Как эти военачальники, так и другие им подобные бывали правителями (Gubernatores), воеводами или наместниками в особых областях с городами — „уездах" (Gebieten in Lande) и сменялись каждые два года. И все их прегрешения, преступления, постыдные дела, всякое людодерство и насилие — все, что причинили они купцам и мужикам, да и забыли! — все это выносили наружу те, кто приходили им на смену.

У них были писанные судебники, по которым они должны были судить. Но это забывалось!

Были затем бояре высоких родов, которые судили, сидя на Москве; в своих руках они держали (4) все управление. В каждом судном приказе и во всех других приказах сидел тот или иной князь или боярин и, что приказывал он дьяку (Canzeler) писать, тот так и писал.

Иван Петрович Челяднин был первым боярином и судьей на Москве в отсутствии великого князя. Он один имел обыкновение судить праведно, почему простой люд был к нему расположен.

На Казенном дворе (auf dem Schazhofe) сидели Микита Фуников, Хозяин Юрьевич (?) Тютин и дьяк Григорий Локуров. Они получали все деньги — доходы страны — из других приказов и опять пускали их из казны, каждый по своему усмотрению. Всячески утягивали они от простонародья третью деньгу (den dritten Pfennigk) и хорошо набили свою мошну. Однако, отчеты представляли великому князю в полном порядке.

Микита Романович сидел в приказе подклетных сел (auf der Canzelei der Pottkletein Coeli): это те села (die Hofe), которые служили для содержания дворца. Как он там хозяйничал, о том не толковали. Причина: он был шурином великого князя.

В поместном приказе (Landcanzelei) сидели Путило Михайлович и Василий Степанович. Оба они хорошо набили свою мошну, ибо им одним была приказана раздача поместий (об.): половину нужно было у них выкупать, а кто не имел, что дать, тот ничего и не получал.

Иван Григорьевич был в Разряде (Krigscanzelei). Те князья и бояре, которые давали денег в этот приказ, не записывались в воинские смотренные списки (Krigsmusterregister), а кто не мог дать денег, тот должен был отправляться [в поход], даже если ничего, кроме палки, не мог принести на смотр. В этом приказе ведались все польские дела.

Иван Булгаков сидел в приказе Большой Казны (Geltcanzelei). Деньги, поступавшие из других городов и уездов, здесь уплачивались и взвешивались так, что всякий раз $^1/_{50}$ часть оказывалась в утечке еще до записки. При выплате же из приказа не хватало уже $^1/_{10}$ части.

В Разбойном приказе (Mordercanzelei) сидел Григорий Шапкин. Если [где либо] в стране, — по уездам, городам, деревням и по большим дорогам — словят убийцу, а тот откупится, — так его подускивали, чтобы он оговаривал торговых людей и богатых крестьян, будто и они ему помогали. Так эти „великие господа“ (die grossen Hansen) добывали себе деньги.

(5) В общей судной избе (Richthause) или на дворе „Земский двор“ (oder Hofe Semskouora) сидел Иван Долгоруков и Иван Мятлев. Сюда приводились на суд все те, кого пьяными находили и хватали ночью по улицам. Штраф был в 10 алтын (Altin), что составляет 30 мариен-грошей[1] или польских грошей. Если где-нибудь в тайных корчмах находили пиво, мед или вино, — все это отбиралось и доставлялось на этот двор. Виновный должен был выплатить тогда установленный штраф в 2 рубля (Rubel), что составляет 6 талеров, и к тому же бывал бит публично на торгу батогами. Было много приказчиков (Prikassiki) или чиновников (Befehlichshabere), которые за этим надзирали. И прежде, чем приведут они кого-нибудь на [Земский] двор, еще на улице, могут они дело неправое сделать правым, а правое, наоборот, неправым. К кому из купцов или торговых людей

[1] Мариенгрош — серебряная монета, чеканившаяся в пров. Ганновер с начала XVI в. до 1700 г.; по ценности = примерно 8 пфеннигам. В мариен-талере считали 36 мариен-грошей; в рейхсталере—50; 1 мариенгрош=1 коп.=2 деньгам.

эти приказные не были расположены, к тем в дом подсылали они бродягу, который как-бы по дружбе приносил стопочку (ein Pfleschlein) вина. За ним тотчас же являлись приказные с целовальниками (Geschwornen) и в присутствии целовальников хватали парня вместе с хозяином, хозяйкой и всей челядью. Хозяину приходилось тогда растрясать свою мошну, коли он хотел сохранить свою шкуру.

Было также много (об.) недельщиков (Nedelsecken)[1], которые всякого высылали на суд за деньги, [при чем сумма определялась] в зависимости от расстояния. Они ставили на суд всякого в стране. Обвиняемому назначался первый срок явки соразмерно с тем, жил ли он далеко, или близко. Недельщик же, придя на место, брал с собой с ближайшей таможни, но не с поместий и не из уездов, двух или трех целовальников и бросал память в дом или во двор к обвиняемому. Так [повторялось] до третьего раза. Если обвиняемый давал деньги, то он выигрывал дело, даже если действительно был виноват. Если же он не приходил, то жалобщик мог, словив и связав его, взять и бить на торгу публично до тех пор, пока тот не заплатит. Можно было также, по желанию истца, сделать человека холопом (leipeigen), если только у него не было защиты: нужно было либо уплатить все с процентами, либо всю свою жизнь вертеть ручную мельницу. Иного лихого человека подговаривали, чтобы он оговорил напрасно богатого купца или крестьянина в уезде: кривду все равно делали правдой. Так добывали эти ребята деньги.

В Ямском приказе (Postcanzelei) обычно, когда приказывали отправлять грамоты (Brife), устраивали так: копили ребята все грамоты вместе (6) и отправляли их на ямских (auf die Post) все зараз. А затем представляли полный счет — сколько раз и когда лошади [будто бы] были наняты, и оставляли себе деньги, которые должны бы лежать в казне.

В приказе, где прочитывались все челобитья (Canzelei, da alle Supplicationes apgelesen werden), пожалованные и подписанные великим князем, получал свою подписную челобитную тот, у кого были деньги. А если какой-нибудь посадский (Burger) или простой человек не имел денег, то не мог он найти и управы

[1] Недельщик, служитель при судной избе, обязанный доставлять на суд обвиняемых, за что получал с них по таксе известное вознаграждение.

прежде, чем не заплатит. Только тогда челобитья подписывались и вычитывались. „Рука руку моет“ (Ruka Ruku moit).

В Казанском и Астраханском приказах (Auf der Kasanskene und Astrokansken Canzelei) или царствах [...] они изрядно набили себе мошну [...] и в окрестных улусах луговой и нагорной черемисы.

В Рязанском приказе (auf der Resansken Canzelei) они хозяйничали столь же бессовестно. Но теперь им это запрещено. Причина: крымский царь управлялся с этой землей так, как великий князь с Лифляндией[1].

Андрей Васильевич сидел в Посольском приказе (Gesandtencanzelei) (об.). Здесь ведались все немецкие и татарские дела и сюда же поступали сборы с Карельской земли. Там повседневно бывали толмачи различных народов. У них были поместья и они же получали годовое жалованье. Здесь проделывались такие же штуки, как и в других приказах.

На Jamme[2] или на дворе, где все иноземцы получают изо дня в день свои кормовые деньги (Kostgelt), сидел Иван Тарасович Соймонов и один дьяк. Ежели кто из иноземцев не брал своего меда и кормовых денег за 10, 20 или 30 дней, с того постоянно удерживали $^1/_{10}$ часть, когда [потом] он хотел их получить. Каждый иноземец имел на руках память (Zeddel): она была так искусно изготовлена, что никто не мог, подделав почерк, незаметно что-либо в ней приписать. Из погребов мед приносился теми, кто был к тому приставлен. Они отмеривали мед в погребе по своему желанию и потом уже выносили его наружу и наливали иноземцу в его бочку. Соглашался тот его принять — хорошо, а коли нет, то не получал ничего. Варился хороший и плохой мед, и на этом сберегалась третья часть меда-сырца. (7). А если иноземец одаривал этих ребят, то сам мог итти в погреб и цедить мед [на пробу] изо всех бочек. Какой мед более других приходился ему по вкусу, того он и приказывал тогда нацедить и получал [конечно] свою полную меру. Если

---

[1] Автор намекает на жестокое разорение Ливонии войсками Ивана Грозного.

[2] Что означает Jamme — неясно. Из контекста видно, что дело идет об учреждении, из которого выдавался иноземцам мед; таковым мог быть Сытенный двор или Кормовой. Может быть, Jamme есть название урочища в Москве? Ср. л. 73.

иноземец умирал или его убивали, то эти куманьки целый год все продолжали заносить в отчет полностью все „выдачи"!

Таковы, коротко говоря, были знатнейшие приказы. В других дело шло тем же порядком.

Денежные сборы с государства распределялись так, что в каждый приказ поступали деньги; в том же приказе производился и суд [соответственной] области страны. Из приказа в приказ деньги не передавались; один получал тогда от другого подписную память (underschriebene Memoralszeddel), которая подписывалась дьяком. Памяти склеивались вместе и наматывались в столбцы.

В каждом приказе или судных избах (Gerichtsstuben) были два сторожа. Они открывали двери тем, кто давал деньги, а кому нечего было дать, перед тем двери закрывались. Кто хотел влезть насильно, того сильно били по голове палкой в локоть длиной. Не щадили никого! У кого же не было денег, тот стучался и говорил: „Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас грешных" (Haspodi Jesu Christe (об.) Scinni bossi pomilu nass Gresni). [В ответ] на эти слова сторож открывал ему [дверь]; тот входил и многократно бил челом князьям, боярам или дьяку. Если он бывал недостаточно смел, то [боярин] ударял или отталкивал его посохом и говорил: „Недосуг! подожди!" (Nedassuch parra isdi). Многие так и ждали до самой смерти. Все князья, бояре и дьяки и в приказах, и в церкви постоянно имели при себе посох.

Во всех приказах все дела — и малые, и большие — записывались в книги. В приказах были еще сливяные и вишневые косточки, при помощи которых производился счет.

По всем приказам были подьячие (Podierien) — помощники дьяков — в числе 20, 30, 40, 50: то больше, то меньше. Они переписывали грамоты набело. Дьяк брал грамоту в левую руку и под числом писал свое имя мелким шрифтом. Потом он оборачивал грамоту и писал на всех местах, где приходились ставы[1] (stauets), так что половинки букв бывали на обоих концах бумаги. Если даже клей держался недостаточно крепко, никто не мог подделать грамоты и не мог (8) приписать в ней что-нибудь еще. Так скреплялась грамота. Потом наверху на обратной стороне на первой склейке грамоты дьяк писал от себя ти-

[1] Склейки.

тул великого князя крупными буквами так, чтобы каждый мог видеть: Царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси (Cer i Feliki Knese Iwan Wassilowiz Usarussa). Перед дьяком на столе стояла чернильница с перьями. Помощники дьяков или подьячие держали свои чернильницы с перьями и бумагой в левой руке и на коленке переписывали грамоту набело.

Летом ходит много парней или „малых" с деревянными чашками и каменными кувшинами; в них лежит лед. Если кто-нибудь пожелает пить, тот дважды или трижды может напиться за один чешский пфенниг. Ходят [еще] по приказам с продажным питьем, которое называется сладкий морс (Slatky Mors). Изготовляется он так: русские берут из ручья свежую проточную воду и можжевеловую ягоду и кладут ее в эту воду; оттого вода становится кислой. Затем берут мед, подмешивают его в воду и процеживают сквозь волосяное сито. Вода делается тогда сладкой. Сколько кто захочет выпить, столько и должен заплатить.

(об.) Если кто-нибудь в стране или по городам Московского государства (allen Steten in der Moscau) не найдет управы, то он идет в тот или иной приказ.

Когда сойдутся обе стороны, и правый поцелует крест, то он выигрывает дело и получает деньги. Но виноватый мог, не выплачивая денег, вызвать правого на бой, даже и после присяги. На Москве было много бойцов, которые за деньги бились за каждого. И кто выигрывал дело присягой, а противная сторона [судебным] решением была недовольна, тот должен был биться на бою со своим соперником или же нанять за себя бойца. Постоянно так и бывало, что тот, кто был прав и присягал, тот оказывался затем неправым. Если у неправого было больше денег, чем у правого — и пусть он действительно неправ — он все же оказывался благодаря этому [т.-е. деньгам] правым, а правый неправым. Когда бились бойцы, то тот, который получал бóльшую сумму денег от противника, падал во всем своем вооружении ниц перед своим соперником и говорил: „Виноват, казни!" (Winouat, gosni). Вследствие этих слов правый [нередко] проигрывал и неправый выигрывал, ибо неправый мог дать больше, чем правый.

(9) Кто получал свою подписную грамоту (unterschriebenen Briff), должен был итти к Ивану Висковатову, который хранил печать. Человек он гордый, счастлив мог почитать себя тот,

кто получал от него свою грамоту в течение месяца. Висковатый был не прочь, чтобы крымский царь забрал Русскую землю, потому что он был расположен ко всем татарам и помогал им. К христианам [1] же он был очень враждебен.

Рядом с ними [князьями и боярами высокого чина] были князья и бояре низшего ранга. Они бывали чиновниками в подклетных селах, которые принадлежали Дворцу. Обычно их слушались купцы и крестьяне (Boiaren = Bauern?) согласно приговору князей и бояр.

За тем, кто пожелал бы пожаловаться великому князю, за тем внимательно следили и [потом] сажали его в тюрьму. Коли были у него деньги, он мог выйти вон, если же нет, он оставался сидеть пока волосы не вырастали у него от головы до пупка.

Все эти князья, великие бояре-правители (grosse Boiaren im Regiment), дьяки, подьячие, чиновники и все приказчики были связаны и сплетены один с другим, как звенья одной цепи

(об.) И если кто-нибудь из них так тяжко грешил, что заслуживал смерти, то митрополит (Papst) мошной [своей] мог освободить его и пустить на все четыре стороны. Если кто разбойничал, убивал и грабил, а потом с добром и деньгами бежал в монастырь, то в монастыре был он свободен от преследования (frei), что на небе, даже если он покрал казну великого князя или в разбое на большой дороге взял то, что принадлежало казне великого князя. Одним словом, все духовные и мирские господа, всяческой неправдой собравшие добро, говорили, ухмыляясь: „Бог дал!“ (Boch dal), id est Deus dedit.

Так управляли они при всех прежних уже умерших великих князьях. Некоторые [из последних] заводили было опричные порядки (den aprisnischen Handel), но из этого ничего не выходило. Также повелось и при нынешнем великом князе, пока не взял он себе в жены княжну, дочь князя Михаила (!) [2] Темрюковича из Черкасской земли. Она-то и подала великому князю совет, чтобы отобрал он для себя из своего народа 500 стрелков и щедро пожаловал их одеждой и деньгами и чтобы повседневно и днем, и ночью они ездили за ним и охраняли его. (10) С этого и начал великий князь Иван Васильевич всея Руси и

---

1 Т.-е. западно-европейским.

2 Михаил Темрюкович был братом царицы Марии. Ее отцом был Темрюк.

отобрал из своего народа, а также и из иноземцев (aus frembden nationibus) особый избранный отряд (sonderlich auserwelet Volk). Итак устроил опричных и земских (machet also Aprisna und Semsky). „Опричные“ — это были люди великого князя (die seinen), земские же — весь остальной народ. Вот что делал [дальше] великий князь. Он перебирал (musterte) один за другим города и уезды и отписывал имения у тех, кто по смотренным спискам не служил со своих вотчин его предкам на войне; эти имения раздавались опричным.

Князья и бояре, взятые в опричнину, распределялись по степеням (in gradus) не по богатству, а по породе (nach Geburt). Они целовали крест, что не будут заодно с земскими и дружбы водить с ними не будут. Кроме того, опричные должны были носить черные кафтаны и шапки и у колчана, куда прятались стрелы, что-то вроде кисти или метлы, привязанной к палке. По этому узнавали опричников.

(06.) Великий князь из-за мятежа (Ufrurs halben) выехал из Москвы в Александрову слободу — в двух днях пути от Москвы; оцепил эту слободу воинской силой и приказал привести к себе из Москвы и других городов тех бояр, кого он потребует.

Великий князь послал в земщину (in die Semsky) приказ (Mandat): „судите праведно, наши виноваты не были бы (Sudite praveda nassi winowath ne boliby)“.

Тогда-то из-за этого приказа земские и пали духом. Любой из опричных мог, например, обвинить любого из земских в том, что этот должен ему будто-бы некую сумму денег. И хотя бы до того опричник совсем не знал и не видал обвиняемого им земского, земский все же должен был уплатить опричнику, иначе его ежедневно били публично на торгу кнутом или батогами (mit Knuttelen oder Prugelen) до тех пор, пока не заплатит. И тут никому не было пощады: ни духовному, ни мирянину. Опричники устраивали с земскими такие штуки, чтобы получить от них деньги или добро, что и описать невозможно. И поле (Kampf) не имело здесь силы (11): все бойцы [со стороны] земских признавались побитыми; живых их считали как бы мертвыми, а то и просто не допускали [на „поле“].

Великий князь приезжал из Александровой слободы в Москву и убил одного из первых бояр в земщине, а именно Ивана Петровича Челяднина: на Москве в отсутствие великого князя он был первым боярином и судьей, охотно помогал бедному люду

добиваться скорого и правого суда; несколько лет он был наместником и воеводой в Лифляндии — в Дерпте и Полоцке. Пока он был наместником в Дерпте, немцы не знали беды, чтобы, например, великий князь приказал перевести их из Нарвы, Феллина и Дерпта [куда-нибудь] в Русскую землю[1].

После него наместником и воеводой был князь Андрей Курбский. Как только понял этот штуку с опричниной, пристроил он свою жену и детей, а сам отъехал к королю польскому Сигизмунду Августу. На его место прибыл боярин (Knese!) Михаил Морозов. Этот оболгал лифляндцев перед великим князем (об.) так, что великий князь приказал вывести всех немцев с женами и детьми из Лифляндии, из Дерпта, Феллина и Нарвы в свою землю, в 4 города: Кострому, Владимир, Углич и Кашин. [Челяднин] был вызван на Москву; [здесь] в Москве он был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму. А великий князь вместе со своими опричниками поехал и пожег по всей стране все вотчины, принадлежавшие упомянутому Ивану Петровичу. Села вместе с церквами и всем, что в них было, с иконами и церковными украшениями — были спалены. Женщин и девушек раздевали до нага и в таком виде заставляли ловить по полю кур.

Великое горе сотворили они по всей земле! И многие из них [т. е. опричников?] были тайно убиты.

У земских лопнуло терпение! Они начали совещаться, чтобы избрать великим князем князя Володимира Андреевича, на дочери которого был женат герцог Магнус; а великого князя с его опричниками убить и извести. Договор (Contract) был уже подписан.

(12) Первыми (боярами) и князьями в земщине были следующие: князь Володимир Андреевич, князь Иван Дмитриевич Бельский, Микита Романович, митрополит (Babst) Филипп с его епископами[2] — Казанским и Астраханским, Рязанским, Владимирским, Вологодским, Ростовским [и] Суздальским, Тверским, Полоцким, Новгородским, Нижегородским, Псковским и в Лифляндии Дерптским. Надо думать, что и в Ригу (in das Stift Riga) думали посадить епископа. Все эти епископы ежегодно

---

[1] Не выводить дворян и горожан в Россию — было одним из условий сдачи Дерпта в 1558 г.

[2] Написано по зачеркнутому „монахами“.

должны являться на Москву на митрополичий выезд в вербную субботу; потом все монастыри, монахи и попы соборные (die Scaborni), т. е. те, которые входят в совет.

При великом князе в опричнине, говоря коротко, были: князь Афанасий Вяземский, Малюта Скуратов, Алексей Басманов и его сын Федор.

Великий князь ушел с большим нарядом (mit grossen Geschuze); он не знал ничего об этом сговоре (consilio) и шел к литовской границе в Порхов. План его был таков: забрать Вильну в Литве (об.), а если нет, так Ригу в Лифляндии.

Кровавый дикарь (der rote Wilde) стоял под Ригой в Лифляндии и думал взять ее лаской или хитростью. Но это не удавалось, и он решил взять город силой. Тогда под Ригой пало несколько тысяч поляков.

Узнав об этом, великий князь приказал послать за Вильгельмом Фюрстенбергом и поставить его перед собой. Великий князь в своем одеянии сидел со своим старшим сыном. Опричники стояли в палате — по правую руку великого князя, а земские — по левую. Вильгельм Фюрстенберг предстал перед великим князем в своем обычном платье. Я стоял неподалеку от Вильгельма Фюрстенберга и толмача Каспара Виттенберга, чтобы слышать правильно ли толмач толмачит.

И вот великий князь начал и сказал: „Бывший магистр Лифляндии! Мы хотим тебя (13) пожаловать и опять посадить тебя в Лифляндии. Только ты должен свято обещать и скрепить [обет] присягой, что ты завладеешь и всем остальным: Ревелем, Ригой и Финляндией, всем, что принадлежало твоей бывшей державе. После тебя в нашей прародительской вотчине, простирающейся до Балтийского поморья (Secant der Ostsehe), будет править молодой магистр Вильгельм Кеттлер". Вильгельм Фюрстенберг сказал в ответ великому князю: „Того я не слыхал и не ведал, что Лифляндия до морского берега Остзеи твоя прародительская вотчина". Великий князь возражал: „Но ты же видел огонь и меч, убийства и казни. [Ты видел] как пленниками были уведены из Лифляндии и ты, и другие. Так теперь держи ответ: что же ты хочешь делать?". Вильгельм Фюрстенберг отвечал: „Я приносил присягу Римскому императору: на этом я готов и жить, и умереть". Великий князь разгневался на это, и Вильгельм Фюрстенберг был отослан обратно в Любим. Если бы он согласился, он должен бы отправиться с вели-

ким князем под (об.) Ригу, а все немцы были бы пожалованы деньгами и одеждой. Но ничего из этого не вышло.

Тогда же начали думать о герцоге Магнусе. Какая ему отсюда была слава — известно всякому.

Князь Володимир Андреевич открыл великому князю договор и все, что замышляли и готовили земские. Тогда великий князь распустил слух, что он вовсе не хотел итти в Литву или под Ригу, а что он ездил „прохладиться“ (spaziren geritten) и осмотреть прародительскую вотчину (Vaterland und Erbe).

На ямских вернулся он обратно в Александрову слободу и приказал переписать земских бояр, которых он хотел убить и истребить при первой же казни.

Под Александровой слободой, в 3 верстах (Worfe) от нее на юг, по Московской дороге была застава, Каринская по названию. И те, кто были при великом князе в Слободе, не могли выйти и никто извне не мог войти без памяти (Pammet), т. е. памятной записки в качестве удостоверения [...]. Об этом узнали все неверные слуги своих господ — земских. И когда кто-нибудь из них подходил к заставе и говорил (14): „У меня есть дела господарские“ (Umnie sost della hapodorky), его тотчас же доставляли от заставы в Слободу, в приказ, и всему, что бы ни говорил он о своем господине, всему давалась вера.

А великий князь продолжал: приказывал приводить к нему бояр одного за другим и убивал их так, как ему вздумается — одного так, другого иначе.

Митрополит Филипп не мог долее молчать в виду этого. Он добром увещевал великого князя жить и править подобно своим предкам. И благодаря этим речам добрый митрополит попал в опалу и до самой смерти должен был сидеть в железных, очень тяжелых цепях. А великий князь вновь избрал митрополита — по своему желанию.

Затем великий князь отправился из Александровой слободы вместе со всеми опричниками. Все города, большие дороги и монастыри от Слободы до Лифляндии (об.) были заняты опричными заставами, как будто бы из-за чумы; так что один город или монастырь ничего не знал о другом.

Как только опричники подошли к яму (Jamme) или почтовому двору Черная, так принялись грабить. Где великий князь оставался на ночь, по утру там все поджигалось и спаливалось.

И если кто-нибудь из его собственных избранных людей, из

князей, бояр или их слуг, приходил из Москвы на заставу и хотел [проникнуть] в лагерь, того приводили от заставы связанным и убивали тотчас же. Некоторых приволакивали к великому князю нагими и гоняли по снегу до смерти. То же самое было и с теми, кто хотел (уйти) из лагеря в Москву и был схвачен стражей.

Затем великий князь пришел в Тверь и приказал грабить все — и церкви, и монастыри; пленных убивать, равно как и тех русских людей, которые породнились и сдружились с иноземцами. Всем убитым отрубали ноги — устрашения ради; а потом трупы их спускали под лед в Волгу. То же было и в Торжке; здесь не было пощады ни одному монастырю, ни одной церкви.

(15). Великий князь вернулся под Великий Новгород и расположился в 3 верстах пути (Velt weges) от него; в город он послал разведчиком (Vorspeer oder Kuntschafter) воеводу со своими людьми. В городе прошел слух, что великий князь пошел в Лифляндию. А между тем он вошел в Великий-Новгород, во двор к [архи]епископу и отобрал у него все его [имущество]. Были сняты также самые большие колокола, а из церквей забрано все, что ему полюбилось. Так-то пощадил великий князь этот город! Купцам он приказал торговать (kaufen und verkaufen) и от его людей — опричников брать [награбленное] лишь по доброй уплате. Каждый день он поднимался и переезжал в другой монастырь, где [снова] давал простор своему озорству. Он приказывал истязать и монахов, и многие из них были убиты. Таких монастырей внутри и вне города было до 300, и ни один из них не был пощажен. Потом начали грабить город. По утрам, когда великий князь подъезжал из лагеря к городу, ему навстречу выезжал начальник города, и великий князь узнавал таким образом, что происходило в городе за ночь.

(Об.) Целых шесть недель без перерыва длились ужас и несчастье в этом городе!

Все лавки и палатки, в которых можно было предполагать [наличность] денег или товару, были опечатаны. Великий князь неизменно каждый день лично бывал в застенке (Peinhofe oder Haus).

Ни в городе, ни в монастырях ничего не должно было оставаться; все, что воинские люди не могли увезти с собой, то кидалось в воду или сжигалось. Если кто-нибудь из земских пытался вытащить что-либо из воды, того вешали.

Затем были казнены все пленные иноземцы; большую часть их составляли поляки с их женами и детьми и те из русских, которые поженились на чужой стороне.

Были снесены все высокие постройки; было иссечено все красивое: ворота, лестницы, окна.

Опричники увели также несколько тысяч посадских девушек. Некоторые из земских переодевались опричниками и причиняли великий вред и озорство; таких выслеживали и убивали.

Великий князь отправился затем дальше во Псков и там начал действовать также.

(16) К Нарве и ко шведской границе — к Ладожскому озеру — он отправил начальных и воинских людей и приказал забирать у русских и уничтожать все их имущество: и многое было брошено в воду, а многое сожжено. В эту пору было убито столько тысяч духовных и мирян, что никогда ни о чем подобном и не слыхивали на Руси. Великий князь отдал половину города на грабеж, пока он не пришел ко двору, где жил Микула.

Этот Микула — прожиточный мужик (Kerls); живет во Пскове во дворе один, без жены и детей. У него много скота, который всю зиму ходит во дворе по навозу под открытым небом; растет и тучнеет. От этого он и разбогател. Русским он предсказывает многое о будущем. Великий князь пошел к нему на двор. Микула же сказал великому князю: „Довольно! Отправляйся назад домой!“.

Великий князь послушался этого Микулы и ушел от Пскова обратно в Александрову слободу — со всеми деньгами, со всем добром и многочисленными большими колоколами.

В Слободе он тотчас же приказал построить каменную церковь: в ней он сложил все, что было забрано наличными деньгами; в церкви (об.) были вделаны врата, которые он взял от церкви в Великом Новгороде; врата были отлиты с историческими изображениями (mit Historien figürlich); при церкви же были повешены колокола.

После того великий князь открыто опоил отравой князя Володимира Андреевича; а женщин велел раздеть до-нага и позорно расстрелять стрельцам. Из его [т.-е. Владимира Андреевича] бояр (Boiaren oder Knesen) никто не был оставлен в живых.

Великий князь снова приехал из Александровой слободы на Москву и приказал перехватать всех приказных и правителей (Gebieter) в земщине и всех дьяков.

Иван Висковатый держал в земщине печать; Микита Фуников был казначеем, Иван Булгаков был в приказе Большой Казны. Тогда великий князь умертвил до 130 начальников (Heupter), из которых каждый судил и рядил по стране. Ивану Висковатову отрезали сперва нос и уши, потом отсекли руки. Микита Фуников был привязан к столбу на торгу и облит кипятком; так его сварили живьем[1].

Был тогда великий голод (teure Zeit): из-за кусочка хлеба человек убивал человека. (17) А у великого князя по дворам в его подклетных селах, доставлявших содержание дворцу, стояло много тысяч скирд (Scherden) необмолоченного хлеба в снопах (im Stro). Но он не хотел продавать его своим подданным, и много тысяч людей умерло в стране от голода, а собаки пожирали [их трупы].

К тому же всемогущий бог наслал еще великий мор. Дом или двор, куда заглядывала чума, тотчас же заколачивался и всякого, кто в нем умирал, в нем же и хоронили; многие умирали от голода в своих собственных домах или дворах.

И все города в государстве, все монастыри, посады и деревни, все проселки и большие дороги были заняты заставами, чтобы ни один не мог пройти к другому. А если стража когонибудь хватала, его сейчас же тут же у заставы бросали в огонь со всем, что при нем было — с повозкой, седлом и уздечкой.

Многие тысячи умерших в этой стране от чумы пожирались собаками.

Чума усиливалась, а потому в поле вокруг Москвы были вырыты большие ямы, и трупы сбрасывались туда без гробов по 200, по 300, 400, 500 штук в одну кучу (об.). В Московском государстве по большим дорогам были построены особые церкви; в них ежедневно молились, чтобы господь смилостивился и отвратил от них чуму.

Великому князю был подарен слон[2] вместе с арабом, который за этим слоном ухаживал. Араб получал в Москве большое

[1] После казней 1570—71 гг. очередному посольству в Литву царь Иван дал наказ: если спросят—зачем государь ваш казнил казначея Фуникова, печатника Висковатова, дьяков, детей боярских и подъячих многих? отвечать — о чем государской изменник Курбский и вы, паны радные, с этими государскими изменниками ссылались, о том бог нашему государю объявил; потому они и казнены.

[2] Слона подарил царю Ивану персидский шах Тахмасп.

жалованье. Это подметили русские бражники (Brasneck), т.-е. беспутные люди, пропойцы, которые в корчмах пьют и [зернью] играют (doppeln und spielen). Из-за денег они тайно убили жену араба. — Вот этот-то араб был оклеветан и оговорен русскими вместе со своим слоном, что будто бы чума, о которой в Москве и не думали, произошла от него и его слона. Тогда араба и его слона сослали в опале в посад Городецкой. Араб умер там, и великий князь послал дворянина (einen Boiaren) с наказом умертвить слона при помощи [крестьян] окрестных сох (Schigen)[1] и посадских (Burger). Слон стоял [обычно] в сарае, а кругом сарая был тын. Неподалеку от него схоронили араба. Тогда слон проломил тын (18) и улегся на могиле. Там его и добили; выбили у него клыки и доставили великому князю в доказательство того, что слон действительно околел.

Согласно присяге опричники не должны были говорить ни слова с земскими, ни сочетаться с ними браком. А если у опричника были в земщине отец или мать, он не смел никогда их навещать.

Великий князь разделил Москву на две части. [Себе] он взял совсем незначительную часть: город и кремль он оставил земским.

Всякий раз, когда великий князь брал в опричнину какой либо город или уезд, он отписывал себе в опричнину одну или две улицы из пригородных [московских] слобод.

Так убывали в числе земские — бояре и простой люд. А великий князь — сильный своими опричниками — усиливался еще более.

Князь или боярин, не включенный в [опричный] список, заносился в особый список, который пересылался князю [Ивану] Димитриевичу Бельскому (об.) и прочим земским боярам, с тем, чтобы взамен его вотчины ему было дано поместье где-нибудь в другом уезде. Это случалось редко. А когда это случалось, и великий князь „перебирал“ (ausmusterte) уезды, а опричники отбирали от земских их вотчины, то отбирали они все, что

[1] Соха — окладная единица Московского государства, служившая для определения окладов податей и для раскладки государственных и местных сборов и повинностей. Большая московская соха считалась для посадов и черных, дворцовых, поместных, вотчинных и некоторых монастырских земель в 800 четей доброй земли, 1000 четей — средней и 1200 — худой. Для большинства монастырских земель — в 600 четей доброй земли. Ср. лл. 23 об. — 25, 43, 46.

в этих вотчинах находили, не оставляя ничего, если им что полюбится.

Через Москву протекает ручей Неглинная в один фут шириной и глубиной. Ручей этот и был границей опричнины и земщины. На нем великий князь приказал отстроить такой большой двор, какого в Русской земле еще и не видывали. Он так дорого обошелся стране, что земские желали, чтобы он сгорел. Великий князь узнал об этом и сказал своим опричникам, что он задаст земским такой пожар, что они не скоро его потушат. И своим опричникам он дал волю всячески обижать земских. Многие рыскали (19) шайками по стране и разъезжали, якобы, из опричнины, убивали по большим дорогам всякого, кто им попадался навстречу, грабили многие города и посады, били на смерть людей и жгли дома. Захватили они много денег, которые везли к Москве из других городов, чтобы сдать в казну. За этими делами присмотра тогда не было.

Комендант (Gubernator) польского короля Сигизмунда [в одном из городов] Лифляндии, Александр Полубенский, отправился вместе с 800 поляков, переодевшись опричниками (in der Gestalt der Aprisnay). При нем было трое русских служилых людей (Boiaren), отъехавших (die entritten waren) от великого князя: Марк Сарыхозин и его брат Анисим; имя третьего было Тимофей Тетерин; в Русской земле у великого князя он был стрелецким головой; боясь опалы великого князя, он постригся в монахи и в камилавке явился к королю. Итак, комендант подошел к Изборску и сказал воротнику: „Открывай! Я иду из опричнины". Ворота были тотчас же открыты. Так врасплох захватили поляки (об.) Изборск. Однако удерживали его не долее 14 дней и сдали его русским опричникам (Aprisnischen). [После взятия Изборска] поляки были пожалованы поместьями и крестьянами; те, кто хотели удержать их [и после сдачи города], были убиты.

Русские решили сдать полякам Феллин, Тарваст и Мариенбург в Лифляндии. Об этом узнал великий князь и послал приказ — обезглавить по этим городам и замкам всех главных дьяков и приказных. Головы их были привезены в мешках на Москву, как доказательство [их казни].

После того по всем пограничным замкам (Grenzheuser) и городам великий князь разослал указ (Mandat) — не впускать никого, если кто придет, как бы из опричнины.

Многие отправились из опричнины и, придя на остзейское поморье (an die Secant der Westsehe!) с подложными наказами, принялись переписывать по посадам всех богатых купцов и [девушек] — дочерей как богатых купцов, так и крестьян, будто бы великий князь требовал их на Москву. Если какой крестьянин или купец давал денег, дочь его выключалась из списка, будто бы она некрасива. А та, [что и в самом деле] была дурнушкой, должна была итти за красивую. Так заполучали они деньги.

(20) Если опричникам там, где их именья и селы (Landguter und Höfe) граничили с земскими, полюбится какое-нибудь поле или лес, луга или пруд, то они выкапывали [рядом] два рва: один — в 2 сажени (Faden oder Klafter) длины и ширины и это были владения опричнины; другой — в 1 сажень длины и ширины, и это отходило к земским.

Все крестьяне страны имеют в Юрьев день осенний (auf S. Georgen Tagk im Winter)[1] свободный выход (einen freien Ausgang). Они принадлежат тому, кому захотят (zue weme sie wollen). Кто не хотел добром переходить от земских под опричных (unter die Aprisna), тех [эти последние] вывозили насильством (mit Gewalt geholet) и не по сроку (ausser der Zeit). Вместе с тем увозились или (und) сжигались [и крестьянские] дворы.

Много, много (viel tausent) богатых торговых людей (Kaufleute), много бояр и богатых гостей (Kaufhern) из земских — те, что не служили на войне — закладывались (begaben sich) — вместе с вотчинами, женами и детьми и всем, что у них было — за тех опричников, которых они знали; продавали им свои вотчины, думая, что этим они будут ограждены (frei) (об.) от других опричников. Но опричники, пограбив их, говорили им: „Мы не можем держать вас дольше; вы же знаете, что мы не можем общаться с земскими; что это противно нашей присяге. Уходите, откуда пришли!“. И [земские] должны были еще бога благодарить, что ушли непобитые!

Опричники обшарили всю страну, все города и деревни в земщине, на что великий князь не давал им своего согласия. Они сами составляли себе наказы; [говорили] будто бы великий

[1] „Юрьев день“—26 ноября ст. ст. — обычный срок крестьянского выхода и вывоза. В тексте записок он упоминается еще дважды на лл. 45 об. и 47.

князь указал убить того или другого из знати или купца, если только они думали, что у него есть деньги, — убить вместе с женой и детьми, а деньги и добро забрать в казну великого князя.

Тут начались многочисленные душегубства и убийства в земщине. И описать того невозможно! Кто не хотел убивать, те ночью приходили туда, где можно было предполагать деньги, хватали людей и мучили их долго и жестоко, пока не получали всей их наличности и всего, что приходилось им по вкусу. Из-за денег земских оговаривали все: и их слуги, работники и служанки, и простолюдин из опричнины (der gemeine in Aprisna) — посадский или крестьянин. Я умалчиваю о том, что позволяли себе слуги, служанки и малые (Jungen) [опричных] князей (21) и дворян! В силу указа все считалось правильным.

По своей прихоти и воле опричники так истязали всю русскую земщину, что сам великий князь объявил: „Довольно!".

Опричники не могли насытиться добром и деньгами земских. [Раньше] если опричники искали на ком-нибудь из земских 1000 рублей [будто-бы данные им в долг], тогда как земские получили [от них] только сотню, а то и того меньше, но записывали-то они [опричные] всю сумму [в 1000 рублей] — все жалобы [потерпевших] вместе с расписками и судными списками клались под сукно (wurden beigelegt): ведь опричные присягали, что они не будут дружить с земскими, что с ними они не будут иметь никаких дел.

[Теперь] великий князь сыграл обратную игру (spilt der Grosfurschte das Widerspil): он приказал подобрать все жалобы. И если опричные говорили: „на 1000" (auf tausent) и на эту сумму была дана расписка, а земские получили [на самом деле] не все полностью, то опричники должны были выплатить земским дополнительно.

Это решение пришлось не по вкусу опричникам.

(об.) Тогда великий князь принялся расправляться с начальными людьми из опричнины.

Князь Афанасий Вяземский умер в посаде Городецком в железных оковах. Алексей [Басманов] и его сын [Федор], с которым великий князь предавался разврату (pflegte Unzucht mitzutreiben), были убиты. Малюта Скуратов был убит в Лифляндии под Вейссенштейном: этот был первым в курятнике (der beste Han im Korbe)! По указу великого князя его поминают в церквах и до днесь.

Князь Михаил сын [Темрюка] из Черкасской земли, шурин великого князя, стрельцами был на смерть зарублен топорами и аллебардами. Князь Василий Темкин был утоплен. Иван Зобатый был убит. Петр Suisse[1] — повешен на своих собственных воротах перед спальней. Князь Андрей Овцын — повешен в опричнине на Арбатской улице; вместе с ним была повешена живая овца. Маршалк Булат хотел сосватать свою сестру за великого князя и был убит, а сестра его изнасилована 500 стрельцами. Стрелецкий голова Курака Унковский был убит и спущен под лед [...] в прошлом году затравлен собаками у Каринской заставы под Александровой слободой.

(22) Григорий Грязной был убит, а его сын Микита сожжен. Его брат Василий был взят в плен татарами. Писец и дьяк (der Schreiber und Kanzeler) Посник Суворов был убит в поместном приказе. Осип Ильин был позорно казнен во дворовом приказе (Hofcanzelei).

Всех опричников и земских, всех тех, кого должны были казнить, били сначала публично на торгу батогами до тех пор, пока те, у кого было добро или деньги, не передавали их в казну великого князя. А у кого не было ни денег, ни добра, тех [сразу] убивали [где ни попадя] и у церквей, и на улицах, и в домах — во время сна или бодрствования, а потом выбрасывали на улицу. При этом писалась цидула (Scedel), в ней указывалась причина казни. Записка эта пришпиливалась к одежде мертвеца, и труп должен был лежать в острастку народа — все равно, был ли [казненный] прав, или виноват.

Если бы Москва не выгорела со всем, что в ней было, земские получили бы много денег и добра по неправильным распискам (об.), которые они должны были получить обратно от опричников. Но так как Москва сгорела, а с ней вместе и все челобитья, судные списки и расписки, земские остались в убытке.

Были обижены также и торговые люди [как] русские, [так] и из других государств, постоянно торгующие в его стране.

В своей стране великий князь не терпел рядом со своими торговыми людьми никаких других, кроме тех, кто торговал у Нарвы с немцами, французами, англичанами и со всеми заморскими (was oberseisch ist), и кого он указывал облагать — одного больше, другого меньше, по своей воле.

[1] Может быть Щенятев?

Что касается до торговых людей чужих стран, то турчанин купец Чилибей был отослан из Москвы; за товары, которые взял от него великий князь, ему ничего не было уплачено; он должен был удалиться в опале без снисхождения (ohne Respit), хотя люди [его] страны пользуются правом покупки всех пленных, которых русские приводили из Литвы или Польши, а также и из Швеции, равно как из Лифляндии (23) и других окрестных стран; [турки] вольны разводить их по своим и чужим странам[1].

Некоторые торговые люди из Сибири были убиты, а их соболи удержаны в казне великого князя.

Из Персии шли англичане, которые приезжают к Холмогорам. Как только подошли они к Волге, явился русский станичный (wildfeldischer) голова со своими стрелками, якобы в качестве провожатых и охраны от черкасских татар и нагаев, от луговой и нагорной черемисы. Это предложение пришлось англичанам по душе. И голова со стрельцами вступили на английский корабль, нагруженный пряностями и дорогими шелковыми тканями; ранили нескольких англичан, но оставили шкипера и корабельщиков и повернули с кораблем и товарами обратно.

От английской компании великий князь отобрал в свою казну много денег и добра. Королева послала спросить у великого князя — почему он так поступил. А великий князь отвечал послу так: „Опальные деньги не отдадут“ (Apalni dengi ne oddatut).

(об.) Герцог Август курфюрст послал великому князю с бюргером из Лейпцига, Каспаром Куником, набор хирургических инструментов; все (alles was darzu gehorte) было искусно сделано и позолочено. И Каспар Куник не получил от великого князя ничего. Денежный мастер из Ревеля Пауль Гульден прибыл [в Москву] с драгоценностями; и от него они были отобраны.

Подклетные села[2], доставляющие содержание [великокняжескому] дворцу (die zur Hofhaltung gehoren), и вотчины, и по-

[1] После того, как был арестован в Любеке саксонец Ганс Шлитте (1547 г.), набравший для царя Ивана мастеров, техников, оружейников и ученых, царь Иван запрещал продавать военнопленных немцев в Германию и Польшу: их продавали туркам, и пленные расходились по азиатским рынкам.

[2] В тексте неясно: Städte in Potcleteni coeli. Подклетные села = дворцовые *села*, доходы с которых шли всецело на содержание двора.

местья князей и бояр, митрополита, епископов и монастырей; [и земли] крестьян — все разделены на сохи (in Schogen geteilet).

В городах, где живут торговые люди или бюргеры, [каждые] 100 дворов составляют соху.

По уездам (zu Land) измерены все пашни, луга, леса и рыбные ловли и сообразно с качеством также разделены на сохи. И по всей стране [по различным ее областям] каждая соха имела свое собственное кадастровое наименование (und es haben imganzen Lande jede Schoga ihren eigenen beschriebenen Namen)[1].

Со всех описанных сох великий князь собирал прежде дань полностью, хотя много, много тысяч (viel hunderttausent) сох стояли пустыми; ибо когда находили хотя бы одного человека — безразлично духовного или мирского — в землях митрополичьих (in Babstthumb), епископских (Bischoftumben) или монастырских, равно как и служилых (des Grosfurschten Knesen und Boiaren) — одного на целую соху (24), [все равно] платилось за всю соху. [И это] несмотря на то, что [служилые люди] с их земель должны были лично служить военную службу. Если даже на их землях не было ни одного крестьянина, они все же должны были платить за все те сохи, которые были за ними (under ihnen gelegen) и тем не менее лично служить военную службу. У того, кто не объявлялся на смотру, отписывались имения, [а его самого] били публично на торгу или в лагере кнутом или плетьми. Того, кто болел смертельной болезнью, на смотру (durch die Musterung) проносили или провозили [на носилках или в повозке].

Где отыскивалась пустая соха, ее причисляли к другим уездным сохам, в которых жили люди. Они-то и платили за пустые (ledige) и за запустелые (wuste) сохи. В Русской земле теперь больше пустых, нежели населенных сох.

Целовальники (die Gruskusser) или присяжные, которые сидят на таможне, [податей] не платят. За них должны уплачивать [крестьяне] посадских и уездных сох (die Schogen in Steten und Dorfern) (об.).

---

[1] Автор имеет в виду различные окладные единицы, бывшие в употреблении в различных областях Московского государства, как-то: выти, обжи, луки и местные сохи и сошки различных размеров. Во второй половине XVI — начале XVII в. они уступают место официально признанной однообразной большой московской сохе, размеры коей колебались в зависимости от качества земли (800—1000—1200 четей).

Повсюду имеются еще почтовые дворы (Postheuser), где живут охочие (freiwillige) люди с очень хорошими лошадьми; на этих лошадях в шесть дней можно доехать из Москвы до какой нибудь окрестной границы или [обратно] от границы до Москвы; один ям или почтовый двор отстоит от другого на 20, 30, 40 или 50 верст (Vorste). Содержание их обходилось очень дорого великому князю. Теперь же их должны содержать сохи.

Точно также и с варкой селитры для заготовки пороха: все, что для того было нужно, шло из казны. Теперь же все это полностью должны справлять сохи.

На них же был возложен еще наем одного, двух, трех крестьян с сохи, которые должны были постоянно быть при пушках, тащить их и от них не отлучаться. Посошный (Pososnek) — будь то гуляющий или (25) крестьянин (Kerl oder Baur), — которого наняли посошные люди (die Posnecken), должен поставить за себя поруку сошным людям (denen in der Schogen), когда он получает [от них] деньги. И обратно, сошные люди должны [дать поруку] начальному человеку, который управляет посошными при орудиях, в том, что нанятые ими работники неотступно будут при наряде и останутся при нем — живые или мертвые. Эта порука расписывалась на обе стороны у площадного подьячего (bei dem Notario) и подписывалась послухами (mit Zeugen).

Монастыри должны теперь ставить в поход воинских людей для великого князя со своих имений.

Все окрестные границы были закрыты, и во время голода и чумы никто не мог убежать из опричнины в другую страну; а кого хватали на польской границе, тех сажали на кол, некоторых вешали.

У великого князя ни в чем не может быть недостатка: ведь у русских обычна поговорка: „Господарское не изгорит, на море не утонет“ (Haspodarki ne isgarrit nam more ne utarnit). Говорят они еще и так: „Ведает бог да господарь“ (Weddet boch da haspodar), что соответствует „cor domini in manu dei“.

(об.) До того, как великий князь устроил опричнину, Москва с ее Кремлем и слободами (Vorsteten) была отстроена так.

На восток город[1] имел двойные ворота; на север он широко

[1] Китай-город.

раскинулся по реке; на юге лежал Кремль; на запад были также двойные ворота. [В Кремле] было 3 ворот: одни ворота Кремля были на запад и двое ворот на север. От восточных ворот города до западных, город — весь насквозь — представлял собою площадь[1] и рынок — и только! На этой площади под Кремлем стояла круглая церковь[2] с переходами; постройка была красива извнутри и над первым переходом расписана многочисленными священными изображениями, изукрашенными золотом, драгоценными камнями, жемчугом и серебром. Митрополичий выезд со всеми епископами на вербную субботу (auf Palmentag) происходил ежегодно именно к этому храму. Под переходом похоронено несколько человек; на их могилах горели день и ночь восковые свечи; они [т.-е. мертвые] не тлеют, как говорят русские, а посему они считают их очень святыми и молятся им днем и ночью (26). У этого храма висело много колоколов.

Там, где стоит храм, площадь сама по себе расположена высоко, как маленькая гора. Неподалеку от храма стоят несколько пушек, [из них] можно стрелять поверх восточных ворот через стену и Москва-реку.

На этой то площади умерщвляли и убивали господ из земщины (die Herren in der Semsky). Тогда вся площадь — от западных ворот и до этого храма — бывала окружена и занята опричными стрелками (mit allen aprisnischen Hakenschuzen). Трупы оставались обнаженные на площади и днем, и ночью — народу в назидание (zum Spigel). Потом их сбрасывали в одну кучу в поле, в яму.

Около храма есть ворота[3] в Кремль. На восточной [его] стороне — тоже церковь[4], [ничем] не отличающаяся от других русских церквей. Затем идут знатнейшие приказы, все деревянной постройки и только один из камня. А именно: Казанский, Разбойный, Разрядный, Поместный, Приказ Большой Казны, Дворцовый приказ, приказ [Челобитенный], где вычитывались все челобитья, которые сходили (kamen) от великого князя и были подписаны.

---

1 Красная площадь.

2 Собор Покрова на Рву (церковь Василия Блаженного).

3 Фроловские; с 1658 г. Спасские.

4 Св. Константина и Елены.

Дальше стоит церковь [1] (об.), где похоронены покойные великие князья.

Далее Казенный двор. Перед этой церковью и Казенным двором ставили на правеж (wurden gerechtfertiget) всех, кто был должен в казну.

Дальше — еще одна двухэтажная церковь [2] с лестницей сверху, со сводами. Свод и одна стена по левой стороне до дверей и входа в нижнюю церковь расписаны изображениями святых в образе человеческом.

Дальше — сводчатым же проходом — можно пройти до четырехугольной площадки перед палатой [3] (Sahl) великого князя, в которой он обычно обедает. Эта площадка покоится на сводах; она выложена камнями; не перекрыта.

Каждое утро великий князь ходил в эту церковь; главы ее были покрыты позолоченной медью.

Палата великого князя была деревянной постройки. Против этой палаты — на востоке стояла [другая] палата [4] (Pallast), которая была пуста.

С площади на юг — вниз к погребам, поварням (Kuchen) и хлебням (Backheuser) — шла лестница. С площади на запад был переход к Большой палате [5], которая была перекрыта медью и все время стояла открытой (27).

Здесь от перехода в середине было четырехугольное крыльцо [6] (ein virkandige Treppen); через это крыльцо в большие праздники проходил обычно великий князь в своем одеянии в сопровождении многочисленных князей и бояр в бриллиантах и золоте (in blianten oder guldenen Stucken). Великий князь держал в руке прекрасный драгоценный посох с тремя огромными драгоценными камнями. Все князья и бояре также держали в руках по посоху; по этим посохам отличали правителей (die Regenten). Теперь с великим князем ходят новодельные господа (gemachte Herren), которые должны бы быть холопами (hetten dienen mussen) тем — прежним (den vorigen)!

К другим кремлевским церквам от этого крыльца вели дву-

---

[1] Архангельский собор.
[2] Благовещенский собор.
[3] Большая набережная палата.
[4] Малая набережная палата.
[5] Средняя или Большая Золотая палата.
[6] Красное крыльцо.

створчатые решетчатые ворота. За ним были ворота, которые переходом вели к площади, где расположены погреба, поварни и хлебни.

Дальше была еще церковь[1] с пятью главами; четыре из них были перекрыты жестью, а пятая — внутри их или в середине — была позолочена. Над церковным входом (Kuchentür!) была изображена и расписана с позолотой икона Богородицы.

За ней митрополичий двор[2] со всеми его приказами.

За ними были ворота[3], которые вели к опричному двору (об.). Здесь можно было переехать через речку Неглинную: через эту речку был каменный мост. Вот и все каменные мосты, которые только видел я в этой стране!

Вдоль западных стен с внутренней их стороны до ворот, которые ведут в город[4], было несколько сотен житных дворов (Kornheuser): они принадлежали опричному двору.

[В Кремле] было еще несколько монастырей, где погребались великие князья и иные великие господа.

Посреди Кремля стояла церковь[5] с круглой красной башней[6]; на этой башне висели все большие колокола, что великий князь привез из Лифляндии.

Около башни стояла лифляндская артиллерия, которую великий князь добыл в Феллине вместе с магистром Вильгельмом Фюрстенбергом; стояла она неприкрытая, только на-показ (zum Spectakel).

У этой башни сидели все подьячие (Schreiber), которые всем и каждому ежедневно писали за деньги челобитные, кабалы или расписки (Hantschriften oder Quitirung); все они приносили присягу. По всей стране челобитья писались „на“ (in oder uf) имя великого князя. Около этой башни или церкви (28) ставили на правеж (gepravet oder gerechtfertiget) всех должников из простонародья. И повсюду должники стояли на правеже до тех

---

[1] Успенский собор.

[2] Позже „Патриарший двор“ и еще позже — синодальный дом.

[3] Троицкие ворота.

[4] Никольские ворота.

[5] Иоанна Лествичника — постройки итальянца Бона-Фрязина 1505 г. На ее месте в 1600 г. отстроен „Иван-Великий“.

[6] Звонница Петрока Малого, выстроенная в 1532 г. для 1000-пудового колокола.

пор, пока священник не вознесет даров и не зазвонят в колокола.

Между башней и церковью висел еще один колокол: самый большой по всей стране. Когда звонили в него по большим праздникам, великий князь в своем одеянии направлялся в церковь в сопровождении священников, несших перед ним крест и иконы, и князей и бояр.

В день Симона Иуды (Simonis Judae) на этой площади великий князь вместе с князьями и боярами, с митрополитом, епископами и священниками, в облачениях, с крестами и хоругвями, прощались с летом или провожали его и встречали зиму. У русских это — день нового года[1]; кто из иноземцев не имел поместья, тот должен был требовать себе новую „кормовую память“ (Costgeltzeddel).

Затем идут другие ворота[2] из Кремля в город.

Городские[3] и кремлевские стены выстроены все из красного обожженного кирпича и по всему кругу снабжены бойницами.

Ворота эти двойные. [Около них] во рву под стенами находились львы (об.): их прислала великому князю английская королева. У этих же ворот стоял слон, прибывший из Аравии.

Дальше общий судный двор или Земский двор (Semskodvor) и цейхгауз (Zeughaus); за ним друкарня (Preme) или печатный двор. Далее была башня или цитадель, полная зелья (Kraut). Затем — северные ворота[4]. Около них — много княжеских и боярских дворов, [протянувшихся] до других или средних ворот[5]. Здесь была выстроена большая тюрьма, совсем как замок (Hof); в ней сидели пленники, взятые в плен на поле битвы в Лифляндии. На день тюремный сторож выпускал их по городу (inwendigst), а на ночь ковал в железа. Здесь же был и застенок (die Peinerei). Дальше до третьих северных ворот[6] тянулись различные дома и дворы. На этой улице был выстроен еще большой двор с женской половиной: когда великий князь захватил и до-

---

[1] Автор имеет в виду 1 сентября — день Симеона Столпника — „Летопроводца“. С 1700 г. новый год считается с 1 января.

[2] Упоминаемые выше Никольские ворота.

[3] Т. е. Китай-города.

[4] Владимирские ворота.

[5] Ильинские ворота.

[6] Варварские ворота.

был Полоцк, здесь были заключены привезенные на Москву Довойна и некоторые другие поляки и их жены.

Далее[1] был двор англичан, которые приезжают к Холмогорам. Еще дальше — Денежный двор (Munzhof).

За всем этим находились (29) торговые ряды (Kramstrassen). В каждом ряду торговали одним товаром. Ряды тянулись вдоль площади перед Кремлем.

На площади изо дня в день стояло несколько „малых" (Jungen) с лошадьми: всякий мог их нанять за деньги и быстро доставить из подгородных слобод что-нибудь — как-то: рукописания (Hantschriften), грамоты (Brife), расписки (Quitanzien) — и затем опять итти в Кремль по приказам.

Посредине города был заново отстроенный двор, в нем должны были лить пушки.

По всем улицам были устроены „решетки" (Gatterpforten), так что вечером или ночью никто не мог через них ни пройти, ни проехать, — разве что по знакомству со сторожем. А если хватали кого-нибудь под хмельком, того держали в караульной избе (Porthaus) до утра, а затем приговаривали к телесному наказанию.

Вот как по всей стране устроены все города и посады [. . .].

В этом городе [Москве] все епископы страны имеют свои особые дворы — в городе и слободах, равно как и все знатнейшие монастыри; священники и дьячки, воеводы (Woywoden) и начальные люди; все приказы и дьяки (alle Canzeleien und Schreiber); все воротники (Torwechter), до 2000 человек из мелкой знати (geringe von Adel), также имеют здесь свои дворы; изо дня в день они выжидали по приказам (об.) [какой-нибудь посылки]; как только в стране что-либо случалось, им давались наказы и их отсылали в тот же час. Также были дворы у охотников, конюхов, садовников, чашников (Kelner) и поваров. Были посольские дворы и много других дворов иноземцев, которые все служат великому князю. Все эти дворы были свободны от государевой службы (herrendinste frei).

Но когда была учреждена опричнина, все те, кто жил по западному берегу речки Неглинной, безо всякого снисхождения (ohne Respit) должны были покинуть свои дворы и бежать в окрестные слободы, еще не взятые в опричнину. Это относи-

[1] На Варварке.

лось одинаково и к духовным, и к мирянам. А кто жил в городе или слободах и был взят в опричнину, тот мог легко перейти из земщины в опричнину, а свои дворы в земщине или продать, или, разобрав, увести в опричнину.

Тогда же подоспели великий голод и чума. Многие села и монастыри от того запустели. Многие торговые люди из-за указа, который пришел от великого князя из опричнины в земщину, покидали свои дворы и метались по стране туда и сюда (30).

Так велика была беда (Jammer), что земский поглядывал [только] — куда бы убежать!

Об этой игре (Spil) узнал крымский царь и пошел к Москве с Темрюком из Черкасской земли — свойственником (Vetter) великого князя. А великий князь вместе с воинскими людьми — опричниками — убежал в незащищенный город Ростов.

По началу татарский хан приказал подпалить увеселительный двор (Lusthaus) великого князя — Коломенское — в 1 миле от города.

Все, кто жил вне [города] в окрестных слободах, — все бежали и укрылись в одном месте: духовные из монастырей и миряне, опричники и земские.

На другой день он поджег земляной город (Hackelwehr) — целиком все предместье; в нем было также много монастырей и церквей.

За шесть часов выгорели начисто (vorbranten innen und aussen) и город[1], и кремль, и опричный двор (Aprisna), и слободы.

Была такая великая напасть, что никто не мог ее избегнуть! В живых не осталось и 300 боеспособных людей (Wehrhaftiger). Колокола у храма и колокольня (Mauren), на которой они висели [упали], и все те, кто вздумал здесь укрыться, были задавлены камнями. Храм вместе с украшениями и иконами был снаружи (об.) и извнутри спален огнем; колокольни также. И остались только стены (Maurwerk), разбитые и раздробленные. Колокола, висевшие на колокольне посредине Кремля, упали на землю и некоторые разбились. Большой колокол упал и треснул. На опричном дворе колокола упали и врезались в землю. Также и все [другие] колокола, которые висели в городе и вне его на

[1] Китай-город.

деревянных [звонницах], церквей и монастырей. Башни или цитадели, где лежало зелье (Kraut), взорвались от пожара—с теми, кто был в погребах; в дыму задохлось много татар, которые грабили монастыри и церкви вне Кремля, в опричнине и земщине.

Одним словом, беда, постигшая тогда Москву, была такова, что ни один человек в мире не смог бы того себе и представить.

Татарский хан приказал поджечь и весь тот хлеб, который еще необмолоченным стоял по селам великого князя.

Татарский царь Девлет-Гирей повернул обратно в Крым со множеством денег и добра и многим множеством (viel hundert tausent) полоняников и ~~положил~~ в пусте у великого князя всю Рязанскую землю.

(31) Строения опричного двора (des Hofes Aprisnay)[1].

Великий князь приказал разломать дворы многих князей, бояр и торговых людей на запад от Кремля на самом высоком месте в расстоянии ружейного выстрела; очистить четыреугольную площадь и обвести эту площадь стеной; на 1 сажень от земли [выложить ее] из тесаного камня, а еще на 2 сажени вверх — из обожженных кирпичей; наверху стены были сведены остроконечно, без крыши и бойниц (umbgehende Wehr); [протянулись они] приблизительно на 130 саженей в длину и на столько же в ширину, с тремя воротами: одни выходили на восток, другие— на юг, третьи — на север. Северные ворота находились против кремля и были окованы железными полосами, покрытыми оловом. Извнутри — там, где ворота открывались и закрывались — были вбиты в землю два огромных толстых бревна и в них [проделаны] большие отверстия, чтобы через них мог пройти засов; засов этот [когда ворота были открыты] уходил в стену, а когда ворота закрывались, его протаскивали через отверстия бревен до противоположной стены. Ворота были обиты жестью. На них было два резных (об.) разрисованных льва — вместо глаз у них были пристроены зеркала; и еще — резной из дерева черный двуглавый орел с распростертыми крыльями. Один

[1] Посольству Умного Колычова, отправлявшемуся в Литву в 1566 г., был дан наказ: если спросят, для чего государь ваш велел поставить двор за городом? отвечать — для своего Государского прохладу! Литовскому гонцу, Федору Юршу (апрель 1566 г.), было разъяснено — „волен государь: где похочет дворы и хоромы ставить, тутo ставит. От кого ся государю отделивати?“

[лев] стоял с раскрытой пастью и смотрел к земщине, другой такой же смотрел во двор. Между этими двумя львами стоял двуглавый черный орел с распростертыми крыльями и грудью в сторону земщины.

На этом дворе (in diesem Gebeuw!) были выстроены три мощных постройки и над каждой наверху на шпице стоял двуглавый черного цвета орел из дерева, с грудью, обращенной к земщине.

От этих главных построек шел переход через двор до юго-восточного угла.

Там, перед избой и палатой, были выстроены низкие хоромы с клетью (Sommerhaus) вровень с землей. На протяжении хором и клети стена была сделана на пол-сажени ниже для [доступа] воздуха и солнца. Здесь великий князь обычно завтракал или обедал. Перед хоромами был (32) погреб, полный больших кругов воску.

Такова была особная площадь великого князя. В виду сырости она была засыпана белым песком на локоть в вышину. Южные ворота [— калитка] были малы: только один и мог в них въехать или выехать.

Здесь были выстроены все приказы и ставились на правеж должники, которых били батогами или плетьми, пока священник не вознесет за обедней даров, и не прозвонит колокол. Здесь подписывались все челобитья опричников и отсылались в земщину, и что было здесь подписано, то было уж справедливо и в силу указа в земщине тому не перечили. Таким образом [. . .].

Снаружи слуги (Jungen) князей и бояр держали их лошадей: когда великий князь отправлялся в земщину, то [верхом] они могли следовать за ним только вне двора (auswendigk).

Через восточные ворота князья и бояре не могли следовать за великим князем — ни во двор, ни из двора: [эти ворота были] исключительно для великого князя, его лошадей и саней.

Так далеко простирались постройки на юг. Дальше была калитка, извнутри забитая гвоздями. На западной стороне ворот не было; [там была] большая площадь, ничем не застроенная.

На севере были (об.) большие ворота, обитые железными полосами, покрытыми оловом. Здесь находились все поварни, погреба, хлебни и мыльни. Над погребами, где хранился разных сортов мед, а в некоторых лежал лед, были сверху надстроены большие сараи (Gemecher) с каменными подпорами из досок, про-

зрачно прорезанных в виде листвы. В них подвешивалась всякая дичь и рыба, которая шла, главным образом, из Каспийского моря, как то: белуга, осетр, севрюга и стерляди (pelugo, averra, ceurina und scorleti). Здесь была калитка, чтобы с поварень, погребов и хлебень можно было доставлять еду и питье на правый [великокняжеский] двор. Хлеб, который он [великий князь] ест сам, — несоленый.

Здесь были две лестницы [крыльца] (Treppen); по ним можно было подняться к большой палате. Одна из них была против восточных ворот. Перед ними находился маленький помост, подобный четырехугольному столу: на него всходит великий князь, чтобы сесть на коня или слезть с него. Эти лестницы поддерживались двумя столбами, на них покоилась крыша и стропила. Столбы и свод были украшены резьбой под листву.

Переход шел кругом всех покоев и до самых стен. Этим переходом великий князь мог пройти сверху от покоев (33) по стенам в церковь, которая стояла вне ограды перед двором на востоке. Церковь эта была выстроена крестообразно и фундамент ее шел вглубь на 8 дубовых сваях; три года она стояла непокрытой. У этой церкви висели колокола, которые великий князь награбил и отобрал в Великом Новгороде.

Другая лестница [— крыльцо] была по правую руку от восточных ворот.

Под этими двумя лестницами и переходами держали караул 500 стрелков; [они же несли] и все ночные караулы в покоях или палате, где великий князь обычно ел. На южной стороне ночью держали караулы князья и бояре.

Все эти постройки были из прекрасного елового леса; вырубался он в так называемом Клинском лесу, около которого лежит посад того же имени и ям — в 18 милях от Москвы по большой дороге в Тверь и Великий Новгород.

Палатные мастера или плотники для этих прекрасных построек пользуются только топором, долотом, скобелем и одним инструментом в виде кривого железного ножа, вставленного в ручку.

(об.). Когда татарский царь Девлет-Гирей приказал запалить слободы и подгородние (auswendige) монастыри, и один монастырь [действительно] был подожжен, тогда трижды ударили в колокол, еще и еще раз ... — пока огонь не подступил к этому крепкому двору и церкви. Отсюда огонь перекинулся на весь

город Москву и Кремль. Прекратился звон колоколов. Все колокола этой церкви расплавились и стекли в землю. Никто не мог спастись от этого пожара. Львы, которые были под стенами в яме, были найдены мертвыми на торгу. После пожара ничего не осталось в городе (in allen Regimenten und Ringkmauren) — ни кошки, ни собаки.

Так осуществились пожелания земских и угроза великого князя. Земские желали, чтобы этот двор сгорел, а великий князь грозился земским, что он устроит им такой пожар, что они не сумеют его и потушить. Великий князь рассчитывал, что и дальше он будет играть с земскими (mit den Semsken spielen) так же, как начал. Он хотел искоренить неправду правителей и приказных (der Regenten und Befehlichshaber) страны, а у тех, кто не служил его предкам верой и правдой, не должно было оставаться в стране (34) [ни] роду, [ни племени]. Он хотел устроить так, чтобы новые правители, которых он посадит, судили бы по судебникам без подарков, дач и приносов. Земские господа (die Semsken Herren) вздумали этому противиться и препятствовать и желали, чтобы двор сгорел, чтобы опричнине пришел конец, а великий князь управлял бы по их воле и пожеланиям. Тогда всемогущий бог послал эту кару (Mittel), которая приключилась через посредство крымского царя, Девлет-Гирея.

С этим пришел опричнине конец (darmit nam Aprisnay ein Ende) и никто не смел поминать опричнину под следующей угрозой: [виновного] обнажали по пояс и били кнутом на торгу. Опричники должны были возвратить земским их вотчины. И все земские, кто [только] оставался еще в живых, получили свои вотчины, ограбленные и запустошенные опричниками.

На следующий год, после того, как была сожжена Москва, опять пришел крымский царь полонить (einzunehmen] Русскую землю (об.). Воинские люди великого князя встретили его на Оке, в 70 верстах или по-русски в „днище“ (Tagereise) от Москвы.

Ока была укреплена более, чем на 50 миль вдоль по берегу: один против другого были набиты два частокола в 4 фута высотою, один от другого на расстоянии 2 футов, и это расстояние между ними было заполнено землей, выкопанной за задним частоколом. Частоколы эти сооружались людьми (Knechten) князей и бояр с их поместий. Стрелки могли таким образом укрываться за обоими частоколами или шанцами и стрелять [из-за них] по татарам, когда те переплывали реку.

На этой реке и за этими укреплениями русские рассчитывали оказать сопротивление крымскому царю. Однако, им это не удалось.

Крымский царь держался против нас на другом берегу Оки. Главный же военачальник крымского царя, Дивей-мурза, с большим отрядом переправился далеко от нас через реку, так что все укрепления оказались напрасными. Он подошел к нам с тыла от Серпухова.

Тут пошла потеха (erhup sich das Spil!). И продолжалась она 14 дней и ночей. (35) Один воевода за другим непрестанно бились с ханскими людьми. Если бы у русских не было гуляй-города (Wagenborgk)[1], то крымский царь побил бы нас, взял бы в плен и связанными увел бы всех в Крым, а Русская земля была бы его землей.

Мы захватили в плен главного военачальника крымского царя Дивей-мурзу и Хаз-булата. Но никто не знал их языка. Мы [думали], что это был какой-нибудь мелкий мурза. На другой день в плен был взят татарин, бывший слуга Дивей-мурзы. Его спросили — как долго простоит [крымский] царь? Татарин отвечал: „Что же вы спрашиваете об этом меня! Спросите моего господина Дивей-мурзу, которого вы вчера захватили". Тогда было приказано всем привести своих полоняников. Татарин указал на Дивея-мурзу и сказал: „Вот он — Дивей-мурза!". Когда спросили Дивей-мурзу: „Ты ли Дивей-мурза?", тот отвечал: „Нет! я мурза невеликий!". И вскоре Дивей-мурза дерзко и нахально сказал князю Михаилу Воротынскому и всем воеводам: „Эх, вы, мужичье! Как вы, жалкие, осмелились тягаться с вашим господином, с крымским (об.) царем!". Они отвечали: „Ты [сам] в плену, а еще грозишься". На это Дивей-мурза возразил: „Если бы крымский царь был взят в полон вместо меня, я освободил бы его, а [вас], мужиков, всех согнал бы полоняниками в Крым!". Воеводы спросили: „Как бы ты это сделал?". Дивей-мурза отвечал: „Я выморил бы вас голодом в вашем гуляй-городе в 5—6 дней". Ибо он хорошо знал, что русские били и ели своих лошадей, на которых они должны выезжать против врага. Русские пали тогда духом.

Города и уезды Русской земли — все уже были расписаны и

---

[1] Гуляй-город — подвижное деревянное укрепленье, двигавшееся посредством лошадей.

разделены между мурзами, бывшими при крымском царе; [было определено] — какой кто должен держать. При крымском царе было несколько знатных турок, которые должны были наблюдать за этим: они были посланы турецким султаном (Keiser) по желанию крымского царя. Крымский царь похвалялся перед турецким султаном, что он возьмет всю Русскую землю в течение года, великого князя пленником уведет в Крым и своими мурзами займет Русскую землю (36).

Нагаи, которые были в войске [крымского] царя, были недовольны тем, что добыча поделена не поровну, потому что они помогали царю жечь [Москву] в прошлом году.

Как и в прошлом году, когда спалили Москву, великий князь опять обратился в бегство — [на этот раз] в Великий Новгород, в 100 милях от Москвы, а свое войско и всю страну бросил на произвол судьбы.

Из Великого Новгорода великий князь отправил нашему воеводе, князю Михаилу Воротынскому, лживую грамоту (falsche Brife): пусть-де он держится крепко, великий князь хочет послать ему в помощь короля Магнуса и 40.000 конницы. Грамоту эту перехватил крымский царь, испугался и обробел и пошел назад в Крым.

Все тела, у которых были кресты на шее, были погребены у монастыря, что около Серпухова. А остальные были брошены на съедение птицам.

Все русские служилые люди (Knesen und Boiaren) получали придачу к их поместьям (wurden ihre Landguter gemehret oder vorbessert)[1], если были прострелены, посечены или ранены спереди. А у тех, которые были (об.) ранены сзади, убавливали поместий и на долгое время они попадали в опалу. А те, которые были совершенно искалечены от ран так, что становились калеками, те назначались чиновниками (zu Amptleuten) в города и уезды и вычеркивались из воинских смотренных списков. А здоровые приказные (Amptleute) из городов и уездов расписывались на места калек. Княжеским или боярским сы-

[1] Автор хорошо отметил двоякий способ пожалования служилого человека за службу: или путем действительной прирезки земли или же путем „одабривания“ поместной дачи, т.-е. качественной ее переоценки. Поместная земля могла быть или „худой“, или „середней“ или „доброй“. Если служилый человек был испомещен на „середней“ земле, то при одабривании каждые 125 четвертей считались лишь за 100 четвертей; 150 четвертей худой земли шли также за 100 четвертей.

новьям, достигшим 12-летнего возраста, также раздавались поместья, и они также записывались в смотренные списки. Если лично они не объявлялись на смотру, их наказывали так же, как и их отцов. Никто по всей стране не свободен от [службы], даже и тот, кто ничего не получает от великого князя.

Затем были убиты два военачальника — князь Михаил Воротынский и Микита Одоевский.

Хотя всемогущий бог и наказал Русскую землю так тяжко и жестоко, что никто и описать не сумеет, все же нынешний великий князь достиг того, что по всей Русской земле, по всей его державе (Regierung) — одна вера (37), один вес, одна мера! Только он один и правит! Все, что ни прикажет он — все исполняется и все, что запретит — действительно остается под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне.

И как долго продержится это правление — ведомо богу вседержителю!

Как великий князь завоевал и добыл Казань и Астрахань.

Великий князь приказал срубить город с деревянными стенами, башнями, воротами, как настоящий город; а балки и бревна переметить все сверху донизу. Затем этот город был разобран, сложен на плоты и сплавлен вниз по Волге, вместе с воинскими людьми и крупной артиллерией. Когда он подошел под Казань, он приказал возвести этот город и заполнить все [укрепления] землей (mit Grund und Erden); сам он возвратился на Москву, а город этот занял русскими людьми и артиллерией (об.) и назвал его Свияжском.

Так казанцы лишились свободного пути и постоянно должны были биться и сражаться с русскими.

Великий князь вновь собрал великую силу и подошел опять к Казани; вел подкопы и взорвал их. Так взял он город, а [казанского] хана-царя Шигалея[1] взял в плен и отдал воинским людям город, как добычу (preis).

Город был разграблен. Жителей убивали, выволакивали и

---

[1] Последним казанским царем был Едигей, взятый в плен при завоевании Казани. Шигалей был его предшественником на казанском престоле, на котором он сидел в качестве московского вассала; не будучи в состоянии удержаться у власти, Шигалей бежал из Казани в Москву.

обнаженные трупы складывали в большие кучи. Затем убитым связывали вместе ноги внизу у щиколоток; брали длинное бревно, насаживали на него трупы ногами и бросали в Волгу, по 20, 30, 40 или 50 [трупов] на одном бревне. Так и спускались вниз по реке эти бревна с трупами. Они висели на бревне под водой, и только ноги оттуда, где они были связаны вместе, торчали вверх над бревнами.

Это видел астраханский царь и опасался, как бы и астраханцам не были связаны так же ноги. Он испугался и ушел к крымскому царю, а Астрахань оставил незащищенной. Русские пришли и заняли Астрахань воинскими людьми и артиллерией.

Великий князь вернулся в (38) Москву, оставив в Казани и Астрахани у своих воевод много золотых вещей, серебра и золота и различных шелковых материй.

Хотя эти два царства и были взяты, но оставалось еще много мурз, князей или фюрстов, живших в этих царствах, которые [попрежнему] были [независимы] в своих землях. Этих не легко было покорить, ибо страна раскинулась далеко и широко, как [например] луговые и нагорные черемисы.

В обоих городах — в Казани и в Астрахани — русские воеводы завязывали дружбу с некоторыми татарами, звали их в гости и дарили их золотыми вещами и серебряными чарками, как если бы [эти татары] были высокого рода или чина, и отпускали их обратно в их земли, с тем, чтобы они показывали другим подарки великого князя — [тем], которые не думали даже и подчиняться великому князю, а не то, чтобы служить [ему]. Видя, однако, что их людям даже и много более низкого происхождения, нежели они, выпали такая великая честь и подарки от воеводы и начальных людей, [знатные татары] думали, что они [получат еще больше] (об.). На это-то и расчитывали начальные люди в Казани и Астрахани. Они послали просить к себе всех знатнейших мурз-князей, т. е. фюрстов: пусть те придут и получат милость и подарки великого князя. Знатнейшие мурзы пришли в Казань, были хорошо приняты и думали, что им будет то же, что и их предшественникам, что, получив подарки, они смогут вернуться домой. Но, когда они, выпив слишком много вина и меда, — к чему не так они были привычны, как русские, — достаточно опьянели, пришло несколько сот стрелков и перестреляли этих татарских гостей, которые [у себя] были самыми знатными.

Так великий князь привел в послушание оба царства, пока крымский царь не пришел и не спалил ему Москвы.

Тогда поднялся народ из обоих царств и отправился в страну великого князя, пожег много незащищенных городов и увел (39) с собой великое множество русских полоняников, не считая тех, которые были убиты на смерть. Думают, что это удалось им только потому, что крымский хан спалил великому князю Москву.

На другой год хан опять пришел из Крыма, чтоб захватить Русскую землю. Он дал своим купцам и многим другим грамоту, чтобы ездили они со своими товарами в Казань и Астрахань и торговали там беспошлинно, ибо он царь и государь всея Руси (Keiser und Herr uber ganz Russland).

Но так как татарский царь ошибся [в своих расчетах], то все эти купцы были ограблены [русскими] в Казани и Астрахани. У них было найдено так много товаров и [столь] различных, что русские даже и не знали, что́ это за товары! Да так и не узнали.

Хотя войско его величества короля шведского стояло тогда под Везенбергом, великий князь все же отправился сам [против татар] со своими воинскими людьми. Приехав на границу, он послал в Казань и Астрахань спросить, что же думают они делать и хотят ли они быть у него в послушании, или нет. Если они хотят быть ему послушными, то пусть захватят всех начальных людей, которые начали эту игру (об.). А коли нет—он пойдет на них со всем своим войском и уничтожит их. И пусть они отпустят еще на свободу всех русских.

Тогда пришли [к нему] многие из начальных людей, которые не участвовали в этом замысле и заявили от имени своей земли, что они готовы захватить главарей, и пусть великий князь пошлет за своими русскими пленниками и всех их выведет.

Великий князь послал вывести обратно на Русскую землю всех русских полоняников и приказал перебить татар. Начальных же людей он приказал разорвать на согнутых деревьях, а иных посадить на кол. Это было в назидание всей земле.

Земля великого князя так расположена среди других, что ему нет возможности наступать на турка, так как он не может к нему пройти.

На восток лежит Нагайская земля. На юго-востоке — Черкасская земля, заморская Персия-кизильбаши, Бухара, Шемаха. На юге — Крым; к югу (südwerts) — Литва с городом Киевом. На западе — Польша. На севере — Швеция, Норвегия и описанное выше западное Поморье (40) с Соловецким монастырем. На северо-востоке: самоеды, Мунгазея и Тахчеи.

Нагаи — вольные люди, без царей, королей и государей. Раньше они служили обычно великому князю за повольный грабеж в Литве, Польше, Лифляндии и по границам Швеции. Когда крымский царь жег Москву великого князя, с ним было 30.000 нагайской конницы. Раньше из года в год они пригоняли в Русскую землю великое множество лошадей на продажу — в одном табуне, при чем великий князь получал каждую десятую лошадь в виде таможенной пошлины. А если он хотел получить сверх того, то стоимость тех [лошадей] определялась целовальниками и оплачивалась [казной].

Из Черкасской земли великий князь взял себе в жены дочь князя Михаила (!) Темрюковича[1]. Этот также был с крымским царем, когда тот жег Москву.

Персия-кизильбаши, Бухара, Шемаха — все эти страны постоянно торгуют с Русской землей. Обычный их товар — золотые изделия, разных сортов шелковые ткани, пряности и многое другое (allerlei genug). Великий князь ото всего получает $^1/_{10}$ часть в виде таможенной пошлины.

Против этого [крымского] царя великий князь из года в год должен держать своих воинских людей на Оке (об.). Раньше его войско встречало царя у Великого Дона и Донца, у дикого поля, между Крымом и Казанской землей.

Если бы даже великий князь и смог пройти через Литву около города Киева, все-таки он не мог бы нанести удара турку.

Дума великого князя такова, чтоб в Немецкой земле управляться ему так же, как управлялся он с Казанью и Астраханью, в Лифляндии и в Литве, в городе Полоцке.

Под Полоцк великий князь подошел с большим войском и артиллерией. В лагерь к великому князю вышло из города духовенство с крестами, иконами и хоругвями и город сдали вопреки воле наместника Довойны. Великий князь вызвал из города все рыцарство и воинских людей. Их таким образом

---

[1] Автор путает Темрюка, отца Марии с ее братом Михаилом.

разъединили, а затем убили и бросили в Двину. С евреями, которые там были, случилось то же самое, хотя они и предлагали великому князю много тысяч флоринов выкупа. Евреи держат в Литве все кабаки и таможни.

Бедный люд замерзал и умирал от голода. (41) Мещане (Burger) вместе с женами и детьми были развезены по нескольким городам Русской земли. Наместник Довойна был отвезен в Москву в тюрьму. Но через несколько лет он был дан на размен против одного русского князя[1]. Тогда он вырыл тело своей супруги, похороненное на немецком кладбище [в] Наливках за городом, и увез его с собой в Польскую землю.

Мещане, равно как и многие из дворян, вместе с женами и детьми жили несколько лет по тюрьмам, закованные в железа, залитые свинцом. Когда же великий князь вместе со своими опричниками осаждал (uberzoch) некоторые города [в Лифляндии], все они были убиты вместе с их женами и детьми. И всем еще для устрашения были отсечены ноги, а [тела их] брошены потом в воду.

Великий князь давно склонялся к мнению, что следует поддерживать дружбу с римским императором, пока не перезовет он в свою страну всякого рода мастеров и воинских людей — столько, чтобы с их помощью оказать сопротивление крымскому царю. А еще его дума такова: подбить Римскую империю на войну с Польшей. Он и хотел это учинить (об.) как раз тогда, когда польский король стоял под городом Гданском. В то время [великий князь] забирал остальную Лифляндию. Что тогда учинил он с лифляндцами — кто не знает этого, может узнать при желании.

Когда же Римская империя напала бы на Польшу, великий князь взял бы тогда город Вильну в Литве, чем и приблизил бы [свою] границу к Немецкой земле.

У самоедов нет государей; люди они дикие, питаются рыбой, птицей и мясом оленей. Они же стреляют и ловят в своей стране соболей, приносят их на продажу русским и выменивают на сукно, котлы, сало, масло, панцыри и толокно. Съезд бывает в Пустоозере, лежащем в глухом месте. С их земли великий князь получает ежегодно много соболей в дань. Земля их лежит приблизительно в 700 милях от Москвы. Имя тепереш-

[1] Кн. Василия Ивановича Темкина-Ростовского в 1567 г.

него сборщика дани с [самоедской] земли — Петр Вислоухий. Он не может требовать с этих народов ничего сверх того, что они дадут ему [сами] по доброй воле.

Мунгазея также не имеет государей; люди здесь также ловят соболей и другое.

(42) Тахчеи совсем пусты. В этой стране нет совсем никакого народа. Говорят, что в римские времена ссыльных посылали именно в эту страну.

Его королевское величество Иоганн III шведский послал в Лифляндию под замок Везенберг шотландских, шведских и немецких воинских людей, конных и пеших (zu Pferd und zu Ross!), с пушками, зельем и всем необходимым для того, чтобы добыть и взять его. Когда же перед приступом обстреливали замок, между шотландцами и немцами начались раздоры; они били и побивали друг друга и много их осталось на месте. Это пришлось по вкусу русским в замке и было им очень на руку. Ведь ежели войско великого князя сдаст город, замок или бург, и оставшиеся в живых попадают в Русскую землю, все равно всех их убивают, а с ними и тех, кто был поручником по стрелкам. Если же они перейдут на сторону врага, то, как они хорошо знают, их там не мало не почитают; а так как [в таком случае] они поступают противу присяги (об.), то в Русской земле по всем праздникам поминают их в церквах на вечное проклятие. Вот почему [тогда] русские говорили [о шотландцах и немцах]: „собака собаку и съела“ (Scabacka scabaka isiel). Таким образом войско королевского величества должно было отступить с позором, и предприятие его не осуществилось (und bleib res infacta).

Великий князь пожаловал всех своих в замке Везенберг, в особенности же наместника и немецкого толмача Симона Керкелинга: последний получил от великого князя два лучших немецких коня, 400 (!) рублей денег (Rubel Denninge), 400 четвертей (Scetwerten) поместья. Ему же был дан на выбор лучший двор в Нарве, в Лифляндии.

Наместнику и воеводе великий князь за его верную службу пожаловал пошлины со всего Каргопольского уезда сроком на 3 года.

Эту новость узнали каргопольцы, собрали некоторую сумму денег и купили два лучших двора — один рядом с другим и устроили так, что можно было внутренним переходом (inwenzigk)

из одного двора пройти в другой. Двор, в котором раньше живали наместники (43), подгнил и завалился. [Прежде] по всей стране — по всем городам и посадам — дворяне бывали наместниками и [каждый] в течение двух или трех лет чинил суд и управу. Со времени же ливонской войны великий князь это отставил и поручил суд присяжным (Geschwornen), так как он не хотел отвлекать дворян от войны.

Когда наместник прибыл в Каргополь, он остановился в обоих закупленных дворах: один был для его княгини, другой для него и его слуг. Вот тут и начал наместник, доправлял с каргопольцев, ставил их на правеж (auf die Prob) и приказывал ежедневно бить их батогами за то, что они не доглядели за наместничьим двором.

Каргопольцы тайно посылали в Москву жаловаться. Однако, ничего они не добились. Наместник же, узнав об этом, послал по всему уезду к священникам приказ — не венчать в церквах никого прежде, чем не будет уплачено 20 алтын, что составляет 60 мариен-грошей. Ко всем сотским (Sotnecken), т. е. к начальным людям в сохах, он также послал приказ, что со всех, кто будет варить пиво, должно взимать с (об.) каждой бочки русскую гривну (Markt), что составляет 10 мариен-грошей. Каргопольские [посадские] и все [уездные] „сохи“ сговорились все и послали на Москву бить челом самому великому князю. Но опять-таки ничего не добились. Об этом узнал наместник. Он разослал тогда по всем дорогам заставы и приказал занять все перекрестки и задерживать всех, кто шел с Поморья с солью и семгой к Москве. Не могли ездить купцы и из Москвы в Поморье с другим товаром. Наместник приказывал ото всех товаров отбирать то, что придется ему по вкусу. Он вознамерился даже по всему Поморью ограбить всех торговых людей и крестьян. Но все сохи [тогда] сложились (legten sich alle Shogen) и порешили сопротивляться силой силе.

Итак, за три года немного было сварено пива в Каргопольском уезде, хотя на св. Николая по всей стране дозволено иметь в доме пиво.

По всей стране — по городам и деревням — запрещены (vorgunnet) кабаки. Но добрые друзья в складчину варят пиво и по праздникам (uf heilige Tage) собираются вместе с женами (44); это называется у них братчиной (Pratzina), т.-е. Bruderschaft.

Не было радости и на свадьбах. С Поморья не привозилось

ни семги, ни соли. И из Москвы в Поморье к приезду англичан не провозилось никаких товаров[1].

За три года насильством наместник собрал много денег и добра. А когда бы он дружески обходился с торговыми людьми и крестьянами, он собрал бы и денег, и добра в десять раз больше, ибо Каргопольский уезд велик, и живут в нем большей частью торговые люди и крестьяне. На восток Каргопольский уезд простирается до Вологодского; на юг — до Белозерского; на запад—до Карелии; на север —вниз по всему течению реки Онеги до Белого моря (Westsehe!). Всего на 56 немецких миль пути.

Если кто-нибудь — безразлично кто, но только не еврей — приходит на русскую границу, его тотчас же опрашивают — зачем он пришел. Скажет он, что хочет служить великому князю, его опять распрашивают о различных обстоятельствах. Все его сообщения и речи тайно записываются и запечатываются. А его самого немедленно (об.) отправляют на ямских с дворянином (mit einen Boiaren) к Москве, [куда доставляют его] в 6 или 7 дней. В Москве его снова тайно и подробно распрашивают обо всех обстоятельствах, и если его показания согласуются с тем, что он говорил (geret!) на границе, ему дают тем большую веру и жалуют его. Не смотрят ни на лицо, ни на одежду, ни на знатность, но ко всем его речам относятся с большим вниманием. В тот самый день, когда он приходит на границу, ему выдаются еще деньги на корм до Москвы. В Москве также в день приезда выдают ему кормовую память (Kormawa pammet), т.-е. записку о кормовых деньгах.

В Москве устроен особый двор, где ставят мед вареный и невареный. Здесь все иноземцы (alle frembden Nationen) ежедневно получают свои кормовые деньги согласно с памятью — один больше, другой меньше.

Ему же выдается память в Поместную избу или приказ о том, что великий князь пожаловал ему 100, 200, 300 или 400 четвертей (Setwerten) поместья.[2] И [уже сам иноземец] должен приискивать [себе поместье] и распрашивать там и здесь, где, какой дворянин умер без наследников или убит на войне. В таких слу-

---

[1] Порядок немецкого текста, видимо, перебит и в переводе исправлен.

[2] Русская „четь„ (четверть) = $^1/_2$ десятины.

чаях вдовам давалось немного на прожиток (zum Underhalt). Затем иноземцу отделялось по книгам по его указанию. Озимое он получает в земле а для покупки семян на яровое ему даются деньги. Еще некая сумма денег жалуется ему на обзаведение. Вместе с тем [жалуется ему] платье, сукно и шелковая одежда, несколько золотых, кафтаны, подбитые беличьим мехом или соболями. А когда иноземец снимал жатву, с него вычитывали кормовые деньги.

До пожара Москвы великий князь давал обычно иноземцу двор на Москве; теперь же ему дают [дворовое место в] 40 саженей длины и ширины на Болвановке за городом, если только он из конных немецких воинских людей: пешие в счет не идут. Это место ему огораживается, и иноземец волен здесь строиться, как ему угодно. Если же он попросит у великого князя на постройку дома, ему по его ходатайству выдается еще кое-что. Во дворе он волен держать и кабак: русским это запрещено, у них это считается большим позором.

[Иноземец] имеет еще годовое жалованье (об.)[1] и по всей стране свободен от таможенных пошлин (zollfrei) вместе со своими слугами.

Раньше некоторым иноземцам великий князь нередко выдавал грамоты в том, что они имеют право не являться на суд по искам русских, хотя бы те и обвиняли их, кроме двух сроков в году: дня рождества Христова и Петра и Павла. В грамоте писалось еще имя особого пристава (Pristawe), который [только] и мог вызывать на суд иноземца в эти два праздника [...] werden nicht recht gesezet[2]. А если приходил другой пристав, имени которого не значилось в грамоте, и требовал иноземца на суд, то иноземец был волен на своем дворе пристава этого бить, [одним словом] обойтись с ним по своему желанию. Если пристав жаловался на иноземца, то сам же и бывал бит или [как-нибудь] иначе наказан.

Иноземец [же] имел право (Macht) [хоть] каждый день жаловаться на русских.

Так великий князь узнает все обстоятельства всех окрестных.

На св. Юрья осеннего (vor Weinachten) крестьяне имеют

---

[1] В копии печатаемых записок, полученной из Ганноверского архива, не помечен „л. 45“.

[2] Текст неясен и, видимо, испорчен.

свободный выход. Они живут или за (unter) великим князем, или за митрополитом или [еще] за кем (46) нибудь. Если бы не это, то ни у одного крестьянина не осталось бы ни пфеннига в кармане, ни лошади с коровой в стойле. Теперь некоторые крестьяне страны имеют много денег, но этим отнюдь не хвастаются. Крестьянин хочет ухорониться (will verteidigt sein), чтобы ему не чинили несправедливости.

Все крестьянские деревни разделены на сохи. Часто случается, что в одной и той же сохе два, четыре, пять [или] шесть дворян (Boiaren) имеют свою долю и участок, ибо один крестьянин живет здесь, а другой там, а списаны они все в одну соху. Соха имеет приблизительно 1000 моргенов[1] земли, считая лес, луга и озера (stehende Wasser).

Пример. Из Москвы к наместнику, в уезды, где есть именья иноземцев, приходит почта с грамотами, чтобы наместник объявил по сохам (den Ssogen), что великий князь собирается в поездку; при этом не говорится — „куда“; некоторые из тех, которые с ним едут, этого также не знают, пока не приедут туда, где [великий князь] хотел быть. „Сохи“ (Scogen) не должны работать в такой-то день (об.). Одна „соха“ должна поставить $1^1/_2$ быка, стоит $1^1/_2$ рубля, что составляет 3 рейхсталера; 5 овец, стоят один алтын, один алтын составляет 3 мариенгроша; 2 диких гуся, каждый по 10 мариенгрошей; 4 пары голубей, одна пара стоит один мариенгрош; одна пара уток, стоит 6 мариенгрошей; 20 торговых фунтов масла, один фунт стоит один мариенгрош; 3 кружки (Mas) сметаны, одна кружка стоит $^1/_2$ мариенгроша; 200 яиц, сотня стоит 3 мариенгроша; 4 кружки (Mas) молока, стоит $1^1/_2$ мариенгроша; 30 фунтов сала, один фунт стоит $^1/_2$ мариенгроша; 10 Lisspunt меда, стоит 30 мариенгрошей; 12 сыров, один стоит $^1/_2$ мариенгроша; 12 кур, одна пара стоит 3 мариенгроша; 5 торговых фунтов хмеля, стоят $1^1/_2$ мариенгроша; 20 кружек (Mass) земляники, стоит $1^1/_2$ мариенгроша; 7 кружек (Mass) вишен, чем подкрашивается мед, кружка стоит 5 мариенгрошей; 6 возов сена, стоит 16 мариенгрошей; 7 бочек (Tonnen) овса, одна стоит 10 мариенгрошей. Пусть у иноземца в этих сохах 50 моргенов земли. Высчитай — что и сколько приходится на крестьянина, у которого 10 моргенов земли [и так], чтобы этим не учинилось неправды

[1] Автор имеет в виду польский морген = $^1/_2$ десятины = русской чети.

для других крестьян. Некоторые сохи разделены на части: им легче (die habens besser). Сельские приказчики или фогты русских бояр считают всегда так, чтобы крестьяне иноземца (47) несли всю тяжесть (die Last trugen). Оттого (so) поместье иноземца пустело в день св. Юрья.

В Русской земле счет ведут при помощи сливяных косточек.

Точно также устроена пересылка по ямам или почтовым дворам варка селитры для изготовления пороха и т. п.

Когда пустело поместье иноземца, великий князь до трех раз давал [ему] другое, в котором жили бы крестьяне. Теперь же с великим трудом и то однажды иноземец может получить населенное крестьянами поместье. Причина: в большей своей части страна запустела.

Большая часть иноземцев на Москве теперь немцы, черкасские татары и литовцы. Те, что были русской веры и дружили с великим князем, те убиты; крещенных великий князь использует против некрещенных; некрещенных же против крещенных землевладельцев (Landherren) и их людей.

Иноземец — кем бы он ни был — волен в своей вере; он не может только принуждать своих русских слуг и служанок есть мясо великим постом (quattuor tempora), по средам и по пятницам.

(об.) Чтобы дойти до смертной казни, иноземцу не так-то легко провиниться. Только когда уличат его, будто он хотел бежать за рубеж, — тогда — да поможет ему бог! Его мастерство тогда ему не поможет, не помогут ему ни деньги, ни добро. И редко бывает, чтобы иноземец дерзнул бежать из страны, ибо дорога в страну широка и просторна (ist weit und breit), а из страны — узкая - преузкая (ganz enge). Разве только что прошел он в Москве ее „высшую" [приказную] школу — но ведь это невозможно. Как бы ни был человек искусен или научен, придя в Москву, он [это] узнает!

Доктор Елисей Бомелий пришел к великому князю во время великой чумы из Англии; получил много денег и добра и туго набил свой кошель. Затем, будто бы для отправки своего слуги в Ригу за некоторыми лекарственными травами, которых он не мог найти в казне, он просил у великого князя проезжую (Pas). Проезжую взял он себе и под видом слуги пустился в путь, обратив в золото все свои деньги и добро и зашив его в одежду. Приехав в город Псков на ям, он хотел купить (48) рыбы на

торгу, где его узнали по говору, хотя он и был с остриженной [небритой] бородой. Русские отыскали его гульдены, а самого милейшего доктора повезли обратно в Москву, в железах, залитых свинцом.

Когда на границу приходит торговый человек, его товары осматриваются наместником и дьяком. И если они полагают, что великий князь то-то и то-то купит, то они отправляют к нему на ямских и пишут, что из такой-то страны идет торговый человек и что он имеет при себе такие-то товары и предлагает их по такой-то цене. И если эти товары нужны великому князю, то торгового человека вместе с товарами отводят на ям (uf der Post) и приставляют к нему пристава, как будто бы для охраны его, чтобы не утащили у него его добра. Но [в действительности] охраняют его так для того, чтобы не мог он попасть во все закоулки и осмотреть все, что [ему] нужно в городах и по дорогам.

Если приходит посол, ему навстречу высылают на границу много народу. До того места, где великий князь пожелает дать послу (об.) аудиенцию, посла везут кружным путем и там, где живут крестьяне, чтобы он не узнал прямого пути и того, что страна [великого князя] так опустела. Посол и его слуги охраняются так тщательно, что ни один иноземец не может к нему пройти. Часто два, три посла приходят в одно и то же место — туда, где великий князь захочет их выслушать. Но они охраняются так строго, что один посол ничего не знает о другом. И ни одного посла великий князь не выслушает до того, пока не будет знать, что сказать в ответ [не только этому первому], но и второму, и третьему, и четвертому послу. Так, великий князь умеет узнавать положение всех окрестных государей и их стран. Но его и его страны состояние не может правильно узнать ни один соседний государь.

[...][1] Торопец—город, выстроенный целиком из дерева. Здесь в одном болоте и озере берут свое начало большая русская река Волга и река Двина. От Торопца Волга течет к городу Ржеве Володимирове, далее к городу Торжку[2] (!), и Старице. В этом

[1] Нижеследующие образцы представляют собою органическую часть проекта оккупации Московии и лишь случайно оказались в составе описания Московии. Ср. Mittheilungen aus der livl. Geschichte. Bd. XV, Heft 1 S. 128 — 129.

[2] Правильнее к „Зубцову", но в тексте ясно читается „Torsoch".

уезде дали мне, Генриху Штадену, Андрей Холопов и Рудок и Меньшик поместья и вотчины князя Depelenski.[1] Здесь хозяйничал князь Володимир Андреевич, на дочери которого женат герцог Магнус (49). Потом [Волга течет] на Тверь, далее на Корчеву, затем на Кимры. Здесь [в Старице] великий князь хотел отстроиться, как в Александровой слободе. Потом к Угличу и на Мологу, где бывал большой торг. Дальше лежит Рыбная Слобода, потом Романов. Этот посад отдан татарам. Потом лежит Ярославль, потом город Кострома. В этом уезде есть незащищенный городок с деревянным кремлем, по названию Лобим: его-то и отдал великий князь дерптскому епископу и магистру Вильгельму Фюрстенбергу в кормление (zum Underhalt). Потом лежит Нижний-Новгород, посад Балахна, здесь варят соль; далее лежит Свияжск — деревянный город, за ним Казань и Астрахань. Здесь Волга 72 устьями впадает в Каспийское море.

Двина течет от Торопца на города Полоцк и Витебск[2]. Этот город [Полоцк] теперь взят великим князем. Ниже этого города лежат ливонские дворы и замки, которые великий князь позабирал недавно (neuglich): Крейцбург, Динабург, Какенгаузен. Кирхгольм сравнен с землей. Потом лежит город Рига, 2 милями (об.) ниже Динамюнде. Как только этот замок будет взят великим князем, рижане, запертые с суши, не смогут уже пользоваться и морем. У великого князя есть и еще один путь через города и замки в Лифляндии по реке [Аа]: через Вольмар, Венден, Трейден, Зегевольд, Кремон. Таким образом, по этой реке великий князь сможет попасть под Ригу с крупной артиллерией.

Пути (*Pasasie*) *или дороги на Москву крымского царя Девлет-Гирея.* Сперва по дикому полю, затем подходит к Великому Дону, на Конские воды (?), далее в Рязанскую землю, к Донцу и крепости Туле. Отсюда у него три дороги на Русскую землю. Пойдет он по левую руку, он подходит к Белеву; пойдет посредине — к Калуге [и] Алексину; пойдет он по правую руку — он подойдет к реке Оке, к городу Серпухову, лежащему в одном дне пути от Москвы. Здесь войско великого князя ежегодно встречает крымского царя. До этого места [все] опустошено татарами. Отсюда еще 14 миль до города Москвы.

[1] Место не вполне ясное Ср. л. 73.

[2] Порядок перепутан; следует „на Витебск и Полоцк".

(50). *Пути на Москву из Польши или Литвы*: от Смоленска на Дорогобуж, от Дорогобужа на Великое поле (?); от Вязьмы на Ржеву Володимирову. До этого места до речки Бойна [земля] принадлежала короне польской. От Ржевы на Звенигород. Этот незащищенный город был отдан в кормление (zum Underhalt) казанскому царю Шигалею[1] после завоевания Казани и Астрахани. Потом [остается] еще 8 миль от города Москвы.

Другой [путь]: от Порхова на Торопец, потом на Великие Луки, далее на Старицу и Волок Ламский или на Осипов монастырь, потом на ям Ильинской, лежащий в 10 милях от Москвы.

[Путь из] Швеции: от Нотебурга, Выборга или Карелии отправляются на монастырь Пречистой Тихвинской. Монастырь остается далеко в стороне по правую руку. Потом подходят к большой дороге, которой купцы ездят от [Холмогор к Великому Новгороду. Далее подходят к большому незащищенному посаду — Андома, далее к Каргополю. Герман Флемминг, захваченный русскими, мог бы дать сведения об этом пути][2].

---

[1] Царю Шигалею был дан не Звенигород, а Касимов. В Звенигороде сидел Дербыш Али — бывший астраханский царь.

[2] Текст испорчен. Исправное чтение дано по Mittheilungen aus der livländischen Geschichte. Bd. XV. Heft. 1. S. 129.

IV

Автобиография Генриха Штадена (л. 69 об. — 97).

(69 об.) *В этой последующей части и описании можно узнать, как я, Генрих Штаден, прибыл в Лифляндию, а из Лифляндии в Москву, как я пребывал там у великого князя и как милосердый бог избавил меня из рук и из под власти этих нехристей и опять вернул в Германию.*

(70). Я, Генрих Штаден, сын бюргера, родился в Алене, который лежит в округе Мюнстер, в одной миле от Бекума, в 3 милях от Мюнстера, в одной миле от Гамма и в двух — от Варендорфа. В Алене и других окрестных городах живет много моих родных, из рода Штаденов.

Мой отец был хорошим, благочестивым, честным человеком; звали его — Вальтер Штаден Старый, ибо мой двоюродный брат, теперешний бургомистр в Алене, носит имя Вальтера Штадена Младшего. Мой отец скончался тихо в мире с бодрой уверенной улыбкой и радостным взором, обращенным ко всемогущему богу. Имя моей матери Катерина Оссенбах; она умерла во время чумы.

Родители мои жили около восточных ворот, в первом доме по правую руку, если итти в город; там три дома пристроены один к другому; в них-то и жили мои покойные родители, как и подобает благочестивым супругам-христианам. Теперь в том доме живет моя сестра вместе со своим мужем дворянином Иоганном Галеном.

Мой брат, Штаден Бернгард, служит пастором в Уэнтропе и викарием в Алене.

(0б.) Когда в Алене я настолько выучился, что мог подумать о выборе профессии и намеревался стать пастором, разразилось неожиданное несчастье: меня оклеветали, будто я ранил в школе одного ученика в руку шилом, из за чего родители наши друг на друга подали в суд.

Между тем из Лифляндии прибыл мой двоюродный брат Стефан Говенер, бюргер из Риги. „Братец! — сказал он мне, — поезжай со мной в Лифляндию; тогда тебя никто не тронет!".

Когда мы выходили с ним за ворота, с нами вместе был мой шурин ратман Франц Баурман. Он взял терновую ветку и сказал: „Дай-ка я взбороню дорогу так, чтобы Генрих Штаден не мог ее опять отыскать".

В Любеке я попал в дом моего двоюродного брата Ганса Говенера. Этот отправил меня с тачкой возить землю на городской вал. А по вечерам я должен был приносить полученные мною расчетные марки, с тем, чтобы все они были налицо, когда он потребует вознаграждения.

Шесть недель спустя, вместе с моим двоюродным братом я отплыл на Ригу в Лифляндию. Там я поступил на службу к Филиппу Гландорфу — суровому господину — члену городского совета. И я опять должен был работать на городском валу. Здесь пришлось мне совсем горько.

(71) В виду наступления великого князя с постройкой вала очень спешили. А раздатчик марок заболел и поручил мне раздавать марки. Тут я так снабдил себя марками, что мне не пришлось уже больше работать на валу, и я мог спокойно прогуливаться по валу и осматривать его. Так я изучил, как следует насыпать или сооружать вал. Но мой двоюродный брат Стефан Говенер заметил: „Не хорошо ты это делаешь!". И я сбежал тогда и пришел в замок Вольмар.

Здесь я поступил на службу к амтману Генриху Мюллеру и принялся за изучение сельских ливонских порядков (Hovesgebrauch): меня так часто секли, что я сбежал и пришел в мызу Вольгартен.

Там хозяйка замка спросила меня: „Умеешь ли ты читать и писать?". „Я умею читать и писать по латыни и по немецки", ответил я. Ее приказчик Георг Юнге обманывал ее, а потому она предложила мне: „Я доверю тебе все мои имения; мои фогты научат тебя. Только будь честен, а я тебя не оставлю". „Но мне же только 17—18 лет", возразил я. — Так, я стал приказчиком в мызах Вольгартен, Паткуль, Меллупёнен и

Udren. Но муж хозяйки, самый богатый человек в стране (об.), Иоганн Бокхорст скончался. Взамен него появился Георг Гохрозен: он женился на вдове и увез ее с собой в Гохрозен. Тогда же из Германии пришел родственник Иоганна Бокхорста и получил в наследство все имения последнего.

Я же отправился дальше...

Стал я купцом и пришел к замку Каркус, где начальником был тогда Георг Вельсдорф. В то время Каркус, Гельмет, Эрмес, Трикатен, Руэн и Буртнек принадлежали Иоганну герцогу финляндскому, теперешнему королю Швеции. Но вот под Каркус подошли воинские люди с подложными грамотами на этот замок и выгнали оттуда Георга Вельсдорфа. Тогда-то отобрали и у меня мое добро, и я пошел к Гельмету.

Здесь держал свой двор граф Иоган Арцский. Герцог [финляндский] посадил его управлять этими шестью замками. Но граф заключил союз с великим князем, был за это арестован и в Риге казнен: растерзан раскаленными клещами. Я сам видел, как совершилась эта казнь.

Затем с одной только лошадью я пришел в Вольмар к коменданту (gubernatori) Александру Полубенскому. С польскими воинскими людьми он постоянно производил набеги на дерптский округ и к нам (72) постоянно попадали в плен русские бояре с деньгами и [всяким] добром. Добыча делилась не поровну, а потому я и не хотел доплачивать из того, что получил раньше. Как-то они захватили меня в городе, бросили в тюрьму и грозили повесить.

Вскоре, вдоволь насмотревшись на лифляндские порядки, которыми Лифляндия и была погублена, и видя, как хитро и коварно великий князь забирал эту страну, я собрался и ушел на рубеж.

Здесь опять пришлось мне подумать о виселице. Ибо всякого, кто бежал, изменив великому князю, и кого ловили на границе, того убивали со всей его родней; равно как и тех, кто из Лифляндии хотел бежать тогда к великому князю, также ловили и вешали. А из Лифляндии бегут теперь на Москву „великие роды“ (die grossen Hanss) и [там] поступают на службу к великому князю.

Придя на границу, я заткнул перо для письма за шнур моей шляпы, за пазуху сунул кусок чистой бумаги и чернильницу, чтобы отговориться, таким образом, когда меня схватят.

Когда я перешел границу—реку Эмбах—и пришел в укромное местечко, я написал Иоахиму Шрётеру в Дерпт (об.), чтобы тот запросил великого князя; и если великий князь даст мне содержание, то я готов ему служить, а коли нет, то я иду в Швецию; ответ я должен получить тотчас же.

Наместник выслал за мной одного дворянина (einen Boiaren), Аталыка Квашнина, с восемью всадниками. Он встретил меня приветливо и сказал: „Великий князь даст тебе все, что ты ни попросишь".

Когда я пришел в Дерпт в крепость к наместнику князю (!) Михаилу Морозову, последний жестами выказывал мне свое расположение и сказал: „От имени великого князя мы дадим тебе здесь поместья, если ты пожелаешь служить здесь великому князю. Ты ведь знаешь лифляндские дела и знаешь язык их". Но я возразил: „Нет! я хочу видеть самого великого князя!". Тогда наместник распрашивал меня, где теперь польский король. „В Польше я не бывал", отвечал я на это.

Тем временем ямские лошади и с ними один дворянин (ein Boiar) были уже наготове, и в шесть дней я доехал на ямских от Дерпта до Москвы, что составляет 200 миль пути.

Там я был доставлен в Посольский приказ, и дьяк Андрей Васильевич распрашивал меня о разных делах. И все это тотчас же записывалось для великого князя. Тогда же мне немедленно выдали память (Pammet) или (73) памятную записку: на основании ее каждый день я мог требовать и получать auf der Jammen[1] — $1\frac{1}{2}$ ведра (Spann oder Eimer) меда и 4 деньги (Dennige) кормовых денег. Тогда же мне выдали в подарок шелковый кафтан, сукно на платье, а также золотой.

По возвращении великого князя на Москву, я был ему представлен, когда он шел из церкви в палату. Великий князь улыбнулся и сказал: „хлеба есть" (gleba gest), — этими словами приглашая меня ко столу. Тогда же мне была дана память или памятная записка в Поместный приказ, и я получил село (Hof) Тесмино со всеми приписными к нему деревнями Андрея Холопова, одного из дворцовых людей князя Владимира, на дочери которого был женат герцог Магнус[2].

---

[1] См. прим. к л. 6 об.

[2] Место не вполне ясное. Ср. л. 48 об.

Итак, я делал большую карьеру (Da war ich auf der hohen Schul): великий князь знал меня, а я его.

Тогда я принялся за учение; русский язык я знал уже изрядно.

Из наших при дворе великого князя в опричнине были только четыре немца: два лифляндских дворянина: Иоганн Таубе и Еларт Крузе, я — Генрих Штаден и Каспар Эльферфельд; этот последний был в Германии в Петерсгагене [ланд]дростом и доктором прав. Сердца обоих лифляндских дворян лежали к польскому королевству. (об.) В конце концов они ухитрились со всем своим добром, с женами и детьми добраться до короля Сигизмунда Августа. Иоганну Таубе король пожаловал мызу Karallen в Лифляндии, а Еларту Крузе замок Трейден на реке Аа (Оска!) По своему высокомерию оба они лишились своих дворов, но теперешний король Стефан опять пожаловал их, хотя они и не видали описанного мною Поморья Каргополь-Шексна. [Он пожаловал] Иоганну Таубе несколько тысяч моргенов земли в одной местности неподалеку от Ковно, а Еларту Крузе столько же на прусской границе. А ведь они никогда и не помышляли об изложенном мною проекте!

Каспар Эльферфельд и я — мы обратили наши сердца к Римской империи. Первый еще до меня был при опричном дворе великого князя. Он видел, как, живя в земщине, я наживал большие деньги корчемством, а потому он решил отнять их от меня и устроил следующее. Взял ларь или сундук; снизу в дне прорезал отверстие, положил туда несколько платьев и других вещей, взвалил все это на сани, запряг лошадей и послал с санями на мой двор двух своих слуг. Они остановились у меня и стали пить. Тем временем Каспар Эльферфельд поехал на Судный двор (Richthof) и бил челом судье, будто бы люди его, выкравши у него несколько тысяч (74) талеров, сбежали со двора. А теперь-де он узнал, где они укрылись. Пусть судьи дадут ему, как полагается, целовальников и приказных. В Русской земле все люди имеют к таким делам большую охоту. Когда затем Каспар Эльферфельд пришел на мой двор, как-то странно переодетый, то целовальники и приказные (Befelichshaber) нашли, конечно, и слуг, и сани с лошадьми.

Все были довольны, но Каспар Эльферфельд захотел дать волю своему высокомерию; с досадой он поднялся вверх по лестнице в расчете найти меня в горнице. Ему навстречу по-

пался мой слуга Альбрехт с палицей в рухах. Тот, думая, что Альбрехт хочет его ударить, сказал: „Я — Каспар Эльферфельд!". Тогда мой слуга Альбрехт воздержался — [не стал бить]. Целовальники и приказные забрали и его вместе со слугами, санями и лошадьми Эльферфельда и поволокли его на Судный двор. Перевязанный сундук со всем, что в нем было, был также притащен на суд в присутствии целовальников и слуг Эльферфельда. Тогда Каспар начал свою жалобу: „Государи мои! Эти слуги мои украли у меня 2000 рублей и с ними укрылись во дворе вот этого человека, где я и нашел их в присутствии целовальников. Давай мне назад мои деньги!". Но Альбрехт отвечал: „Нет у меня твоих денег!". „Твой (об.) господин, продолжал Эльферфельд, держит корчму и много там бывает убийств". „Позвольте мне, возразил мой дворецкий [обращаясь к судьям], прямо отсюда, так, как я здесь стою, пройти на его [Эльферфельда] двор. Я хочу доказать, что у него в подклетях (in den understen Stuben) или под полом лежат мертвые тела". Тогда тот струсил, а судьи были очень довольны.

Узнав об этом, я нисколько не испугался, ибо знал, что Альбрехт действительно докажет сказанное. Я быстро собрался, поехал, сам стал на суд и обратился к боярам (zu den Herren): „Вот здесь я сам! Отпустите моего дворецкого". Эльферфельд косо (saur) взглянул на меня, я на него — дружелюбно. Бояре же сказали нам обоим: „Договаривайтесь друг с другом". „Я готов", отвечал я. Итак, мой дворецкий был освобожден, оправдан и отпущен, а я поехал вместе с Эльферфельдом на его двор.

Я рассуждал тогда так: я хорошо знал, что пока я в земщине, я проиграю [всякое] дело, ибо все те, кто был в опричных при великом князе, дали присягу не говорить ни слова с земскими. Часто бывало, что ежели найдут двух таких в разговоре — убивали обоих, какое бы положение они ни занимали. Да это и понятно, ибо они клялись своему государю богом (75) и святым крестом. И таких наказывал бог, а не государь.

[Обратившись к Эльферфельду], я сказал: „Любезный земляк! Я прошу вас дружески, возьмите у меня сколько вам угодно и оставайтесь моим приятелем и земляком". „А сколько же вы готовы дать?" спросил тот. „Двести рублей", ответил я. Этим он удовлетворился. „Однако, продолжал я, у меня нет сейчас таких денег". „Так напишите расписку (Handschrift) — я готов

поверить вам на год". Я написал ему расписку и приветливо передал ее.

Затем мы оба поехали на Судный двор. Здесь мы поблагодарили бояр, и Эльферфельд сказал им, что он удовлетворен. Я заплатил сколько нужно судебных издержек, после чего разъехались — он на свой двор, а я на свой. Он радовался. Да и я не печалился: он мечтал о том, как получит деньги, а я о том, как бы мне его задушить.

Когда в Москву прибыл герцог Магнус, при нем был Иоганн Таубе. Оба они были врагами. Причина: Иоганн Таубе обещал великому князю взять Лифляндию мирным путем (mit Gute), а герцог утверждал, что это невозможно и что надо захватить ее силой. Тогда Иоганн Таубе и Еларт Крузе (об.) были в великой милости у великого князя, а герцог в опале.

Герцог Магнус, суля мне большую благодарность (mit hohem Erbieten), дружески просил меня устроить ему встречу с Иоганном Таубе в укромном месте. Я уговорил Иоганна Таубе притти ко мне на мой двор в опричнине. Здесь встретились они оба в моих новых хоромах и с тех пор стали опять друзьями.

Тогда-то [Эльферфельд] возвратил мне мою расписку: около меня было много сильных людей, и он видел, как на его глазах я выполняю ответственные поручения великого князя. Я сказал ему громким голосом: „Каспар Эльферфельд! Я порешил так-то и так-то убить тебя на площади у твоего двора близ Судного двора, когда темным вечером ты возвращаешься с опричного двора (vom Hove Aprisnai) за то, что ты так не по-христиански со мной обошелся". Этого тучного и богатого господина, обучавшегося юриспруденции, я ударил этими словами прямо по сердцу, [да] так здорово, что он оробел смертельно и, не говоря ни слова, поднялся и с большим срамом пошел в тюрьму.

Потом я пришел к нему в тюрьму. Он предложил мне все свое имущество на полное (76) мое усмотрение; уполномочил меня, а также моего любезного, ныне уже в бозе почившего, Адриана Кальпа вытребовать вместо него [Эльферфельда] все его лари из английского подворья в Холмогорах, которые он, боясь пожара, отправил туда и спрятал там в каменном подвале. Когда я туда пришел, те не отказали мне в выдаче и привезли все на двор Адриана. Но я опасался его [Эльферфельда] докторских штук. Все лари и ящики были снабжены документами

(Narheit = Warheit?), и, чтобы убедиться в их содержимом, мы с Адрианом Кальпом все их вскрыли и делали все это по закону в его личном присутствии и с его помощью. „Любезный земляк! сказал тогда [Эльферфельд], возьмите все это, продайте, а мне на пропитание в тюрьме дайте, сколько вам будет угодно". В этом я ему отказал.

Во время чумы, когда великий князь убедился, что герцог Магнус, [как] и Иоганн Таубе, не хочет совсем пустить в ход силу (Frevel), он послал на ямских одного дворянина в Москву, чтобы переправить Каспара Эльферфельда в места, не тронутые чумой. Между тем бог послал на него чуму: он умер и был зарыт во дворе. Тогда я просил одного из начальных бояр в опричнине, чтобы он разрешил мне вырыть тело и (об.) похоронить его в склепе, который покойный заранее приказал выложить из кирпичей вне города и окрестных слобод в Наливках, где хоронились все христиане, как немцы, так и другие иноземцы. „Когда пройдет чума", ответил мне Петр Zeuze, „тогда это можно сделать".

Великий князь приказал выдать мне грамоту, что русские могут вчинять иск мне и всем моим людям и крестьянам только в день рождества Христова и св. Петра и Павла. Но всякий остерегся бы [сделать это]. Ведь жил я все больше на Москве (Ich habe mein meistes Brot in der Moscau geessen).

Каждый день я бывал во дворе у великого князя. Однако, я не согласился на предложение, сделанное мне через дьяка Осипа Ильина, все время безотлучно состоять при великом князе. Я был тогда юн и не знал достаточно Германии. Если кто-либо из больших господ спросил о чем-нибудь моего слугу и получил неправильный ответ, то — легко себе представить, как разгневался бы господин и как осрамился бы слуга! Кто был близок к великому князю, тот [легко] ожигался, а кто оставался вдали, тот замерзал. Благодаря этому я и писать не мог больше [1].

Когда великий князь взял в опричнину Старицу, то он уравнял меня со служилыми людьми (mit den Knesen und Boiaren) (77) четвертой степени (in das vierte Glit und Grat) и к прежнему селу дали мне Меньшик и Рудак, все вотчины и поместья князей Deplenski [2]: села Красное и Новое были даны мне в вотчину, а

[1] Текст не вполне ясен.

[2] См. примечание к л. 48 об. и 73.

[с ними] шесть деревень — в поместье. Вместе с тем я получал по уговору, по окладу поместий, и мое годовое жалованье. На Москве великий князь пожаловал мне двор; в нем жил прежде один [католический] священник, который был приведен пленником из Полоцка во Владимир. Этот двор был выключен из городовых книг (Stadtbuchern) и был обелен (weiss geferbet), ибо был освобожден от государевой службы.

Рядом с этим двором был другой двор; в нем жил некий немец, по имени Иоганн Зёге, бывший слуга покойного магистра Вильгельма Фюрстенберга. Ему я одолжил мое годовое жалованье, чтобы на него он купил себе двор рядом с моим. У него была жена, уроженка города Дерпта, она была выведена на Москву. Так как я не был женат, то она занялась торговлей вином. Несколько раз в мое отсутствие, в особенности когда я разъезжал (auf den Zogen war) с великим князем, случалось так, что иноземцам запрещалось корчемство. И когда приказчики (Prikassiki) или чиновники с Земского двора (Semskodvora) (об.) приходили к этой женщине во двор, опечатывали погреб и забирали тех, кто в нем бражничал, тогда она говорила всегда, что [приказные] должны пойти и на мой двор и спрашивала — почему же они этого не делают и не идут на двор к ее соседу. Однако, приказные твердо знали, что такое „опричнина". Это узнали также муж и жена [мои соседи].

Они продали мне свой двор, а себе вновь купили двор в городе, где можно было [жить спокойно] за закрытыми воротами. Я же соединил оба двора в один, и днем, и ночью приезжали ко мне изо всех окрестных слобод.

Во время чумы этот мой сосед умер, а жена его собралась выехать из Москвы вместе с женой мастера-цирульника Лоренцо — в крытой повозке. Это был дурацкий поступок, ибо все окрестные слободы были подожжены со всех сторон по приказанию татарского царя. Как только повозка въехала в ворота, огонь охватил ее со всех сторон, и повозка сгорела вместе с лошадьми, вместе со всеми драгоценностями, золотом и серебром и другими ценностями. После пожара от нее нашли только железные ее части.

Ворота были заложены камнями против этого двора в Лубянском переулке (in der Strassen in der Strassen (!) Glibena Tortclik?)[1]; на большой Сретенской улице (an der grossen Stras-

[1] Место не вполне ясное.

sen Stredens Kenliza) был еще один двор прямо против этого моего двора; (78) он был также обелен (weiss angestrichen). В нем жил [раньше] один полоцкий поляк, который был переведен в другое место. Этот двор я получил от одного господина, Семена Курцова, который был сокольничьим (Gegermeister) великого князя. В мое время великий князь не обижал ни того, ни другого. Двор этот я дал немцу Гансу Купфершмидт. По его словам, он знал немного оружейное дело[1]. И так как он видел, что корчемство приносило мне большой доход, то он решил, что мое ремесло выгоднее, чем его. И когда кто-нибудь хотел проехать на мой двор с ведрами, кружками и т. д. с тем, чтобы купить меда, пива или вина, то Купфершмидт, сидя у окна на своем дворе, перезывал к себе всякого. Он их обслуживал лучше, нежели я, и это причиняло мне большой убыток. Тогда я разобрал мой двор и перенес его на другое дворовое место, у речки Неглинной, где у меня было два пустых смежных двора, еще неогороженных. Здесь я опять начал шинковать (schenken) пивом, медом и вином. Простолюдины из опричнины (die Gemeine in Aprisna) жаловались на меня на Земском дворе (Richthause), что я устроил у себя корчму. На Земском дворе (Semskodvora) начальником (oberster Boiar) и судьей был тогда Григорий Грязной. (об.) Ему я полюбился точно сын родной, как он говаривал. Вот что делали деньги, перстни, жемчуга и т. п.! Он ездил осматривать решетки и заставы и сказал всему миру (zu der ganzen Gemeine): „Двор этот принадлежит немцу. Он — иноземец и нет у него друзей — покровителей. Коли не будет у него корчмы, как же огородит он двор? А ведь забор должен итти до самой решетки". Так все и осталось по прежнему. В земщине был у меня еще один двор, который раньше принадлежал лифляндскому дворянину Фромгольду Гану. Сначала он пленником был уведен в Лифляндию; затем — там в Лифляндии освобожден и крещен по русскому обряду (auf reusch) с именем Ильи, но затем разрешен в замке Гельмет в Лифляндии же. Позднее вместе со мной он выехал в Москву.

Когда великий князь приказал дать нам поместья, и казначей

---

[1] Автор употребляет не вполне ясный термин Wasserkunst; может быть, это испорченное при переписке — Waffenkunst? Но возможны и другие толкования. Гансу Шлитте поручалось вывозить из-за рубежа Leuthe so im Wasser suchen, т. е. рудознатцев — золотоискателей.

(Schatzher) Иван Висковатый допрашивал его — братья мы или нет, он отвечал: „да". И было приказано дать мне земли больше, чем ему на 50 моргенов, потому что я был старше его. Но тут он возразил, что он — сын дворянина, а я сын бургомистра. Тогда его уравняли [поместным окладом] со мной. Но тогда же и нашей дружбе пришел конец.

Я продолжал действовать так. На имя великого князя написал челобитье. (79) В нем я просил у великого князя двор, будто я сам намеревался в нем устроиться. В тот же день мне были отведены два пустых двора; из них я выбрал двор упомянутого [выше католического] священника и понемногу начал шинковать.

Так как я постоянно бывал у первого боярина (bei dem obersten Herren) Ивана Петровича Челяднина и для него помогал одному поляку переводить на русский язык немецкий Травник (Herbarium) — к этому у него была большая охота и любовь, — то этот боярин пошел со мной в Поместный приказ и приказал дьяку Василию Степановичу дать мне то поместье, о котором я бил челом. В приказе он оставался до тех пор, пока не была подписана грамота.

Был некий дворянин, прибывший из Гаррии или Вирландии, по имени Эверт Бремен, der konte sonst nicht gefordert werden, denn er hatte nur auf seinen Adel gefreiet ein Weip aus der Stat Bolozka vorfuret[1]. Его-то я и послал в мое поместье управлять моими крестьянами согласно наказа, который я ему дал на немецком и русском языках. Он, однако, не обращал внимания на мои писания и управлял крестьянами по лифляндскому обычаю. Оттого [то] и запустело мое поместье. Тогда я попросил названного выше боярина (Boiaren), Семена Курцова, ведавшего [охотничьих] птиц, соколов и (об.) орлов, и говорил ему: „Поедем вместе со мной и с этим парнем в Разрядный приказ (Krigscanzelei)". Все, что он говорил, тотчас же секретно записывалось. Когда он впервые пришел, то он попал не в тот приказ, куда следует. Он должен бы пойти в Посольский приказ (Gesantencanzelei) — и это было бы правильно, ибо там ведаются и вершатся все немецкие и татарские дела. А в Разрядном приказе ведаются все воинские и польские дела.

Семен Курцов тотчас же приказал написать память или па-

[1] Место неясное и, видимо, испорченное.

мятную записку; как обычно, она была написана так: сначала на их языке „Лета (leta), т.-е. anno, и так как по русскому обычаю счет ведется от сотворения мира, то они пишут letha 7000 и несколько сотен. Потом идет изложение дела. „Никита Фуников, уравняй этого ново-выезжего немца с теми, кто ему в версту". Потом стоит число месяца „того же лета", потом день. Возле, совсем рядом с числом, дьяк пишет свое имя. Эта память остается на Казенном дворе (Schazhove). Все памяти подклеиваются одна к другой и наматываются в столпики (rollenweise). (80) На Казенном дворе была написана другая память — „Путило Михаилович и ты, Василий Степанович. По указу великого князя дайте этому ново-выезжему немцу поместья 150 четвертей (Setwerten) в московских городах или уездах (Bereitungen?), что бы не было пусто". Эта память остается в Поместном приказе.

Когда отравили великую княгиню [Анастасию Романовну], великий князь послал в Лифляндию, в Дерпт, за некоей вдовой Катериной Шиллинг. Ее везли на Москву в золоченой карете; великий князь надеялся, что она поможет великой княгине. Он щедро одарил платьем эту женщину и сказал ей: „Если ты поможешь моей царице, мы пожалуем тебя на всю твою жизнь половиной доходов с Юрьевского уезда (des Stifts Dorpte) в Лифляндии". И великая княгиня просила: „Ты же можешь помочь мне. Помоги же!". Великая княгиня умерла, и женщина эта была обратно отвезена в Лифляндию. Затем, когда великий князь приказал вывести лифляндцев изо всех занятых [им] городов, то на Москву вывезли только одну эту женщину вместе с ее дочерью, сестрой Werenbergsse и братом ее Иоганном Дрейером[1]. Великий князь приказал дать ей (об.) двор на Москве. Когда же великий князь отправил Иоганна Таубе в Лифляндию, чтобы привлечь на свою сторону герцога Магнуса, Иоганн Таубе упросил великого князя позволить ему вывезти вместе с собой в Лифляндию эту женщину с ее дочерью, сестрой и братом. Уезжая, она подарила мне свой двор со всем своим хозяйством, так как я был дружком ее дочери. Теперь она с дочерью живет в Риге в Лифляндии.

На этом дворе я посадил своего слугу Альбрехта, который

---

[1] Другие ливонские пленники были разведены по городам: Владимиру, Угличу, Кашину и Костроме. Ср. л. 11 об.

шинковал ис-полу. Я выдал ему купчую, как будто бы я продал ему этот двор. Когда я жил в опричнине, этот рассудил так: „У меня [на руках] купчая; с ней я могу принудить моего господина и оттягать от него [двор]". У меня же был верный друг Адриан Кальп, лифляндский дворянин. У нас с ним был уговор: в случае смерти [кого-либо из нас] один должен наследовать другому. Альбрехт противу моей воли и без моего ведома поехал во двор, схватил его [Адриана Кальпа] за горло и отнял от него завещание (Brif); самого его выкинул за ворота и вопреки моей воле остался жить во дворе [Адриана Кальпа]. Адриан Кальп думал о побеге: он хотел уехать со своими деньгами. Но по дороге скончался от чумы; там при дороге его (81) и схоронили. А его малый увез его деньги в Лифляндию и доставил их Иоганну Таубе. Из-за чумы дороги были заняты заставами, а потому я и не мог вернуть этих денег.

А Фромгольд Ган, который вышел со мною из Лифляндии в Москву и был со мною дружен, начал действовать по такому плану. Он написал челобитье, передал его на Казенный двор (in dem Schaz) Григорию Локурову; в этом челобитье он просил разрешения креститься по русскому обряду. Для московских господ великая радость, когда иноземец крестится и принимает русскую веру: обычно они старательно ему [в этом] помогают, считая, что они правовернейшие христиане (die heiligsten Christen) на земле. Обыкновенно они же бывают и крестными отцами и из казны выдают новокрещенным крестильный подарок (Patenpfennig) и золотые, а также всячески помогают ему [в дальнейшем].

Когда Фромгольд Ган пребывал, как полагается, шесть недель в монастыре, где его поучали и наставляли в русской вере, он прислал ко мне из монастыря с просьбой доставить ему лютеранскую Библию. В этом я, конечно, не мог ему (об.) отказать. Но когда он вышел из монастыря и крестился, он получил крайне незначительный крестильный подарок, потому что не догадался попросить в крестные отцы настоящих бояр.

А позже он был отчаянно побит в своем собственном имении своими [же] соседями — служилыми людьми [Boiaren], с которыми он затеял неразумное дело.

Он жил постоянно на своем дворе в имении; а когда запустошил поместье, то расчитывал получить другое. Но это ему не удалось, ибо, кто хочет иметь поместье, тот должен иметь

деньги. Надо смазать сковороду маслом, коли хочешь испечь себе пирог, не то пирог прилипнет и подгорит. Если уже нет денег, можно использовать и другие средства, но для того надо иметь не плохую смекалку!

Фромгольд Ган, крестившись по русскому обряду, не мог уже бывать в нашем обществе. Так как нигде ему не было места — он, раздосадованный, просил великого князя, чтобы тот взял его в опричнину, при чем сослался на меня, будто бы он мой товарищ. Великий князь послал ко мне узнать — так ли это. Я подтвердил, будто это правда. И великий князь снова дал ему поместье в уезде Ржевы Володимировой. Так, Фромгольд Ган попал в опричнину.

Тогда, как уже было описано, великий (82) князь отправился грабить свой собственный народ, свою землю и города. И я был при великом князе с одной лошадью и двумя слугами. Все города и дороги были заняты заставами, а потому я не мог пройти со своими слугами и лошадьми. Когда же я вернулся в свое поместье с 49 лошадьми, из них 22 были запряжены в сани, нагруженные всяким добром, — я послал все это на мой московский двор.

Фромгольд Ган, узнав об этом, собрал своих людей и крестьян и, пользуясь моим отсутствием, пришел на мой двор и силой забрал все, что там было, и все яровое, и весь хлеб. Известие о том я получил еще на Москве. Тотчас же совсем налегке с одним только слугой я пустился в путь и пришел к нему на двор так неожиданно, что он не успел надеть кольчугу. И прежде, чем он стал к ответу, я уже порешил дело: взял у него некую сумму денег на некоторое время. Так я вернул свое, а он должен был брать в долг хлеб на моем дворе, когда во время голода нуждался в нем.

Село, ранее ему [т.-е. Фромгольду?] принадлежавшее, я променял Иоганну Таубе на деревню (об.) Спицино, расположенную в 1 миле от Москвы. Эта деревня была приписана к подклетному селу великого князя Воробьеву и была продана [Иоганну Таубе] с согласия шурина великого князя Никиты Романовича. Это место служило „для прохлады“ (zur Lust). Здесь я держал лошадей, чтобы иметь их под рукой, когда будет нужно.

Я сам жил в моем дворе — в опричнине. В земщине же я удержал первый двор. Там была у меня служанка: татарами она была уведена в плен из Лифляндии. Ей я доверил все свое

имущество. Но мне часто доносили, что она меня обворовывает. Тогда вместо нее я препоручил свой двор татарину, по имени Рудак. В мое отсутствие он управлялся так, что безо всякой пользы перевел все мое имущество. Я приказал его наказать: его выволокли обнаженным и побили плетьми. А я снова все поручил моей служанке. Узнав об этом, Рудак изготовил для себя другой ключ по образцу моего. У меня был еще один человек, лифляндец Яков; он должен был сторожить арестованного татарина. Однако, татарин сумел его (83) уговорить выпустить его ночью. Татарин взял ключ, выкрал у меня золото, жемчуг, драгоценные камни и другие ценности и вместе с лифляндцем убежал прочь. Когда через некоторое время я хотел сделать подарок моей возлюбленной, все было — пустым пусто (befinde ich das Nest leer)!

Немного спустя я узнал, что мои люди сидят в Переяславле в тюрьме; они расчитывали укрыться с деньгами в какой-нибудь монастырь! Я бил челом великому князю и просил суда. Когда с грамотой на руках я явился к [городовому] приказчику (Amtmann), то их обоих вместе с торговыми людьми и золотых дел мастерами, которые у них покупали вещи, отвезли в Москву. Их так строго охраняли, что я не мог видет их для переговоров. На Москве я выступил на суде. Себя я не забывал и сумму округлил изрядно, ибо вещи были на суде, опечатанные, но жемчуг и камни, что были в золотой оправе, исчезли, золото и серебро весьма усохли, печати же [на вещах] были целы; а посему золотых дел мастерам никто не мог помочь! [Да и] князья и бояре не могли принять от них никакого дара: если те предлагали (об.) сотню, то я давал тысячу. Так-то научили мастеров покупать [краденые] драгоценности и жемчуг! [А лифляндец Яков и татарин Рудак] оба были брошены в тюрьму.

Но татарин написал челобитье с изветом, будто я хотел бежать за рубеж от великого князя. Он говорил: „да“, а я: „нет“, но нас не ставили с очей на очи. Ему предложили доказать [свои слова], и он решил сослаться на мою служанку Анну и ее мужа Ивана, которые будто бы знали об этом. Их тотчас схватили в земщине и поставили на суд. Бояре и дьяки в опричнине [уже] надсмехались надо мной и один из них сказал другому: „Не хочешь ли съесть мясца?“ Дело было в пятницу, и они думали, что мне будет зарез. Но, когда моя служанка была поставлена на суд, она говорила по правде, по чести. Начальник боярин и

князь Василий Темкин спросил ее: „Собирался ли твой господин бежать от великого князя?“. Та, как и следует, сотворила крестное знамение и ответила: „Ей богу, нет!“. Так были посрамлены все дьяки и бояре, которые только и думали о моих деньгах. Благодаря моей служанке я выиграл дело. Татарин хотел получить мое поместье (84), но из-за ответа служанки он проиграл дело, а я был оправдан. А если бы служанка сказала, что она ничего не знает, то прибегли бы к пыткам, и тогда — я проиграл бы.

Татарин был брошен в тюрьму, а я поехал к себе во двор и, взяв с собой мужа служанки, поставил его перед высокими господами. Он был также допрошен и также отвечал: „нет“. Был уже вечер. Бояре велели привести из тюрьмы татарина и сказали ему, чтоб он говорил всю правду. Когда татарин увидел, что деньги сделали свое дело (das der Beutel vorhanden war), он признался в том, что это — неправда и что он оговорил меня, так как я приказал жестоко наказать его плетьми. Между тем во дворе были наготове все приказные, [кто] на лошадях, [кто] пешие — с фонарями. Если бы татарин остался при своем, то меня тотчас же ночью схватили бы на моем дворе и увели бы [в тюрьму]. По утру я опять пришел на опричный двор [и стал] перед высокими господами (vor diese grossen Hansen). Дьяк сказал: „Вот твой слуга!“ И в моей власти было взять его и убить. Я же ответил дьяку (об.) Осипу Ильину: „В таком слуге я не нуждаюсь“. Но, так как люди [мои] просили меня, чтобы я помиловал его, я так и сделал и опять взял его к себе. Иначе он должен бы сидеть в тюрьме и есть блины, а бояре не смели бы его отпустить без моего повеления.

Когда он опять попал ко мне во двор и понял, что я не хочу доверять ему ничего, он снова задумал донос и как-то проговорился, что он собирался жаловаться великому князю будто бояре получили от меня деньги и за то отпустили меня. При мне постоянно были два сына боярских — Невежа и Тешата: они-то и открыли мне это. Я быстро все сообразил и приказал вытолкать [татарина] за ворота. Немного спустя он был пойман на воровстве и на смерть забит кистенем, а затем брошен в реку. Его сотоварищ бежал из тюрьмы.

Мне донесли опять, что служанка таскает многое из моего добра. У меня был слуга, лифляндец Андрей; он пришел в Москву (85) с одним поляком. Его-то я и поставил на ее

[служанки] место. Но заметив, что и он ведет себя не так, как следует, я опять поставил служанку вместо него. Тогда Андрей устроил такую штуку. Он раздобыл мою печать и написал грамотку моему приказчику Надею: „Надей! ты должен отпустить с этим самым Андреем шесть лучших лошадей. Я должен спешно выехать в одно место". Приказчик плохо рассмотрел грамотку, ибо мною она не была подписана, и отпустил Андрею шесть лошадей вместе с конюхом. Андрей взял их и привел к поляку в его поместье. А поляк, получив лошадей, велел Андрея прогнать. Узнав об этом, я спросил через посредство Иоганна Таубе у поляка, что он думает делать дальше. Видя, что я и Иоганн Таубе действуем заодно, тот возвратил мне столько своих лошадей, что я получил полное удовлетворение.

Этот мой слуга Андрей умер от чумы на пустом дворе и тело его было съедено собаками.

Когда великий князь со своими опричными грабил свою собственную землю, города и деревни, душил и побивал на смерть всех пленных и врагов — вот как это происходило. Было приставлено множество возчиков (об.) с лошадьми и санями — свозить в один монастырь, расположенный за городом, все добро, все сундуки и лари из Великого Новгорода. Здесь все сваливалось в кучу и охранялось, чтоб никто ничего не мог унести. Все это должно было быть разделено по справедливости, но этого не было. И когда я это увидел, я решил больше за великим князем не ездить.

Когда великий князь отправился во Псков, ко мне прибежали несколько купцов, которые пришли из Холмогор. У них было много сороков соболей[1] и они опасались, как бы их не отобрали. А потому хотели расторговаться, ибо дороги были крепко заняты заставами. Они говорили: „Государь (Her)! Купите у нас наших соболей и дайте за них сколько вам будет угодно". „Но, отвечал я, у меня нет с собою денег!". „Так дайте нам расписку: мы получим деньги от вас на вашем дворе в Москве". Я мог бы получить этих соболей и без денег, но не сделал этого. Причина: я имел дела и дружбу с Петром Вислоухим [сборщиком] на Пустоозере, который собирает годовую дань соболями с самоедов (86). Я им отказал.

[1] Обычный счет соболям велся сороками.

Тут начал я брать к себе всякого рода слуг, особенно же тех, которые были наги и босы (nackt und bloss); одел их. Им это пришлось по вкусу. А дальше я начал свои собственные походы и повел своих людей назад внутрь страны по другой дороге. За это мои люди оставались верны мне. Всякий раз, когда они забирали кого-нибудь в полон, то распрашивали честью, где — по монастырям, церквам или подворьям — можно было бы забрать денег и добра, и особенно добрых коней. Если же взятый в плен не хотел добром отвечать, то они пытали его пока он не признавался. Так добывали они мне деньги и добро.

Как-то однажды мы подошли в одном месте к церкви. Люди мои устремились вовнутрь и начали грабить, забирали иконы и тому подобные глупости. А было это неподалеку от двора одного из земских князей, и земских собралось там около 300 человек вооруженных. Эти триста человек гнались за [какими-то] шестью всадниками. В то время только я один был в седле и, не зная [еще]—были ли те шесть человек земские или опричные, стал скликать моих людей из церкви к лошадям. Но тут выяснилось подлинное положение дела: те шестеро (об.) были опричники, которых гнали земские. Они просили меня о помощи, и я пустился на земских.

Когда те увидели, что из церкви двинулось так много народа, они повернули обратно ко двору. Одного из них я тотчас уложил одним выстрелом наповал; [потом] прорвался чрез их толпу и проскочил в ворота. Из окон женской половины на нас посыпались каменья. Кликнув с собой моего слугу Тешату, я быстро взбежал вверх по лестнице с топором в руке.

Наверху меня встретила княгиня, хотевшая броситься мне в ноги. Но, испугавшись моего грозного вида, она бросилась назад в палаты. Я же всадил ей топор в спину, и она упала на порог. А я перешагнул через труп и познакомился с их девичьей.

Когда я поспешил опять во двор, те шестеро опричников упали мне в ноги и воскликнули; „Мы благодарим тебя, господин (Herre). Ты только что избавил нас от смерти. Мы скажем об этом нашему господину и пусть он донесет великому князю, как рыцарски (ritterlich) держался ты против земских. Собственными глазами видели мы твое бережение (Vorsichtigkeit) и храбрость“. (87) Я же, обратившись к моим слугам, сказал им: „Забирайте, что можно, но поспешайте!“.

Затем мы проехали всю ночь и подошли к большому незащищенному посаду. Здесь я не обижал никого. Я отдыхал.

Пробыв на покое два дня, я получил известие, что в одном месте земские побили отряд в 500 стрелков — опричников.

Тогда я возвратился к себе в село Новое, а [все] добро отослал в Москву.

Когда я выехал с великим князем, у меня была одна лошадь, вернулся же я с 49-ью, из них 22 были запряжены в сани, полные всякого добра.

Когда великий князь пришел в Старицу, был сделан смотр, чтобы великому князю знать, кто остается при нем и крепко его держится. Тогда-то великий князь и сказал мне: „Отныне ты будешь называться — Андрей Володимирович". Частица „вич" означает благородный титул (ist furstlich und adelich). С этих пор я был уравнен с князьями и боярами. Иначе говоря, этими словами великий князь дал мне понять, что это — рыцарство. В этой стране всякий иноземец занимает лучшее место, если он в течение известного времени умеет держать себя согласно с местными обычаями.

Великий князь поехал в (об.) Александрову слободу и распорядился там постройкой церкви. Я же не поехал с ним, а вернулся в Москву.

Потом все князья и бояре, которые сидели в опричных дворах (die in den Höfen Aprisnay sassen), были прогнаны; каждый, помня свою измену, заботился только о себе (ein jeder weiss hir sein eigen Herz).

Когда великий князь приводил это в исполнение, в стране еще свирепствовала (regirte) чума. Когда я пришел на Опричный двор, все дела стояли без движения (das Regiment war beigelegt). Начальные бояре косо (saur) посмотрели на меня и спросили: „Зачем ты сюда пришел? Уж не мрут ли и на твоем дворе?". „Нет, слава богу!" ответил я. Тогда уж они больше не спрашивали меня, что́ я здесь делаю.

Здесь я убедился, что боярские холопы получили разрешение [уходить от своих господ] во время голода. Тогда к своим [прежним холопам] я прибавил еще нескольких. Памятуя слова великого князя: „ты должен именоваться [отныне] Андрей Володимирович", — я устраивал свою жизнь соответственно с этим.

У меня были дела с одним бюргером в Ашерслебене округа Гальберштадт — Гартманом Крукманом. Если бы он не обошелся

со мною нечестно, то я смог бы приблизиться к соболиной казне (Zobelschaz) и получил бы оттого такой барыш, что, вернувшись в христанскую землю (in die Christenheit), я мог бы вести дворянскую жизнь. (88) Но тогда я рассуждал так: так как он [Крукман] остается за рубежом, то ты должен вернуться, подняться выше ты не можешь! Но из-за денег я должен был еще поучиться русскому праву.

Именно: приходит муж моей служанки Анны; ему и ей я доверял все мое имущество, от чего он получал наверное хорошие барыши. В расчете на то, что он сохранит то, что украл у меня, он подал челобитье, будто я хотел его заставить дать на себя кабалу (Hantschrift), как это было тогда в обычае. Ибо никто не смел держать слуги [без кабалы]; никто этого и не делал. И каждый слуга должен был дать своему господину кабалу, иначе он не мог быть принятым. Одна [кабала] называлась полной (leipeigen), другая же писалась так: „Я, имя рек, объявляю, что я получил от такого-то деньги; росту будет дано с пяти — один". Если кто-нибудь держит слугу или служанку без кабалы, то они могут свободно обокрасть его и уйти прочь (spazieren gehen) у него на глазах. Если же слуга или служанка дадут на себя кому-либо кабалу, то никто другой не может их принять. [А если примет и] господин уличит его в этом, то дело идет на суд. Если мой кабальный убежит (об.) и пожелает записаться в опричнину в стрельцы, то являюсь я и не даю на то своего согласия.

Не было запрещено записывать в [опричные] стрельцы слуг опричных князей и бояр.

Слуга начал с того[1], что взял во дворе у одного стрельца в залог за пропитые, но не выплаченные им деньги, кафтан. А стрелец этот убежал. Тогда схватили моего слугу и связанного приволокли на суд. Слугу спросили — чей он? Тот отвечал: „Андрея Володимировича". Немедленно вызвали на суд и меня. И стрелецкий голова [обратившись к боярам] сказал: „На этом дворе убит стрелец. Великий князь не хочет терять своего: у стрельца было золота и денег на 60 рублей. Прикажите ему возвратить эти деньги". — Решение было быстро произнесено, тем более, что на суде был предъявлен и кафтан! Я должен был заплатить. Остальные стрельцы радовались этому и немедля хо-

[1] Текст не вполне исправен: начало дела не изложено.

тели взять меня на правеж (vor Recht) и бить меня палками по ногам. Но бояре сказали: „Не бейте! Оставьте его (89), пока он не принесет денег". Когда же я положил деньги на стол, стрелецкий голова заявил, что он ошибся, обвинив меня в такой незначительной сумме. „Я должен был искать целую тысячу", сказал он.

После того мой слуга был отпущен и отдан мне. Бояре сказали: „Возьми своего слугу и делай с ним, что хочешь". Так я, как только пришел к себе на двор, приказал подвесить его в кладовой за руки. Он же взмолился: „Государь! Отпусти меня! Я добуду тебе твои деньги". „Ну, хорошо!" отвечал я. Тогда он взял рубаху и завернул в нее один из моих золоченых кубков. Затем пошел к одному человеку, торговавшему солодом: говорили, что моя служанка приносила к нему на хранение часть украденных у меня денег. Слуга, придя к нему в дом, попросил хозяйку взять на хранение его рубаху, а сам внимательно следил, куда она ее положит. Затем я схватил моего слугу и повел на суд и просил бояр дать мне целовальников, будто бы я хорошо знаю, где (об.) находились деньги, украденные у меня моим слугой. Когда мы подошли к дому, где была рубаха с золоченым кубком, туда же привели и моего слугу раздетого до-нага, и водили его по всем углам. Хозяйка быстро сообразила, в чем дело, кричала и плакала. Как только в присутствии целовальников слуга нашел рубаху, ее тотчас же опечатали, этим дело было уже выиграно. Хозяйку схватили и повели на Судный двор (Richthof). Мне было стыдно, что я поклепал напрасно эту женщину: в земщине она была моей ближайшей соседкой; ее первый муж был иконописец (Biltmaler).

„Бояре!" сказал я, „теперь уже поздно начинать дело". И бояре приказали держать эту женщину в тюрьме, чтобы поставить ее на суд, когда я предъявлю ей обвинение. Тогда судьей был Дмитрий Пивов. Он был расположен ко мне и охотно попускал тому, что я добываю обратно свои деньги: он хорошо знал, что стрелецкий голова оговорил меня напрасно и неправдой получил от меня деньги. Теперь в моей власти было также отобрать деньги от другого, но я этого не сделал!

Торговый человек турецкого султана Чилибей (90) должен был покинуть Москву немедленно (ohne Respitt). И великий князь приказал, чтобы все его должники заплатили ему свои долги. Тогда Алексей Басманов просил одолжить ему 50 рублей. Когда

я выплачивал ему эти деньги, он принес с собой золотые цепи и хотел оставить их мне в залог. Но я от них отказался. Узнав об этом, сын его Федор, — тот самый, с которым развратничал великий князь [и] в годы опричнины был первым воеводой против крымского царя, — обратился ко мне по дружески: „В каком уезде твое поместье?". „В Старицком, боярин", ответил я. „Этот уезд, ответил он, отдан теперь мне; не бери с собой никакого продовольствия: ты будешь есть за моим столом, а твои слуги вместе с моими". Я поблагодарил его, а он продолжал: „Если ты не хочешь отправляться — я в том волен и, как ты сам знаешь, могу тебя хорошо защитить". Я радостно благодарил его и ушел в веселом настроении. Некоторые из наших насмехались надо мной.

Когда этот боярин вернулся домой, великий князь сосватал ему невесту (ein Furstin); на свадьбу был приглашен и я. Великий князь на этой свадьбе был очень весел (об.). И боярин сказал мне: „Говори, чего ты хочешь: все будет исполнено, так как великий князь весел. Я расскажу ему, какое преданное сердце бьется в твоей груди!". Я поблагодарил его и сказал: „Сейчас, слава богу, я ни в чем не нуждаюсь, но я прошу тебя сохранить твое расположение ко мне". Он обернулся назад и приказал вернуть мне взятые в долг деньги. Деньги были отсчитаны в мешок, а мешок запечатан.

Один боярин по имени Федор Санин — он побывал во многих чужих странах — видел это и совсем по дружески упросил меня поехать вместе с ним. Когда мы пришли к нему на двор, мне были оказаны все обычные почести. Он пошел со мною в кладовую, где увидел я много денег и добра. „Ты женат?" спросил он меня. „Нет", отвечал я. „Присылай, сказал он, посмотреть моих дочерей, и, коли ты решишь, я отдам тебе ту, которую ты пожелаешь. А вместе с ней добра и денег, сколько тебе будет угодно". Я поблагодарил его: „И денег, и добра у меня довольно", ответил я ему, „из-за них я не хочу жениться".

Во время чумы, когда были заняты [заставами] все проселки и большие дороги, в моей деревне умер один из моих крестьян вместе с женой и детьми и со всеми домашними, (91) за исключением маленькой девочки. Мои приказчики в присутствии понятых поместья переписали все добро; оно охранялось стражей. Но вот приходит один крестьянин по имени Митя Лыкошин и заявляет, что [умершая] женщина была его милой (Gefreundin).

Те, что охраняли пожитки, отвечали: „Теперь нет суда ни здесь, ни где-либо в другом месте. Если хочешь что-нибудь получить, отправляйся тогда в Москву". А он, конечно, знал, что ни в Москву, ни из Москвы никто пройти не может. Поэтому все, что там было, он забрал силой. Я узнал об этом и, хотя все пути были заняты, я, подав челобитную, посылал за ним тайно, с опаской там, где не было застав, с приказом поставить его на суд — однажды, дважды и, наконец, в третий раз. А он так и не прибыл. Когда же были сняты заставы с дорог и от городов, я вновь послал за ним и велел его арестовать. Когда это приводилось в исполнение, он был пьян. Его связали, и я приказал жестоко бить его на торгу в городе Старице с тем, чтобы он дал мне по себе поруку. Но никто (об.) не хотел быть поручителем по нем, потому что знали про него, что он богат, а про меня, что я себя не обижу. А у него было еще и мое имущество, и я действовал так, чтобы вместе с моим добром получить и его. Он же упорствовал, не желая отдавать ни своего, ни моего. Тогда его заковали в железа, залили их свинцом и отправили его в Москву. На Москве недельщики обошлись с ним подобным же образом; при них он был и слугой, и служанкой, и малым; и каждый день, как обычно, они бивали его на торгу.

Когда я пришел в Москву из Александровой слободы и вник в положение дела, Митя Лыкошин и опечалился, и обрадовался. Он написал челобитье и просил выдать его мне в качестве моего холопа (mein leipeigen sein) до тех пор, пока он не заплатит. Бояре спросили меня: „Согласен ли ты взять его и на нем доправить? Мы готовы выдать его тебе, но когда ты получишь свое, ты поставишь его опять перед нами". (92) Так добыл я по нем поруку, увел его и отправил в мое поместье в село Новое.

Здесь он так был отделан моей дворней, что уже не мог стоять на правеже и говорил, что ночью наложит на себя руки, так как не в силах долее выносить побои и насмешки. Я тотчас же сообразил это и изготовил для него шейные железа с цепью в сажень длины, так что цепь затягивалась узлом, и ночью он мог лежать, а днем сидеть или стоять, и такие ручные железа, что обе руки можно было запереть вместе. Так его охранили от самоубийства. По утрам его освобождали, выводили на площадь и ставили на правеж. Железа его были залиты свинцом. Я отдал приказание — бить его не очень сильно, чтобы он не умер. После того,

как он отстаивал четверть часа в селе на площади и подвергался всякого рода насмешкам и укорам, его доставляли обратно на его место. Так происходило ежедневно в моем селе. (об.) Но он все еще не отчаивался. Каждый день, когда его били, он взывал ко мне громким голосом: „Господарь Андрей Володимирович, пожалуй меня!“ (Haspodar Andre Wolodimerowiz poselu mine). Он расчитывал терпеть до тех пор, пока я не отпущу его наконец. Деревня, где жил этот крестьянин, была неподалеку от моего села. Сын его — хороший был паренек! кутил и ругался круглые сутки, держал все время тайных любовниц. Он приехал к отцу и уговаривал его оставаться непреклонным. Так тот и поступал и ни разу не вызвался что-либо дать. Правда, он говорил: „Государь! пошлите и прикажите привезти из деревни все, что там есть моего“. Но я возражал: „Ни к чему мне такой труд. Пусть твой сын продает и платит. Не думаешь ли ты, что у меня мало палок, чтобы измочалить (weich machen) твои ноги?“. И хотя его ноги были порядком разбиты — настолько, что он не мог больше стоять, а должен был лежать — он [не сдавался и] продолжал ежедневно призывать мое имя.

Когда я пришел из Москвы, при мне был один бюргер по имени Ульрих Крукман; он живет теперь в Кённерне в княжестве Ангальт (93). Он очень хотел уехать за рубеж, но не знал, как это сделать. Когда он узнал о деле [Лыкошина], он обратился ко мне с просьбой: „Любезный Генрих Штаден! Помилуйте этого человека ради меня. Возьмите с него что-нибудь и отдайте мне это на пропитание, а его отпустите на свободу“. Так я и сделал. К тому же я позволил ему выбрать на моей конюшне двух лучших коней вместе со слугой. И хотя мой крестьянин должен был уплатить мне 260 рублей, он уплатил мне тогда только 10. Их-то я и подарил [Крукману] вместе с лошадьми и отправил его ближе к Лифляндии, чтобы он смог уйти за рубеж. При этом я подвергал опасности свою жизнь. Если бы их схватили, то меня повесили бы или утопили, ибо никого не выпускают из страны без проезжей или без разрешения великого князя. Как отплатил мне за то [Крукман] — теперь слишком долго рассказывать.

Когда крымский царь подошел к Москве, никто не смел выйти из нее. Так как пожар все распространялся, я хотел бежать в погреб. Но перед погребом стояла одна немецкая девушка из Лифляндии, она сказала мне: „Погреб полон: туда вы не

войдете". В погребе укрылись, главным образом, немцы, которые почти все служили у великого князя — с их женами и детьми. (об.) Поверх погреба под сводом я увидел своего слугу Германа из Любека. Тогда я пробился через [толпу] русских и укрылся под сводом. У этой сводчатой палатки была железная дверь. Я прогнал оттуда половину [бывших там] и оставил там мою дворню. Между тем от огня Опричного двора занялся Кремль и город.

На свой собственный счет по воле и указу великого князя я добыл для него трех горных мастеров. Я увидел одного из них, Андрея Вольфа: он хотел тушить пожар, когда вокруг него все горело. Я выскочил из палатки, втащил его к себе и тотчас же захлопнул железную дверь.

Когда пожар кончился, я пошел посмотреть, что делается подо мной в погребе: все, кто был там, были мертвы и от огня обуглились, хотя в погребе стояла вода на высоте колена.

На другой год, когда войско великого князя собралось у Оки, каждый должен был помогать при постройке гуляй-города соответственно размеру своих поместий (94), равно как и при постройке укреплений по берегу реки Оки — посаженно. Я не соглашался на это. Когда [крымский] царь подошел к реке Оке, князь Дмитрий Хворостинин — он был воеводой передового полка — послал меня с 300 служилых людей (Knesen und Boiaren). Я должен был дозирать по реке, где переправится царь. Я прошел вверх несколько миль и увидал, что несколько тысяч всадников крымского царя были уже по сю сторону реки. Я двинулся на них с тремя сотнями и тотчас же послал с поспешеньем ко князю Дмитрию, чтобы он поспевал нам на помощь. Князь Дмитрий, однако, отвечал: „Коли им это не по вкусу, так они сами возвратятся". Но это было невозможно. Войско [крымского] царя окружило нас и гнало к реке Оке. Моя лошадь была убита подо мной, а я перепрыгнул через вал и свалился в реку, ибо здесь берег крутой. Все три сотни были побиты на смерть. [Крымский] царь со всей (об.) своей силой пошел вдоль по берегу. И я один остался в живых. Я сидел на берегу [реки], ко мне подошли два рыбака. „Должно быть татарин", сказали они, „давай убьем его!". „Я вовсе не татарин, отвечал я, я служу великому князю, и у меня есть поместье в Старицком уезде".

На том берегу реки паслись две хороших лошади, которые убежали от татар. Я упросил рыбаков перевезти меня через

реку, чтобы мне опять раздобыть себе лошадь. Когда же за рекой я подошел к лошадям — никто не мог их поймать.

Когда эта игра (dis Spil) была кончена, все вотчины были возвращены земским, так как они выходили против крымского царя. Великий князь долее не мог без них обходиться. Опричникам должны были быть розданы взамен этих другие поместья.

Благодаря этому я лишился моих поместий и вотчин и уже не числился в боярской книге (in der Knesen und Boiaren Musterregister). Причина: все немцы были списаны вместе в один смотренный список. (95) Немцы предполагали, что я записан в смотренном списке опричных князей и бояр. Князья и бояре думали, что я записан в другом — немецком — смотренном списке. Так при пересмотре меня и забыли.

Спустя некоторое время бросил я все, уехал в Рыбную Слободу и выстроил там мельницу. Но тщательно обдумывал, как бы уйти из этой страны.

Я был хорошо знаком с Давидом Кондиным, который собирает дань с Лапландии. Когда я пришел туда, то я заявил, что я жду купца, который должен мне некоторую сумму денег. Здесь я встретил голландцев. Я держался, как знатный купец и был посредником между голландцами, англичанами, бергенцами из Норвегии и русскими.

Здесь же русские изъявляли желание диспутировать со мной: они говорили, что их вера лучше, чем наша, немецкая. Я же возражал, говоря, что наша вера лучше, чем ихняя. За это русские хотели бросить меня в реку Колу. Но этого не допустили Яков Гейне, бюргер из Схидама (об.), Иоганн из Реме, Иоганн Яков из Антверпена, Северин и Михаил Фальке, бюргеры из Норвегии. Увидев это, я представился скудоумным, и на меня больше не обращали внимания.

Вместе с 500 центнерами каменных ядер (Schlackenkugeln) я отправился в Голландию. Когда мы подходили к острову Ameланд, поднялся страшный норд-ост и буря; она прибила нас к Амеланду и заставила наш корабль войти во вражескую реку. К нам подошли три галеры с валлонцами (Walhen). Но мы сказали: „Любезные братья! Защитите нас от беды (Pertilenz). Мы идем во Фландрию“. „Хорошо“, отвечали они, полагая, что мы ихние. Когда же мы снова вышли в море, тогда увидели они, что мы идем в Голландию.

Прибыв в Голландию, я захватил с собой одного русского и

с ним поехал к Генриху Крамеру и Каспару Шельгаммеру в Лейпциг. Оба они расчитывали завести торговлю с русскими на описанном Поморье. С этим русским они отправили на несколько тысяч гульденов драгоценностей для продажи их в казну великого князя [1].

Когда я вновь выехал из Голландии, я был схвачен (96) у Гертогенбоша uff Hell. Граф хотел меня пытать и повесить, но через три дня я был освобожден.

Вернувшись в Германию, я предпринял свою поездку к королю шведскому и просил его о пропуске (umb Bestallung), чтобы на описанном Поморье получить мне долг с великого князя. Король выдал мне три пропуска. Но, когда они были подписаны и запечатаны, секретарь (Canzeler) сказал: „Дайте нам поруку".— Хотя этот секретарь был схвачен русскими в Нарве и там поморозил себе обе ноги, он щадил своего врага. — Если бы я согласился дать 1000 талеров, не нужна была бы и порука! Имя секретаря было Венцеслав; он дал три пропуска одному человеку родом из Ост-Фрисландии из графства Эмден — Gert Frisse. Когда я пришел в Эмден и потребовал пропуска, то он открыл это герцогу Карлу, брату шведского короля, и мне было в них отказано.

Герцог Карл думал, что я буду служить ему, а потому послал меня (об.) в Голландию — разузнать, есть ли там русские торговые люди, которых он перехватал бы тогда на море. Когда же я вернулся в Ост-Фрисландию, герцог Карл уже уехал к своему шурину пфальцграфу герцогу Георгу Гансу. Прибыв в Люцельштейн, я сообщил герцогу Карлу о русских делах.

Тогда пфальцграф взял меня к себе и наедине расспрашивал меня о великом князе и положении его страны.

Несколько месяцев он держал меня при себе и [затем] посылал к королю польскому. И все, что мне было приказано, я выполнил согласно с инструкцией с великим прилежанием.

Потом он посылал меня к гроссмейстеру Немецкого ордена, потом к вашему римско-кесарскому величеству.

Сильно и неоднократно тянуло меня при этом в Русскую землю в Москву ко двору великого князя.

Благодарение вседержителю богу, удостоившему меня пережить столь [великое]!

---

[1] Порядок двух последних абзацев в подлиннике перепутан.

(97) Далее я мог бы еще описать, как прежние магистры управляли Лифляндией и как от этого правления она погибла; каким образом ее можно было бы взять и обратно отобрать от вечного [ее] врага — [от] великого князя.

Я готов всеподданнейше исполнить и это, если только вашему римско-кесарскому величеству будет это угодно и желательно.

I. Указатель имен личных.

Август — герцог и курфюрст саксонский (1553—1586 гг.); во время третьего похода Стефана Батория против Грозного оказывал денежную помощь Польше: 23 об.

Альбрехт — слуга автора: 74, 80 об.

Андрей — слуга автора, лифляндец: 84 об., 85.

Андрей Васильевич (Andre Wassilowiz) — с 1549 г. дьяк Разрядного приказа; с 1563 г. — дьяк Посольского приказа, преемник Ивана Висковатова, предпредшественник знаменитого Андрея Яковлевича Щелкалова. Близкий к царю, он читал народу царскую грамоту, присланную из Александровой слободы. Погиб, кажется, в 1570 г. вместе с Висковатым и Фуниковым: 6. 72 об.

Анна — дворовая автора: 83 об., 88.

Басманов [Плещеев] Алексей Данилович (Alexe Restmannowiz) — боярин с 1556 г., стяжавший воинскую славу под стенами Казани, Нарвы и Полоцка. Обвиненный по делу о „заговоре“ кн. Владимира Андреевича Старицкого и в сношениях с Новгородом, был казнен вместе со своим сыном Федором. По боярской книге значится „выбывшим“ в 1568—69 гг. По другим известиям, Басмановы, отец и сын, умерли в ссылке на Белоозере: 3, 12, 21 об., 90.

Басманов Федор Алексеевич (Fedder Bosmannuwiz) — сын предыдущего. По рассказу кн. А. М. Курбского, Федор, повинуясь приказанию Грозного, убил своего отца, а затем и сам был казнен: 3, 12, 21 об., 90.

Баурман Франц — шурин автора, ратман города Штадена: 70 об.

Бельский Иван Дмитриевич, князь (Knese Iwan Detmetrowiz, Demitrowiz Belsky) — боярин с 1559 г.; в 1565 г. назначен первым боярином в земщине. Погиб на Москве в приход крымского царя Девлет-Гирея во время московского пожара 1571 г.: 3, 12, 18.

Бокхорст Иоганн — немецкий дворянин; автор был приказчиком в мызах его жены. По словам автора — „самый богатый человек в Лифляндии“, может быть, тот самый, который был послом от ливонского магистра к Ивану Грозному в мае 1554 г.; под условием дани он добился от Москвы перемирия на 15 лет: 71 об.

Бомелий Елисей — доктор, родом из Голландии (или Вестфалии?), лейб-медик и доверенное лицо при дворе Грозного; у русских людей снискал худую славу злого чародея. Умер в Москве при обстоятельствах неизвестных: по одной версии, его извели лихие люди, по другой — был сожжен на площади за сношения с польским королем Стефаном Баторием: 47 об.

Булат — маршал (Marschalk Bulat), лицо неизвестное, имя его напоминает имя одного татарского царевича — московского „воеводы“ Булата, который встречается в разрядах до 1564 г.

Но, может быть, это „ротмистр Федор Булгаков", которого упоминает кн. Курбский?: 21 об.

Булгаков Иван (Iwan Bulgacko, Bulgakow) — московский боярин и казначей. По Гваньини, был обезглавлен Грозным; с ним были казнены его жена и дети: 4 об., 16 об.

Василий Степанович (Wassiliy Stepanowiz, Basilie, Basili) — дьяк Поместного приказа. Казнен в 1570 г. вместе с Висковатым и Фуниковым: 4, 79, 80.

Вельсдорф Георг — шведский комендант ливонского замка Каркус в 1562—63 гг.: 71 об.

Венцеслав — шведский канцлер в 1576—77 гг.: 96.

Werenbergsse: 80.

Висковатый Иван Михаилович (Iwan Wiscouat, Wiskowat, Wiskowath) — государев дьяк с 1549 г., сделавший карьеру в Посольском приказе, над организацией которого он не мало потрудился; с 1561 г. — печатник, т. е. хранитель государственной печати и член боярской думы. Обвиненный в измене, казнен в 1570—71 гг.: 9, 16 об., 78 об.

Вислоухий Петр (Peter Wischowchow, Wischlauch) — сборщик соболиной казны (ясака с самоедов) и контрагент автора по меховой торговле. Прозвище „Вислоухий" — обычно между прочим в семье Сабуровых: 41 об., 85 об.

Виттенберг Каспар — служилый немчин, толмач при дворе Грозного, принявший православие. Царь особенно ценил его за умелое обличение западных схизматиков. В 1564 г. Каспар был уже на Москве; там же застает его — и попрежнему в должности толмача — датское посольство Ульфельда 1578 г.: 12 об.

Владимир Андреевич, князь (Knese Wolodmar Androwiz, Wolodimar Andrewiz; knese Wolodmer) — двоюродный брат Грозного, удельный князь Старицкий и Верейский (1534—69). Вместе с женой и сыновьями казнен в 1569 г.: 3, 11 об., 12, 13 об., 16 об., 48 об., 73.

Вольф Андрей — „рудознатец", вывезенный на Москву по поручению Грозного на средства автора: 93 об.

Воротынский Михаил Иванович, князь (Knese Michel-Michael Waratinsky, Waradinsky, Waratinski) — с 1552 г. боярин, воевода и военный инженер „в полкоустроениях зело искусный", разработавший систему оборонительных сооружений по южной границе Московского государства и многократно выступавший против крымцев. Казнен или, как говорит боярская книга, „выбыл" в 1573 г.: 3, 35, 36, 36 об.

Выродков Иван Григорьевич (Iwan Gregorgowiz) — государев дьяк с 1547 г.; как военный инженер, он ставит Свияжск, сооружает при взятии Казани шестиэтажную осадную башню, ставит город в устье Наровы реки, участвует в Полоцком походе. С 1555—56 гг. — первый дьяк Разрядного приказа. Казнен Грозным в конце 60-х годов: 4 об.

Вяземский Афанасий, князь (Knese Afonasse Wosemsky, Affonasse Wesemsky) — участник организации опричнины и один из виднейших ее представителей; „келарь" в „монастыре" Александровой слободы. По доносу своего послужильца был казнен по связи с новгородским делом. В боярской книге 1578 г. значится „отставленным" в 1571—72 гг.: 12, 21 об.

Гейне Яков — нидерландский шкипер из Схидама: 58 об., 95.

Георг Ганс, граф Фельденцский (1542—1592) — западно-имперский эльзасский князь, владелец пфальцского Фельденца и Люцельштейна. В 1563 г. женился на дочери Густава Вазы — Анне. В 1564 г. тайно вступил на службу французского короля, но позже служил

и гугенотам. От французских предприятий отвлекался к имперским делам и в частности мечтал о создании имперского флота. В 1570—1589 гг. увлекался проектом анти-московской лиги. Умер на 49 году жизни, сильно расстроив и без того не блестящее материальное положение своего миниатюрного графства: 96 об.

Георг Гохрозен — муж вдовы Бокхорст: 71 об.

Герман из Любека—слуга автора: 93 об.

Gert Frisse — нидерландский купец родом из Фрисландии, торговавший в Коле: 96.

Гландорф Филипп — рижский бюргер и член городского совета; автор был одно время его слугой: 70 об.

Говенер Ганс (Hans Hovener) — может быть, следует читать „Haus" вм. „Hans"?: 70 об.

Говенер Стефан — двоюродный брат автора, рижский бюргер: 70 об. 71.

Грязной Василий (Wassily Gresnow) — дворянин московский и видный опричник. В 1572 г. взят в плен крымцами и лишь в 1577 г. выкуплен царем за очень крупную сумму в 2.000 руб.

Грязной Григорий (Gregory Gresnow) — брат предыдущего, дворянин московский, „объезжий голова" на Москве; по должности на нем лежала охрана общественной тишины и безопасности от пожаров, грабежей, разбоя, драк и азартных игр, а также искоренение корчемства. Он же должен был проверять („объезжать") караульные посты на „решетках" (уличных заставах): 22, 78.

Грязной Никита (Mikita) — сын предыдущего: 22.

Гульден Пауль—денежный мастер и ювелир, прибывший из Ревеля на Москву для торговли драгоценными камнями: 23 об.

Девлет-Гирей, крымский царь (der Keyser in Krimmen, der Krimmische Keiser Delverat Kerregain, - Kerregan, - Gregen — собственно говоря: „Девлет царь-царь Гирей")—один из виднейших крымских ханов (1551—1577), овладевший ханством при поддержке турецкого султана. Его ежегодные набеги на московские границы были особенно гибельны для русских. О набеге 1555 г. и кровопролитной битве на Судьбищах (в пределах нынешней Тульской губ.) сохранили память даже турецкие летописцы. В набег 1571 г. была сожжена Москва; в 1572 г. набег повторился, но татары дошли лишь до Оки, где встретили энергичный отпор со стороны русских. Девлет-Гирей умер — по русским источникам — 29 июня 1577 г.; по крымским—„в месяце сефере 985 г.", т. е. в апреле—мае 1577 г.: 6, 9, 30—40, 49 об., 51, 52 об., 67, 67 об., 93, 94, 94 об.

Дивей-мурза (Dun Mursa)—видимо, то же лицо, что „Даниил-мурза" иностранных источников (Гейденштейн, Градовский, Одерборн). Один из крупных военачальников Девлет-Гирея, „гетман его славный, кровопийца христианский" по выражению кн. Курбского, „oberster Veltherr", как говорит автор. На Оке в набег 1572 г. был захвачен в плен суздальцем Темиром Алалыковым. Был доставлен в Новгород к царю Ивану и позже перешел к нему на службу; в чине постельника (или стольника?) был с ним в Старице в 1581 г. во время осады Пскова. В набег на царскую ставку Христофора Радзивилла перебежал в отряд последнего, изменив царю. Видимо, был принят на службу Баторием. Дальнейшая его судьба неизвестна: 34 об.—35 об.

Довойна Станислав Станиславович (Datrona, Douona, Duwuna-Doienna) — литовский магнат и полоцкий воевода в момент осады и взятия города русскими. В 1563 г. был увезен в плен

на Москву вместе со своей женой Петрониллой Радзивилл. В январе 1567 г. был отдан „на розмен“ за князя Василия Ивановича Темкина-Ростовского: 28 об., 40 об., 41.

Долгорукий Иван (Iwan Dolgarucka)—начальник Земского двора: 5.

Дрейер Иоганн: 80.

Зёге Ганс (Söge Hans) — слуга старого ливонского магистра Вильгельма Фюрстенберга, умерший во время московской чумы 1571 г.: 77.

Зобатый Иван (Iwan Sobatow)—видимо, Иван Сабуров по прозвищу Зобатый: 21 об.

Иван (Hans)—слуга автора: 83 об., 88.

Иван IV Васильевич Грозный (der Grosfurschte, der Grosfurschte Iwan Wassilowiz an aller Reussen) — (1530—1584) великий князь, с 1547 г. „царь и великий князь всея Руси“. Автор знает этот последний титул (на л. 8: „Cer i Feliki Knese Iwan Wassilowiz Usarussa“), но всюду именует Грозного „великим князем“, что было обычно для западно-европейского писателя. Согласно с общим мнением, автор считает Грозного „кровожадным дикарем“ (der rote Wilde—л. 12 об.), но не может скрыть своего восхищения перед блестящими итогами его объединительной политики: 2—3, 8, 9 об.—64, 69 об.—85 об., 87, 90, 93 об., 96 об., 97.

Ильин Осип (Josep Ilyn, Iligin) — государев дьяк в опричнине: 22, 76 об., 84 об.

Иоганн граф von Arz — наместник Иоанна герцога финляндского в замках шведской Ливонии, выкупленных от польского короля Сигизмунда II Августа в 1562 г. По подозрению в измене и в сношениях с русскими был казнен в Риге в декабре 1563 г.: 71 об.

Иоганн Галенский (Johann von Galen) — немецкий дворянин, муж сестры автора: 70.

Иоганн Ремский (Johann von Rehma)—немецкий (?) шкипер, плававший с голландскими кораблями в Колу: 95 об.

Иоганн — герцог финляндский и с 29 сент. 1568 г. по 1592 г. король шведский с именем Иоганна III: 39, 43, 52 об., 66.

Иоганн Яков—нидерландский шкипер из Антверпена, плававший с торговыми судами в Колу: 58 об., 96 об.

Кальп Адриан (Adrian Kalb) — служилый немчин, друг автора. Умер во время московской чумы в 1571 г. (?): 76, 86 об.

Карл — герцог Зюдерманландский и с 1592 г. по 1611 г. король шведский с именем Карла IX, брат Иоганна III, короля шведского; сестра его Анна была замужем за пфальцграфом Георгом Гансом: 96—96 об.

Квашнин Аталык (Atalick Quassanin) — дворянин московский и позже в 70 годах воевода в городах от Немецкой Украйны: 72 об.

Керкелинг Симон — толмач при русском наместнике в Везенберге (Ракоборе) в 1574 г.: 42 об.

Кеттлер Вильгельм—сын Готгарта Кеттлера, последнего магистра ордена меченосцев, бывшего по ордену преемником Вильгельма Фюрстенберга. По проекту Грозного (1564 г.) Вильгельм должен был унаследовать Ливонию по смерти Фюрстенберга: 13.

Кондин Давид (Davit Kondin) — русский сборщик ясака с лапландцев. Сборщики ясака — единственные представители московского правительства на далеком севере—до 1582 г. жили обычно в Кандалакше; в означенном году в Лапландию был послан первый русский воевода, и двор его был поставлен в Коле: 95.

Крамер Генрих — немецкий купец, под видом посланника проникший при Грозном—в 1574 г.—в Московию и тем

навлекший царскую опалу на имперских купцов и в частности на всех Крамеров. Ликвидация этого инцидента затянулась до царствования Бориса: 95 об.

Крузе Элерт — ливонец, типичный авантюрист XVI в. Взятый русскими в плен под Эрмесом в 1560 г., он в 1567 г. поступает на службу к московскому царю и вместе с Таубе (см.) — создает проект Ливонского королевства под русским протекторатом. Вместе с Таубе отъезжает (1571 г.) к польскому королю Сигизмунду II Августу в виду русских неудач под Ревелем (1570—1571 гг.). Крузе (и вместе с ним Таубе?) оставили ценные записки о Московии времен опричнины. Крузе, кроме того, написал отповедь на Рюссову Ливонскую хронику, явившуюся в свет в 1578 г.: 73, 73 об., 75.

Кругман Гартманн — саксонский купец, бюргер Ашерслебена; с ним автор имел какие-то дела по торговле мягкой рухлядью и соболиной казной: 87 об.

Кругман Ульрих — немецкий бюргер, попавший в Московию и едва выбравшийся за рубеж при помощи автора: 92 об.

Куник Каспар — бюргер из Лейпцига, купец; с ним Август саксонский отправил Грозному набор хирургических инструментов: 23 об.

Купфершмидт Ганс — немчин на Москве; ему Штаден передал свой двор на Сретенской улице, где тот завел корчму и отбивал от Штадена покупателей: 78.

Курбский Андрей Михаилович, князь (Knese Andre Kurpsky) — боярин и воевода московский до 1564 г.; с этого года перешел на службу к польскому королю Сигизмунду II Августу, служил и его преемнику Стефану Баторию. Умер в 1583 г. Своей „Историей о великом князе Московском“ и перепиской с Грозным известен как публицист старо-боярской партии. Сочинения его напечатаны в Русской Исторической Библиотеке, т. XXXI: 3, 11.

Курцов Семен (Simon Kurzauw) — сокольничий государев. Родством связанный с Фуниковыми, он мог опасаться опалы или казни вместе с последними. Это обстоятельство вызвало замечание автора, что в его время царь не трогал Курцова: 78, 79 об.

Локуров Григорий (Gregorius Lokuroff, Koluroff) — дьяк Казенного двора. Но, может быть, „Григорий Колычов-Лошаков“?: 4, 81.

Лоренцо — цирульник и хирург на Москве: 77 об.

Лыкошин Митя (Mitelikosin) — крестьянин одного из старицких имений автора; автор вел с ним интересное дело из-за выморочного имущества: 91—93.

Магнус (Magnus, Magnussen) — (1540—1583), датский принц, до 1561 г. эзельский епископ; с 1570 г. — по проекту Крузе и Таубе — ливонский король и вассал Ивана Грозного. Вызванный через посредство Таубе, прибыл на Москву в марте 1570 г. и в августе того же года приступил к неудачной осаде шведского Ревеля, снятой 16 марта 1571 г. Позже осады возобновлялись в 1575 и 1577 г., но также безуспешно. Нарушив договор с Грозным и действуя в Ливонии за свой страх и риск, Магнус навлек на себя царский гнев. Осадив (сент. 1577 г.) захваченный Магнусом (14 авг. того же года) Вендей, царь потребовал выдачи короля-неудачника и пленником повез его в Московию; но уже 19 сентября, еще не доехав до Юрьева (Дерпта), простил его, возвратил ему королевский титул и почти все города за выкуп в 40 тысяч венгерских гульденов, пообещанный Магнусом. В конце того же 1577 г. Магнус вступил в переговоры со Стефаном Баторием, о чем Грозного известил польский вое-

вода кн. Полубенский. В начале 1578 г. Магнус перешел на сторону Польши. Но судьба попрежнему была к нему жестока: потеряв все свои владения, Магнус умер в совершенной бедности. Был женат на дочери кн. Владимира Андреевича Старицкого — Марии Владимировне: 11, об., 13 об., 48 об., 58, 73, 75, 76, 80 об. Упомянут с королевским титулом: 36.

Меньшик (Meusigk, Minsick) — вместе с автором был на отделе поместья и вотчины по Старицкому уезду: 48 об., 77.

Микула (Mikula)—по словам автора, зажиточный мужик (посадский?) Пскова, отвративший от города гнев Грозного в 1570 г. Эпизод этот неоднократно рассказывался и русскими, и иностранными источниками, при чем в роли Микулы чаще выступает „блаженный Никола". Реальная основа легенды не поддается раскрытию: 16.

Морозов Михаил Яковлевич (Knese Michael Morrosow) — московский боярин (без княжеского титула) и воевода. В Дерпте (Юрьеве Ливонском) был воеводой в 1564 г. Казнен в 1572—73 гг.: 11, 72 об.

Мстиславский Иван Федорович, князь (Iwan Mestizlofsky) — из рода Гедиминовичей, московский боярин с 1548 г. и воевода, близкий к Грозному. В земщине был вторым за кн. Иваном Бельским. При царе Федоре заключен в Кириллов монастырь и умер в иночестве в 1586 г.: 3.

Мюллер Генрих — амтман в Вольмаре; автор был его слугой до переезда своего в Вольгартен: 71.

Мятлев Иван (Iwan Metloua) — вместе с Иваном Долгоруким сидел в 1566 г. на Земском дворе; начальником его он был в 1572 г.: 5.

Надей (Ladee) — приказчик в (подмосковном?) поместье автора: 85.

Невежа (Nevefa) — сын боярский, вместе с братом своим Тешатой был послужильцем автора: 84 об.

Никита Романович (Mikita-Mickita Romanowiz)—с 1563 г. дворецкий и боярин, воевода 50—70 годов. Умер в 1585 г. Его сестра была первой женой Ивана Грозного, а внук Михаил занял царский престол в 1613 г. и положил начало династии Романовых: 4, 12, 82 об.

Овцын Андрей, князь (Knese Andre Aufzmin): 21 об.

Одоевский Никита Романович, князь (Knese Mikita Adoffsky)—боярин с 1571 г. и воевода „из опричнины"; в 60—70-х годах действовал на южном фронте против крымцев. Казнен („выбыл" по боярской книге) в начале 1573 г. Сестра его Евдокия была женой князя Владимира Андреевича Старицкого: 3, 36 об.

Оссенбах Катерина—мать автора, умершая в Алене (?) в одну из чумных эпидемий: 70.

Пивов Дмитрий (Demiter Pinowa?)—судья Земского двора: 89 об.

Полубенский Александр, князь (Alexander Bolubensky, Polubensky) — польский воевода и комендант пограничных ливонских замков Роненбурга, Вольмара и др. Так, в Вольмаре он был в 1569 г. (откуда и предпринял набег на Изборск) и в 1577 г., когда был взят в плен русскими (сент. 1577 г.), но скоро отпущен царем. Одним из первых сообщил Грозному о тайных сношениях Магнуса со Стефаном Баторием: 19, 71 об.

Путило Михаилович (Putila Michaelowiz, Michelowiz)—в 60-х годах дьяк Поместного приказа вместе с Василием Степановичем. Вместе с ним же был и казнен: 4, 80.

Рудак (Rudock) — татарин, слуга автора на его московском дворе в земщине: 82 об.

Рудак (Rudayk, Rudock) — был на отделе поместья и вотчины по Старицкому уезду для автора: 48 об., 77.

Рудольф II, император (des heiligen Römischen Reiches Keiser Rudolphus, Euer römisch Kaiserliche Majestät) — (1576—1612), получив воспитание при испанском дворе Филиппа II, оказался послушным орудием в руках католической реакции, но личного влияния на дела не имел. Апатичный, вялый или капризно-деспотичный, он пребывал бо́льшею частью в Праге, где занимался астрологией, алхимией, искусством и коллекционированием редкостей. В 1608 г. отказался от власти в пользу брата, оставив за собой лишь чешскую корону; от нее он отрекся в 1611 г. и умер, изнуренный болезнью и помешательством в 1612 г.: 51, 51 об., 53, 58, 59, 63 об., 65 об.—69, 96 об.—97.

Салинген Симон (Simon von Saling)—начал свою карьеру бухгалтером антверпенской торговой компании; в 1566 г. в качестве агента той же компании прибыл в Печенгскую губу, начал торговлю с лаппами и русскими, завел знакомство с Печенгским монастырем и его основателем монахом Трифоном. Погрузив закупленную рыбу, икру, тресковый жир и другие товары на свои корабли, он отправил их в Нидерланды, а сам, переодевшись в русское платье, отправился с товаром через Кандалакшу-Кемь вверх по Онеге на Каргополь и на Москву. Здесь розыскал купца Степана Твердикова, с которым раньше вел дела в Антверпене. В виду неспокойного положения дел на Москве, Твердиков посоветовал Симону поскорей убраться за рубеж. Уехав из Москвы, он проник в Новгород, где занялся торговлей жемчугом и драгоценностями. До весны 1568 г. он разъезжал торгашом по Карелии и Новгородской области. Уехав за рубеж, он неоднократно возвращался в Лапландию с товаром. Видимо, в 1583 г. перешел на датскую службу, где стал известен сперва как толмач (1584 г.), затем как эксперт по лапландским делам (1585 г.), комиссар по норвежско-русскому разграничению (1595 г.) и, наконец, как посол от датского короля Христиана IV к царю Борису (1601 г.). Симон фон Салинген оставил очень интересное описание Лапландии (1591 г.) и карту ее, составленную по поручению датского короля (1601 г.): 58 об.

Санин Федор (Fedder Sanin) — московский боярин и дипломат: 90 об.

Сарыхозин Анисим (Anis)—брат следующего: 19.

Сарыхозин Марк (Umar Scargusin) — московский дворянин, отъехавший с кн. Курбским в 1564 г. за рубеж и перешедший на польскую службу. Принимал участие в набеге на Изборск в 1569 г. Сарыхозины были в родстве с Сабуровыми: 19.

Сигизмунд II Август (Sigmundus Augustus, der Kunig in Polen)—(1520—1572), король польский с 1548 г., последний из Ягеллонов на польском престоле. Поддерживая мир с Империей и Турцией, энергично вел дело по присоединению к Польше Литвы (1569 г.) и столь же энергично, однако неудачно, боролся за ливонское наследство. Лифляндия была присоединена к Польше в 1561 г., но в начавшейся войне с Москвой Польша потеряла Полоцк (1563 г.) и закончила войну перемирием на три года (1571 г.). Со смертью Сигизмунда II началось пятилетие бескоролевий и борьбы за польский престол: 11, 19, 72 об., 73 об.

Скуратов-Бельский Малюта (Maluta Scurrata) — думный дворянин, опричник Ивана Грозного, погибший под Вейссенштейном в 1572 г.: 12, 21 об.

Соймонов (?) Иван Тарасович (Iwan Torraz Scimon) — начальник (или дьяк?) Сытного или Кормового Дворца: 6 об.

Стефан Баторий (Steffan Potur, der Konig in Polen, der izige Kunig Steffanus)—(1533—1584) в 1571 г. избран князем Седмиградья и Трансильвании; на избирательном сейме в Польше 12 янв. 1575 г., поддержанный шляхтой, избран польским королем; кандидатуру его конкурента имп. Максимилиана II поддерживал сенат. В апреле 1576 г. Стефан короновался. В том же 1576 г. осадил Данциг, объявивший себя за имп. Максимилиана. Город сдался в декабре 1577 г. под условием уплаты контрибуции в 200 тыс. золотых. С осени 1577 г. начинается наступление польских войск на Ливонию, занятую русскими. В 1579 г. Баторий забирает Полоцк, в 1580 г.—Озерище и Великие Луки, в 1581 г. — осаждает Псков, и в расчете на субсидии от герцога Прусского, курфюрстов Саксонского и Бранденбургского увлекается идеей окуппации Московии и наступления через степи на Крым и Турцию: 41 об., 51 об., 53, 67 об., 73 об., 96 об.

Строгановы Яков и Григорий Аникиевичи (Jacop und Gregori Aninkowi Strogenow) — московые торговые люди, промышленники и колонизаторы Приуралья; после распри с младшим братом Семеном, неудачной для последнего (1573 г.), остались полновластными хозяевами в Перми Великой и у Соли Вычегодской; инициаторы захвата Зауралья по Тоболу и Иртышу (1574 г.), военной колонизации Колы и покорения Сибири. Григорий умер около 1575 г. (?), Яков—в 1578—1579 гг.: 53 об.

Таубе Иоганн (Taube, Tube, Tauw)—ливонец, взятый в плен в 1560 г. под Эрмесом, в 1567 г. перешел на службу к московскому царю в опричнину. Вместе с Крузе создавал проект Ливонского королевства и был отправлен Грозным за рубеж к герцогу Магнусу; вместе с ним прибыл на Москву в марте 1570 г. После неудач под Ревелем (1571 г.) бежал вместе с Крузе в Польшу, там служил сперва Сигизмунду II Августу и позже Стефану Баторию: 73—73 об., 75—76 об., 80 об.—82, 85.

Темкин-Ростовский, Василий Иванович, князь (Knese Wassily, Wassili Tamkny, Tomkin, Tonkin) — московский воевода, взятый в плен на литовском фронте, вернулся после размена на Довойну в январе 1567 г. Тогда же в 1567—68 г. сказан боярином; осенью 1568 г. был членом следственной комиссии по делу митрополита Филиппа. Умер в 1570—71 гг.: 3, 21 об., 83 об.

Тетерин Тимофей (Timophe Teterin) — московский стрелецкий голова, позже монах; вместе с кн. Курбским и Сарыхозиными отъехал к Сигизмунду II Августу в 1564 г. за рубеж и тогда же написал укорительное письмо дерптскому воеводе Михаилу Морозову. Сохранилось письмо Грозного к Тетерину, писаное из Вольмара в сент. 1577 г.: 19.

Тешата (Tesette, Desetten) — сын боярский; вместе с братом своим Невежей — послужилец автора. Может быть, правильнее читать „Десятой"?: 84 об., 86 об.

Трифон Печенгский (Triffan) — основатель Печенгского монастыря. По свидетельству Симона фон Салингена, начало русско-нидерландских торговых сношений положено — с нидерландской стороны Винтерконигом, а с русской — монахом Трифоном. Начало деятельности последнего на Кольском полуострове не поддается учету. Первая жалованная грамота монастырю выдана в 1556 г. Умер Трифон в 1583 г.: 53 об.

Турунтай-Пронской Иван Иванович, князь (Torrunthey) — московский боярин; умер в 1568—69 г.: 3.

Тютин Хозяин Юрьевич (Neprey Casseyn Tulin) — греческий уроженец; казначей 1566 г. Подвергся жестокой казни, приведенной в исполнение, как говорят, кн. Михаилом Черкасским.

О мучениях Тютина рассказывают иностранные источники: 4.

Унковский, Курака (Kuraka Umkovky) — стрелецкий голова и московский дворянин; одна из жертв Ивана Грозного. Время казни неизвестно: 21 об.

Фальк Михаил — норвежский шкипер из Бергена; плавал в Колу: 59, 95 об.

Фальк Северин — брат предыдущего; так же как и брат, плавал шкипером к Лапландии: 59, 95 об.

Филипп — митрополит (der Babst Philip) московский и всея Руси (1566—1568). Родился в 1507 г., с 1548 г. игумен Соловецкого монастыря. В 1566 г. возведен в митрополичий сан. После нескольких столкновений с царем из-за опричнины в 1568 г. лишен сана, заключен в Тверской Отроч монастырь и здесь 23 декабря 1569 г. задушен Малютой Скуратовым: 12, 14.

Фромгольд Ган (Fromolt Han, Froman Han) — выезжий иноземец, принявший православие и во крещении имя Илии (Ilias), помещик Ржевы Володимировы (ныне приблизительно Ржевский уезд Тверской губ.): 78 об., 81, 82.

Фуников-Курцов Никита (Mikita Funico, Funiko)—московский боярин, казначей. Казнен („выбыл" по боярской книге) в 1571—72 гг.: 4, 16 об., 79 об.

Фюрстенберг Вильгельм (Forstenbergk, Furstenbergk)—старый ливонский магистр, живший на покое в Феллине; взятый в плен русскими при захвате города в 1560 г., был отвезен в Любим. По проекту Грозного (1564 г.), кандидат на ливонскую корону. От предложений Грозного Ф. отказался и в январе следующего 1565 г. умер в Любиме: 12 об.—13, 27 об., 49, 77.

Хаз-булат (Kassebulat) — один из крымских военачальников Девлет-Гирея; взят в плен вместе с Дивеем-мурзой в набег 1572 г.: 35.

Хворостинин Дмитрий Иванович, князь (Knese Demitre Gorastinin)—блестящий полководец—воевода 60-х — 80-х годов XVI в., отличившийся замирением Поволжья и войной с крымцами и шведами. Умер в 1591 г.: 94.

Холопов Андрей (Andre Golapowa, Kolopowa): 48 об. 73.

Челяднин-Федоров Иван Петрович (Iwan-Iwane Petrowiz Sceledina-Sceladino) — боярин и конюший из видной боярской фамилии; с учреждением опричнины ведал Москву в 1565—67 г. Оговоренный в измене и планах на престол, казнен в 1567 г. По рассказу Одерборна, Грозный нарядил Челяднина перед казнью в царское одеяние, посадил его на престол и заставил выслушать все обвинения: 4, 11, 11 об., 79.

Черкасский Михаил Тегмрюкович, князь (Michael des (!) Sohn aus Circassenlant, Knese Michael) — Салтан-кул-мурза, во крещении Михаил, сын следующего; с октября 1558 г. московский служилый князь. Грозный то одарял его милостями, то донимал жестоким преследованием. Казнен („выбыл" по боярской книге) в 1571—72 г.: 21 об., 52 об.

Черкасский Темгрюк Айдарович, князь (Knese Timeruck aus Sarkassenlant)—кабардинский князь; в 1557 году отдался под руку московского царя. После захвата Кабарды Девлет-Гиреем (1572 г.) перешел на сторону Крыма; в 1578 году вновь бил челом Ивану Грозному. Дочь его Мария была второй женой царя Ивана: 30.

Черкасский князь (Knese Michael Timeruk, Michael Smerukowiz, Michael in Scircassenlant, Schwager in Circassenlant) — кабардинский князь, но во всяком случае не Михаил Темгрюкович. Автор или — точнее — переписчик его Записок путает с князем Михаилом или

его отца Темгрюка, или его брата Мастрюка: 9 об., 40, 50 об., 52, 52 об., 53, 67—67 об.

Чилибей (Scildea, Silibea)—турчанин, торговый человек и, может быть, гонец султана: 22 об., 90.

Шапкин Григорий (Gregorgowiz Sepkin) — опричный дьяк, казненный Грозным. О казни его упоминают Гваньини (Georgium Czapkin) и Кирилловский синодик Грозного: 4 об.

Шельгаммер Каспар — немецкий купец, участник торгового предприятия Крамера; к нему в Лейпциг по возвращении из Московии направляется автор вместе с каким-то русским торговым человеком: 95 об.

Шереметев Иван (Iwan Seremdti)—автор имел в виду или Ивана Большого Васильевича Шереметева, героя Судьбищенской битвы (1555 г.), принявшего постриг в Кирилло-Белозерском монастыре с именем Ионы (о нем говорит между прочим послание Грозного от конца 70-х годов), или, что вероятнее, Ивана Меньшого Васильевича Шереметева, воеводу, осаждавшего Ревель в тот момент, когда автор составлял свое описание Московии (1577 г.). При осаде Шереметев был убит: 3.

Шигалей — царь (der Kasanske—Kasansche Keiser Cercigalia, Corcigallea, Corzigalea) — руссифицированное имя Шах-Али (1506—1567) предшественника последнего казанского царя Едигея. Его кандидатура на казанский престол поддерживалась Москвой. После взятия Казани был пожалован Касимовым (а не Звенигородом, как утверждает автор), где и умер. В начале Ливонской кампании считался верховным главнокомандующим русских войск: 37 об., 50, 52 об., 62 об.

Шиллинг Катерина — немка-знахарка; Грозный вызывал ее на Москву к своей больной жене, видимо, Анастасии Романовне: 80.

Шрётер Иоахим — был в Дерпте, когда автор переходил московский рубеж в 1564 г.; к нему автор предварительно писал письмо: 72.

Штаден Андрей Володимирович (Andre Wolodmierowiz) — имя автора в Московии. „Вичем“ он был пожалован в 1570 г.: 87, 88 об., 92 об.

Штаден Бернгард — родной брат автора, в конце 70-х годов пастор в Уэнтропе и викарий в Алене: 70.

Штаден Вальтер младший — двоюродный брат автора: 70.

Штаден Вальтер старший — отец автора: 70.

Штаден Генрих — 2, 12 об., 48 об., 66 об., 68 об., 69—97.

Штаден Екатерина, урожденная Оссенбах, мать автора: 70.

Шуйский Петр, князь (Petrsusky)—московский боярин и воевода, убитый в битве 1564 г. В обмен на его тело Довойне было позволено (1567 г.) вывезти за рубеж тело своей жены Петрониллы Радзивилл: 3.

Эверт Бременский — выезжий немчин, был на службе у автора—приказчиком в его поместье: 79.

Эльферфельд Каспар — служилый немчин при дворе Грозного, за что-то заключенный в тюрьму и умерший в заключении от чумы (1571 г.?). Вряд ли справедливо высказанное в литературе отожествление Каспара Эльферфельда с Каспаром Виттенбергом: 73—76.

Юнге Георг — приказчик в имениях жены Боккорста, по этой должности предшественник автора: 71.

Яков лифляндец — слуга автора: 82 об.

Указатель анонимов.

Великая княгиня (die Grosfurstin) — первая жена Ивана Грозного Анастасия Романовна, умершая в 1560 г. С ее смертью связали обычную в то время легенду об отравлении; этой легенде Грозный верил, кажется, вполне искренно: 80.

Граф Эмденский: 96.

Дочь князя Владимира Андреевича Старицкого, жена герцога Магнуса — Мария Владимировна. 13-и лет от роду была выдана замуж за 23-летнего герцога Магнуса. „Достаточно яблока и немного сахару, чтобы она оставалась спокойной", писал о ней тогда брат ее мужа. В царствование Федора по смерти Магнуса она была вызвана на Москву и насильственно пострижена в монастырь. Умерла в начале XVII века: 11 об., 48 об., 73.

Жена Довойны — по имени Петронилла Радзивилл; взята в плен в 1563 г. вместе с мужем. Умерла в Москве в 1563—67 г.: 28 об.

Княгиня (die Furstin) великого князя — видимо, Анна Алексеевна Колтовская, четвертая жена Грозного (1572—1575). Пострижена насильственно в монахини. Одно время жила в Горицком Воскресенском монастыре на Белоозере. Умерла в 1626—27 г.: 55 об., 61 об.

Княгиня (die Furstin) великого князя — Мария Темгрюковна, вторая жена Грозного (21 авг. 1561 г.), дочь Черкасского князя Темгрюка. Как иноземка, не пользовалась любовью русских. Умерла в 1569 г.: 9 об., 40, 52 об.

Княгиня (die Furstin) царевича — видимо, Параскева Солова, вторая жена старшего сына Грозного Ивана Ивановича; первая — Евдокия Сабурова была насильственно пострижена в монахини в 1571 г. Параскева также была заключена в один из белозерских монастырей (Горицкий Воскресенский?): 55 об., 61 об.

Король датский — Фридрих II (1574—1583): 58, 59, 66.

Королева английская и шотландская — Елизавета (1558—1603): 23, 28 об., 54 об., 66.

Митрополит (der Babst) — имеется в виду митрополит Кирилл, преемник митрополита Филиппа с 1569 г.; до того архимандрит Троицкой Лавры: 14.

Наместник каргопольский — трудно определить его имя. В Каргополь он приехал из Везенберга, где в 1574 г. выдержал нападение шведского войска. Воеводой Везенберга в 1574 г. был князь Никита Иванович Кропоткин; но автор мог иметь в виду его предшественника — князя Данилу Приимкова: 42 об.—44.

Принц Оранский (Prinz von Uranien) — Вильгельм I Молчаливый (1533—1584), глава революционного движения северных нидерландских провинций (1567 г.). К осени 1577 г. политическая популярность Вильгельма была особенно значительна. Умер на посту штатгальтера семи северных провинций от руки убийцы Бальтазара Жерара: 58.

Султан турецкий (der turkische Keiser) — или Селим II (1566—1574):

35 об., 89 об., или Мурад III (1574—1595): 50 об., 51 об., 52 об., 67, 67 об.

Сын старший великого князя (der eldeste Sohn)—Иван Иванович (1554 — 19 ноября 1582 г.). Был убит своим отцом по мотивам неизвестным: семейным (Поссевин) или политическим (Псковская летопись и Гейденштейн; Одерборн и Петрей): 12 об., 61 об.

Сыновья великого князя (die beide Söhne)—Иван Иванович и Федор Иванович—дети первой жены Грозного Анастасии. Федор — младший сын (1557); последний из Рюриковичей на царском престоле (1584—1598): 50 об., 51 об., 64.

Царь Астраханский (der Astrocanische Keiser)—Ямгурчей, преемник Дербыш-Али, ставленника Москвы; бежал в Азов при появлении московского войска под начальством кн. Александра Вяземского (1554 г.): 37 об.

Шах персидский (der Kunig in Persia)—Тахмасп (1524—1586 г.). В последние годы его жизни на престоле сменялись его сыновья: Хейдер (1576 г.), Исмаил II (1576—77) и Мохаммед Ходабенде (1577—86 г.): 66.

Incognita:

1. Depelenski (Deplenski) knesi—старицкий помещик и вотчинник. Может быть, князь Оболенский: 48 об., 77.

2. Peter Suisse и, видимо, то же лицо скрыто под именем Peter Zeuze.—Может быть, Петр Щеня, последний из рода Щенятевых, земский боярин и воевода 40—60 годов. Казнен в 1568 г. О казни его говорит Курбский. Таубе и Крузе упоминают о казни Peter Santzen: 21 об., 76 об.

II. Указатель географический.

Аа (Оска!)—ливонская река, „Говья“ русских источников: 49 об., 73 об.

Александрова слобода (Slaboda Alexandry, Alexandre, Alexandri) — столица „опричной“ части Московского государства при Грозном, ныне уездный город Влад. губ. 10 об., 13 об., 14, 16, 16 об., 21 об., 49, 52, 57, 61 об., 87, 91 об.

Алексин (Alexein)—ныне уездный город Тульской губ.: 49.

Ален — вестфальский город; родина автора: 70, 70 об.

Амеланд (Amlant) — остров, ныне полуостров нидерландской провинции Вест-Фрисландии: 95 об.

Америка. — В поисках кружного пути в Индию—прямой был перехвачен турками — европейцы в 1492 г. напали на материк, сказочные богатства которого создали легенду о земном рае и вызвали на европейском материке экономическую революцию. Борьба за пути в Америку и американские богатства велась в течение всего XVI и XVII веков с переменным успехом: 66.

Ангальт—западно-германское герцогство, объединившееся в 1561—70 гг.: 92 об.

Англия (Engeland): 47 об.

Антверпен (Andorf, Antorf) — голландский город; в XVI—XVII вв. центр мировой торговли, сменивший в этой роли фламандский Брюгге и позже сраженный ударами Англии (1651 г.) и Франции (1655 г.): 56, 58 об., 95 об.

Арбат (Orbatta)—московская улица, бывшая в опричнине: 21 об.

Астрахань (Astrocan)—татарское ханство, присоединенное к Москве в 1556 г.; предпоследнему астраханскому царю Дербыш-Али был дан в кормление Звенигород: 12, 37—39, 40 об., 49, 50, 52 об., 63, 65.

Ашерслебен—саксонский город: 87 об.

Балахна (Bolachna) — ныне уездный город Нижегородской губ.: 49.

Бекум (Becken) — город в Вестфалии: 70.

Белев (Beleue) — ныне уездный город Тульской губ.: 49 об.

Белое море (Westsehe!): 44.

Белоозеро (Bila Osora, Osorra)—город на южном берегу озера того же имени, на территории нынешней Череповецкой губ.: 55 об., 56, 61 об.

Белозерский уезд (das Gebeude Billa Osorra)—ныне Череповецкой губ.: 44.

Берген — западно-норвежский город и прекрасная гавань, важнейшая по отпускной торговле Норвегии: 59.

Бойна (Bouna)—река, западная граница Ржевского уезда: 50.

Болвановка (Bolwan, Bolwanne)—московская слобода по левому берегу

р. Яузы, заселенная иноземцами; другая слобода того же названия была в Замоскворечье: 45, 57 об., 63.

Буртнек (Bortmeck) — ливонский город на берегу одноименного озера к северу от Вольмара: 71 об.

Бремен — член ганзейского союза; с XIV в. вольный имперский город: 56, 58, 59.

Бриль — нидерландский город на одном из островов Зееландии: 58 об.

Бухара (Bugaria)—среднеазиатское ханство; с набегом узбеков (около 1500 г.) утрачивает следы своего былого величия: 39 об., 40.

Вардегуз (Bordehaus) — остров в Северном Ледовитом океане на восток от Нордкапа; во времена Грозного был укреплен датчанами: 53 об.

Варендорф—вестфальский город: 70.

Варзуга река (Warsoga rever) — лапландская река на Терском берегу (ныне Мурманской губ.); впадает в Белое море: 54.

Везенберг (Wesenburg, Weissenburgk) — в русских источниках „Ракобор" — ливонский город, взят русскими в начале ливонской кампании; в начале 1574 г. шведские войска пытались его взять, но безуспешно. В марте 1581 г. был взят шведами под начальством Делагарди: 39, 42, 42 об.

Вейссенштейн (Wittenstein) — „Пайда" — ливонский город. Осажден самим Грозным в декабре 1572 г., взят 1 янв. 1573 г. При осаде города был убит Малюта Скуратов: 21 об.

Великие Луки (Welikiluka)—ныне уездный город Псковской губ.; в 1580—82 гг. был в руках Стефана Батория: 50.

Великое поле (Welina) — ныне м. Великополье Смоленской губ.: 50.

Венден — „Кесь" — ливонский город, неподалеку от р. Аа; член ганзейского союза, оживленно торговал с русскими. Взятый Магнусом, город был осажден Грозным 31 авг. 1577 г. Защитники замка, выдав Магнуса по требованию царя, сами отказались от сдачи и взорвали цитадель 5 сент. 1577 г. В ноябре того же года польские войска взяли город обратно. Русские безуспешно осаждали его осенью 1578 г.: 49 об.

Вестзея—„Западное море". Автор разумеет или Балтийское море, или западную часть Северного Ледовитого океана: 19 об., 55, 59 об.

Вильна (Wilda, Wilde) — столица Литвы: 12 об., 41 об.

Вирландия (Wewrlant)—ливонская область с городом Нарва: 79.

Витебск (Vitebeck)—литовско-русский город, был осажден и выжжен русскими 27 сент. 1568 г. Взят русскими лишь в 1654 г.: 49.

Владимир (Wolodmar, Wolodimer) — ныне губернский центр одноименной губ.: 11 об., 12, 77.

Волга (Wolga, Wolgoda!): 14 об., 23, 37, 37 об., 48 об., 49, 56, 57 об., 61 об.

Вологда (Wolgoda, Wolgada) — ныне губернский город; в 70-х годах XVI в. с обострением дел на ливонском фронте уходит в опричнину, укрепляется и готовится играть роль поморского центра: 12, 44, 55 об., 56 об., 61.

Вологодский уезд (das Gebiete Wolgada): 44.

Волок Ламский (Wollok lamsky, Wolock lansky) — ныне уездный город Московской губ.: 50, 62 об.

Вольгартен — ливонский замок: 71.

Вольмар (Wolmar, Walmer) — „Вышгород" — ливонский город на р. Аа. Грозный взял его в сентябре 1577 г. и оттуда разослал за рубеж письма своим изменникам — кн. Курбскому и Тетерину: 49 об., 71, 17 об.

Воробьево (Varobrofa) — подмосковное дворцовое село: 82 об.

Выборг (Wiburg) — в XVI в. торго-

вый центр герцогства Финляндского; стапельный пункт и конкурент Нарвы: 50.

Вязьма (Wesma) — ныне уездный город Смоленской губ.: 50.

Гальберштадт — округ и город прусской Саксонии: 87 об.

Гален — город в Вестфалии в 7 милях от Алена: 70.

Гамбург — член ганзейского союза, с 1510 г. вольный имперский город: 56, 58, 58 об.

Гамм (Hane) — город в Вестфалии: 70.

Ганза или поморские города (Hanse oder Sehestete)—союз поморских немецких городов, имевший в XIV — XVI вв. крупное торговое и политическое значение. Перемещение торговых путей из Средиземного моря в Атлантику (начало XVI в.) положило предел дальнейшему росту союза. Торговое соперничество западных и восточных ганзейских городов и Ганзы с Данией и ливонскими городами довершило процесс распада Ганзы (XVI—XVII вв.): 58.

Гаррия (Hargen) — ливонская область; главный город Ревель: 79.

Гельмет — ливонский город; ныне Хермет: 71 об., 78 об.

Гертогенбош (Herzog Bosch) — главный город нидерландской провинции—Северного Брабанта: 96.

Голландия — нидерландская провинция и Республика Соединенных Нидерландов, в течение 80 лет ведших с Испанией борьбу за независимость (1567—1648 гг). Гентская пацификация 8 ноября 1576 г. объединила на некоторое время для этой борьбы северные и южные провинции, до того враждовавшие друг с другом: 56, 58 об., 95 об., 96.

Городецкой (Gorotky, Gwodenky) — ныне Бежецк, уездный город Тверской губ.: 17 об., 21 об.

Гохрозен — ливонский город к западу от Вольмара: 71 об.

Данциг (Danska)— ганзейский город, „северная Венеция“; с половины XV в. центр польской хлебной торговли и главный агент Голландии; независимый в своей политике как от Ганзы, так и от Польши, он столкнулся с последней в 1576 г., когда отказался признать польским королем вновь избранного Стефана Батория и поддерживал кандидатуру имп. Максимилиана II. Баторий осадил город в 1576 г. Данциг завел сношения с политическими врагами Польши — Москвой и крымским ханом. Получив московские „поминки“, хан во время Данцигской осады предпринимает опустошительный набег на Волынь и Подолию (1577 г.). Город сдался Баторию в декабре 1577 г. под условием контрибуции в 200 тысяч золотых: 41 об.

Двина Западная (Dune): 40 об., 48 об., 49.

Двина Северная (Dwina Rever, Revera Twina): 54 об., 56, 60.

Дерпт (Dorpte) — „Юрьев Ливонский“; русские занимали его с 1558 по 1582 г.: 11—12, 49, 71 об.—72 об., 77, 80.

Дикое поле (das wilde Felt) — так назывались степные пространства Поволжья (до присоединения Астрахани) и Подонья от Оки до Черноморья: 40 об., 49 об., 51.

Динабург (Duneburg) — „Невгин“ — ливонский город на Западной Двине. Взят русскими войсками в июне (—августе?) 1577 г. Отобран поляками обратно в ноябре того же 1577 г.: 49.

Динамюнде (Dunemunde) — „Усть-Двинск“: 49 об.

Дмитров (Demitroff) — ныне уездный город Московской губ. В XV в. крупный торговый центр: 56.

Дон Великий (der grosse Dona): 40 об., 49 об., 51,

Донец (der kleine Dona): 40 об., 49 об., 51.

Дорогобуж (Dorogobusa) — ныне уездный город Смоленской губ.: 50.

Дордрехт (?) (Dörtte) — приморский город в Зееландии. Но, может быть, „Дренте"?: 58 об.

Звенигород (Swinnigorrot, Swingorott) — ныне уездный город Московской губ. По взятии Астрахани был отдан в кормление астраханскому царю Дербыш-Али: 50, 62 об.

Зегевольд (Sewolt) — ливонский замок, выше Кремона по р. Аа: 49 об.

Зееландия — одна из семи северных нидерландских провинций, входивших в состав Республики Соединенных Нидерландов: 56, 58 об.

Золотица — в Архангельской губ. несколько рек с таким названием, к востоку и к западу от Северной Двины, впадают в Белое Море: 54 об.

Изборск (Isburgk) — один из старинейших русских городов, псковский пригород, присоединенный к Москве в 1510 г. Благодаря своему пограничному положению часто подвергался набегам с польско-литовской стороны. Таков между прочими был налет кн. Полубенского в 1569 г., вызвавший посылку в Литву гонца Мясоедова. В 1581 г. был взят поляками: 19—19 об.

Ильинское село (Hof Iliemsky) — подмосковный ям по дороге на Волоколамск, ныне село Звенигородского уезда: 50.

Империя (Священная Римская) (das heilige römische Reich): 13, 41—41 об., 63 об., 65—66, 73 об.

Исландия — остров на границе Северного Ледовитого и Атлантического океанов: 59.

Испания — времен Филиппа II (1556—1598) включала в свои границы Нидерланды, Милан, Неаполь, Сицилию и Сардинию; с 1580 г. и Португалию: 56, 58, 66.

Казань (Kasanen, Kasaner Land) — татарское ханство, присоединенное к Москве в 1552 г.: 12, 37—39, 40 об., 49, 50—52 об., 62 об., 63.

Калуга (Boluga): 49.

Кандалакша (Kandaloss revira) — Кандалакская губа Белого моря: 54.

Каргополь (Karkapolla, Karcapola, Karkopola, Karkabolla, Karkapola) — ныне уездный город Вологодской губ.: 42 об.—44, 55 об., 60—61, 73 об.

Карелия (Karelen) — финляндская область (г. Выборг), пограничная с Новгородскими владениями: 44, 50.

Каринское, -ая, -ий (?) (Karinsky) — село — деревня — ям (?) к северу от Москвы на Александров: 13 об., 21 об.

Каркус — ливонский город; в 1562 г. вместе с Гельметом, Руеном, Эрмесом, Трикатеном и Буртнеком был запродан Сигизмундом II Августом герцогу финляндскому Иоанну: 71 об.

Каспийское море (mare Caspium): 49, 55, 56, 57 об., 65.

Кашин (Kassma) — ныне уездный город Тверской губ.: 11 об.

Кемь (Kem) — река, впадающая в Белое море, и одноименный посад; ныне город Карельской трудовой коммуны. Кемская волость в начале XV в. принадлежала Марфе Борецкой, новгородской посаднице, и была пожертвована ею в 1450 г. Соловецкому монастырю. Судя по документам Кемской ратуши 1727 г., Кемь дважды подвергалась нападению шведов — в 1579 и 1590 гг.: 54 об.

Кереть (Kirret) — река, впадающая в Кандалакскую губу Белого моря, и на ней одноименный посад. Керетская волость славилась своими слюдяными разработками: 54.

Кённерн (Könneren) — немецкий город герцогства Ангальт: 92 об.

Киев (Kiehof) — в XIV в. отошел под власть Литвы; с 1569 г. — главный город одного из малопольских воеводств. По Андрусовскому пере-

мирию 1667 г. уступлен Москве на один год, по миру 1686 года окончательно оторвался от Польши: 39 об., 40 об.

Кий остров (Kie-Ostrow, Kihe Ostrow) — остров в Онежской губе Белого моря: 55, 60.

Кильдин остров (Fildin, Kalden Ostroff) — остров у Мурманского берега в Ледовитом океане: 53 об., 59 об.

Кимры (Kunmar) — ныне город Тверской губ.: 49.

Кирхгольм (Kirnhelm) — ливонский город на Западной Двине под Ригой. Разрушен Грозным в поход 1577 г.: 49.

Клин (Klin) — ныне уездный город Московской губ.: 33.

Клинский лес (Klin): 33.

Ковно (Kowen): 73 об.

Кокенгаузен — ливонский город, взятый Грозным в конце августа 1577 г.

Кола залив — посад — река (Cola, Kola—Flecke, Revera, Haffe) — на Мурманском берегу; в 1574 г. острог с уездом были описаны из Новгородской чети; с 1582 г.—русский административный центр Лапландии; в 1590 г. был осажден шведами: 53 об., 59 об., 65, 95.

Коломенское (Kolmensky, Colomenski) — подмосковное дворцовое село и дворец Грозного: 30, 62 об.

Коломна (Kolumna) — ныне уездный город Московской губ.: 62 об.

Конские (?) воды (Anetzky Woddi) левый приток Днепра: 49 об.

Корчева (Kasoma) — ныне уездный город Тверской губ.: 49.

Кострома (Kastrom, Castrom): 11 об., 49.

Красное село (Hof Crosna) — в Старицком уезде; может быть, нынешнее село „Красное“ в Братковской волости: 77.

Крейцбург — ливонский замок на Западной Двине: 49.

Кремон (Krumen) — ливонский замок в низовьях р. Аа: 49 об.

Крым (Krimmen) — татарское ханство, с XV в. управлявшееся династией Гиреев; современниками Грозного были: Девлет-Гирей (1551 — 1577) и Магомет-Гирей II Жирный (1577—1584). Присоединен к России в 1783 г.; 30 об., 35—36, 39—39 об., 51—52 об.

Ладожское озеро (Ladenske Osorra): 16.

Лампожня (Lamposs) — ныне селение Архангельской губ., на правом берегу р. Мезени, в 17 верстах выше Мезени-города; торговый пункт, упомянутый впервые в жалованной грамоте царя Ивана самоедам: „да те же самоеды приезжали на Лампожню торговати с русскими и ставися на Усть-Мезени“ (1545 г.): 55.

Лапландия — естественные богатства страны (меха и рыба) издавна привлекали внимание норвежцев и датчан, с одной стороны, и русских (новгородцев) — с другой. С присоединением Новгорода к Москве лапландская колонизация усиливается; в ней принимают участие крупнейшие монастыри севера (Кириллов, Соловецкий) и богатый торгово-промышленный дом Строгановых. Потерпев поражение на литовском и ливонском фронте, Грозный переносит свое внимание на Поморье. Параллельно с укреплением Подвинья создается военно-административный центр в Коле (1582 г.); к концу 70-х годов в Лапландию устремляется шведская колонизация, порождавшая военные столкновения с русскими (1579, 1590): 53 об., 54, 59 об., 65, 95.

Лейпциг — главный город Саксонии; старинный, мирового значения центр меховой торговли: 23 об., 95 об.

Литва (Litauwen, Litauen, Littauen) — объединение Литвы и Польши, подготовлявшееся с XIV в., осуществилось к XVI в.: по Люблинской унии 1569 г.

из королевства Польского и великого княжества Литовского образовалась единая Речь Посполитая: 12 об., 13 об., 22 об., 39 об.—41 об., 47, 50, 51 об., 52, 73 об.

Лифляндия (Liffland, Liflant, Leifland) — одна из остзейских провинций, входивших в состав ливонского ордена; после распада последнего (1562 г.) и до 1625 г. была под властью Польши. К августу 1577 г. почти вся Лифляндия, если не считать Риги и некоторых приморских замков, была захвачена русскими войсками. С 1625 по 1710 гг. ею владела Швеция: 11—15, 19—22 об., 40—42 об., 49 об., 52, 57 об.—63, 64 об., 69 об., 70 об., 72—73 об., 75, 78 об., 80—82, 93, 97.

Любек (Leubigk, Lubeck, Lubick) — с XIII в. вольный имперский город, глава ганзейского союза, в XV в. играет крупную политическую роль. С конца XV в. начинается период его упадка параллельно с общим распадом Ганзы: 58, 70 об., 93 об.

Любим (Lubelin, Labin) — ныне уездный город Ярославской губ.: 13, 49.

Люцельштейн — эльзасский город в Вогезах; резиденция пфальцграфа Георга Ганса графа Фельденцского: 96 об.

Мангазея (Mungosia) — ныне урочище Туруханского края. Русский город того же имени был основан в 1601 г.: 40, 41 об.

Мариенбург — „Алыст“—ливонский город, взят Грозным 16 июля 1577 г.: 19 об.

Мезень река (Mesen Revera)—впадает в Мезенскую губу Белого моря: 55.

Меллупёнен (Mellepen) — ливонский город: 71.

Молога (Mologa) — левый приток Волги: 49.

Монастыри:

Девичий (Jungfrauwenkloster) — основан под Москвой в 1524 г.; выжжен татарами в набег 1571 г.: 57 об., 62 об.

Девичий (Jungfrauwenkloster) — Горицкий Воскресенский в Кирилловском уезде, Череповецкой губ.: 55 об., 61 об.

Иосифов (das Closter Oscepowa, Osebowa) — основан в конце XV в. в нынешнем Волоколамском уезде, Московской губ.: 50, 62 об.

Кириллов (Kirila Monastir, Kiriola)—основан в 1397 г. в нынешнем Кирилловском уезде, Череповецкой г. Под стенами монастыря, имевшего крупное военное значение в защите Поморья, вырастает посад того же имени, теперь уездный город: 55 об., 61 об.

Никольский (Kloster Nicola) — Николаевский Карельский, ныне Архангельской губ., на юго-восточном берегу Двинской губы. Время основания неизвестно. В 1419 г. монастырь, как оплот новгородской колонизации Поморья, был разрушен норвежскими пиратами и промышленниками: 54 об.

Печенгский (Pettsenia)—в устье р. Печенги в Лапландии. Время основания его точно неизвестно; приблизительно — 50-е годы XVI в. Сильный форт на датско-норвежской границе и предмет постоянных дипломатических, иногда военных распрей Москвы и Дании. Разрушен шведами в 1589 г.: 53.

Соловецкий (Scaloska, Solowka, Solovka)—основан на островах Белого моря в 1429 г. С конца XVI в. приобретает крупное военное значение, как пограничная крепость: 40, 54, 59 об.

Тихвинский Пречистой (Closter Procista Uffina)—иначе Большой Богородицкий, нынешней Череповецкой губ. Отстроен Грозным в 1560 г. в качестве военного оплота русской колонизации в Ингрии и Карелии: 50.

Троицкий (Trorosa, Troieza) —

в нынешнем Дмитровском уезде, Московской губернии. Основан в половине XIV в. С 1561 г. — первый русский монастырь-лавра: 57, 61 об.

Москва:

Московское государство (Moscau, die Moscawsken Steten oder Bereitungen): автор имеет в виду границы 1564—1580 гг.: от Озерища до Пустоозера и от Колы до Астрахани. В 1580 г. Озерище отошло к Польше: 2, 8 об., 80. См. также „Русская земля".

Москва — город (в общем значении слова) (Stadt, Stat Moscau, Moscauw, Muscau, Muscaw, Moscaw, Musca): 3, 4, 10 об. — 52 об., 56 — 57, 60 об., 62 об., 63 — 67, 69 об., 72 — 73, 75—87, 91 — 93, 96 об.

Китай — город (Stadt): 18, 25 об., 28—29 об., 30.

Кремль (Schloss): 18, 25 об., 26—28, 30, 33 об.

Опричный двор (Aprisna)—на правом берегу р. Неглинной, против Кремля; выстроен в 1565 г. на площади в 16900 кв. саж., т. е. примерно в 7 десятин. Выгорел в пожар 1571 г. Описание, сделанное автором, является первым и единственным в литературе: 30, 31—33, 33 об.

Слободы московские (Umbliegende Vorstetten, Slaboden): 18. 25 об., 29—30, 33 об., 63. См. также — „Болвановка", „Наливки".

Москва — река (Moscoubach): 26.

Мюнстер — город в Вестфалии: 70.

Наливки (Naliffky, Nalika) — московская иноземцова слобода XVI—XVII вв.; название, сохранившееся доселе в названии замоскворецких переулков (Наливковский) и церкви (Спаса в Наливках): 41, 76 об.

Нарва (Narva, Narve)—„Ругодив"—город при р. Нарове, основан датчанами в XIII в., с 1347 по 1558 гг. принадлежал ливонскому ордену, в 1558—81 гг.—Москве, с 1581 по 1704 гг. — Швеции: 11—11 об.. 15 об., 22 об., 42 об., 96.

Неглинная (Neglinna) — река, левый приток Москвы: 11 об., 18 об., 25 об., 27 об., 29 об., 57 об., 78.

Немецкая земля (Deutschland): 40 об., 41 об., 56, 59, 69 об., 71 об., 73, 76 об., 96. См. Империя (Священная Римская).

Нименга (Nimmenga) — река, впадающая в Онежскую губу, и одноименный посад. Одноименные озеро и река встречаются в нынешнем Каргопольском уезде: 54 об.

Новгород Великий (Grosneuwgarten, Neugarten, Nauwgarten, Neuggarten, Naugarten) — присоединен Москвой в 1478 г. В 1570 г. в связи с неудачами Ревельской осады в Новгороде была произведена конфискация церковных и монастырских богатств и произведено повторное испомещение опричников: 12, 15, 16 об., 33, 36, 50, 53 об., 57, 85 об.

Новгород Нижний (Nisni Nauwgarten, Neuggarten): 12. 49.

Новое село (Hof Nova) — Старицкого уезда. В нынешнем Старицком уезде с. Новое встречается трижды — в Братковской, Дарской и Иверовской волостях: 77, 87, 92.

Норвегия — со времен Кальмарской унии 1397 г. была связана с Данией личной унией; с 1536 г. обращена в датскую провинцию: 39 об., 53 об., 58, 59, 61, 95 об.

Нотебург (Noteberg) — шведское название Орешка-Шлиссельбурга: 50.

Нотозеро (Norbodden) — лапландское озеро современной Мурманской губ., исток р. Туломы, защищавшей Колу с запада: 59 об.

Озерище (Osoriza) — литовско-русский город, взят московскими войсками в ноябре 1564 г., отобран Баторием в 1580 г.: 65.

Ока (Ocka) — правый приток Волги: 34 об., 40, 49 об., 51, 57 об., 93 об., 94.

Онега — город (Anega Hoff): 55.

Онега — река (Agniga, Annega, Anega-Rever, Revir, Revera): 44, 54 об.— 56, 58 об., 60, 61.

Остфрисландия — северно-нидерландская провинция: 96, 96 об.

Остзея (Ostsehe)—Балтийское море: 13, 55.

Паткуль (Patkul) — ливонский замок: 71.

Переяславль Залесский (Pereslaw Solieski, Perosloff) — ныне уездный город Владимирской губ.: 57, 83.

Пермь Великая (Felika Perma) — северо-восточная область Московского государства от Устюга и Вологды до Уральского хребта. Присоединена к Москве в 1472 г. Главными колонизаторами ее были торговые и промышленные люди — преемники новгородских ушкуйников. Из их среды выделялась семья Строгановых: 53 об.

Персия (Persia): 23, 39 об., 40, 66.

Кизильбаши (Kiselbasen, Kisselbassen): 39 об., 40.

— Персия XVI в. терпит жестокие удары турок; в 1513 г. турки взяли Западную Армению и Месопотамию; в 1585 г. — Азербайджан. По восточной границе персы воюют с узбеками Бухары. Торговля с Персией и через Персию с востоком очень интересовала западно-европейских купцов, в частности англичан, снарядивших туда экспедицию Дженкинсона в 1557 г.

Петерсгаген — немецкие города с этим названием встречаются в Померании, восточной Пруссии и около Миндена в Вестфалии. Автор имеет в виду последний?: 73.

Полоцк (Poloka, Pollocka, Polozka, Polotka, Pollozk, Kolezka, Bolozka) — литовско-русский город; отошел к Москве в 1563 г., обратно взят войсками Батория в 1579 г.: 11, 12, 28 об., 40 об., 49, 65, 77, 79.

Польша (Polen): 11, 22 об., 39 об., 40, 41, 41 об., 50, 51 об., 52, 58, 63, 65, 67 об., 72 об., 73.

Поморье (Secant, Seekant, Sekant, Sehekant) — побережье Северного Ледовитого океана и территория современной Архангельской, Мурманской губерний и Карельской Трудовой Коммуны: 43 об., 44, 54 об., 58 об., 60—61, 68, 73 об., 95 об., 96.

Поморье Западное (Westsehcant) — северные норвежские берега и Мурманский берег: 39 об., 44.

Порог (Holm) — город в низовьях Онеги: 60, 60 об.

Порхов (Porgawa, Porgeua) — ныне уездный город Псковской губ.: 12, 50.

Пречистое (Presista, Precista) — село в низовьях р. Онеги: 55, 60.

Псков (Pleskaw, Pleskauw, Pleskau, Pleskow) — пограничная русская крепость XVI — XVII вв. Баторий безуспешно осаждал ее в 1581 году: 12, 15 об., 16, 47 об., 57, 85 об.

Пустозерск (Pusta Ossorra, Busta Osorra, Osora, Totusta Osorra) — ныне город Архангельской губ., в свое время игравший роль в русско-самоедской и сибирской торговле. Острог срублен в 1499 г. Описан из Новгородской чети в 1574 г.: 41 об., 55, 65, 85 об.

Ревель (Revel) — ныне столица Эстонии. Город, выкупленный от датчан орденом меченосцев, создал свое благополучие морской торговлей с Данцигом, Любеком, Брюгге и Антверпеном и сухопутной — с Новгородом и Псковом. Усилился с закрытием немецкого двора в Новгороде (1494 г.) и стал крупным складочным пунктом. В момент распада Ливонского ордена в 1561 г. принес присягу шведскому королю и оставался за шведами до 1710 г. Грозный неудачно осаждал его в 1570 — 1571, 1575 и 1577 гг.: 13, 23 об.

Рейн: 64.

Реме (Rehma) — ныне Rehme (?), вестфальский город в округе Мюнстер: 95 об.

Ржева Володимирова (Ersowa Wolodmarae, Wolodmera, Ersova Welodimerw) — ныне Ржев, уездный город Тверской губ.: 48 об., 50, 81 об.

Рига — ныне столица Латвии; город, основанный в 1201 году, вырос на морской и речной торговле с немецкими и русскими городами; член Ганзы. С распадом ливонского ордена в 1561 г. вступил в личную унию с Польшей: в 1581 г. вошел в состав Речи Посполитой: 12 об.—13 об., 47 об., 49, 49 об., 70 об., 71 об., 80 об.

Рим: 42.

Романов (Romanow) — ныне уездный город Ярославской губ.: 49.

Ростов (Rostow, Rostauw) — „Великий" — ныне уездный город Ярославской губ.: 12, 30, 56 об.

Руян (Rugien) — „Руян" — ливонский город, взятый русскими в 1559 г.: 71 об.

Русская земля (Rusland, Ruslant, Reussland, Reusland, Reuslant, das Land): 3, 11, 18 об., 19, 21, 34 — 35 об., 36 об., 39—42 об., 47, 50 об., 51 об., 60, 62, 64 об., 65, 65 об., 66, 67, 96 об. См. „Московское государство".

Рыбная слобода (Ribena-Ribna Slobada) — ныне Рыбинск, Ярославской губ.: 49, 95.

Рязань (Resanen): 12.

Рязанская земля (Resannerlant, Resamerland): 30 об., 49 об., 51, 51 об., 52 об., 65 об.

Самоеды (Samageden, Samaieder, Samayedern, Samayedden, Samogetern): 40, 41 об., 55, 56, 65, 86.

Свияжск (Swieyska, Swiska) — город, поставленный Грозным в 1551 г. для захвата татарского Поволжья. Ныне кантональный центр Татарской Республики: 37 об., 49.

Серпухов (Serpucha, Sarbuchia, Starpuga) — ныне уездный город Московской губ.: 34 об., 36, 49 об.

Сибирь (Scibirien) — во времена Грозного так называлось татарское ханство в пределах нынешней Тобольской губ. С русской стороны с ними воевали Строгановы, которые и захватили Сибирь при хане Кучуме, послав на него казацкий отряд под начальством Ермака (1584): 23, 56.

Смоленск (Smalensky): 50.

Соль Вычегодская (Uschel Wissowska) — ныне уездный город Северо-Двинской губ.: 53 об.

Спицина (Spicina) — подмосковная деревня, проданная Иоганну Таубе из дворцового фонда; была приписана к дворцовому селу Воробьеву: 82 об.

Сретенская улица (Stredens Kenliza) — московская улица на север от Кремля; правильнее чтение: „Stredenske uliza": 77 об.

Старица (Staritt, Stariz, Staritte, Starriz) — ныне посад Тверской губ. В свое время центр удельного княжества; взят в опричнину в 1566 г.; во время ливонской кампании в 70-х — 80-х годах играл роль царской ставки: 48 об., 50, 76 об., 87, 91.

Старицкий уезд (Gebiet Starriz, Stariz): 90, 94 об.

Суздаль (Susdal) — ныне уездный город Владимирской губ.: 12.

Сума (Summa) — река или посад (Revir oder offen Fleck). Река впадает в Онежскую губу; на обоих ее берегах расположен Сумской посад, укрепленный острогом лишь около 1582 г.: 54 об.

Схидам (Scedam, Schedan) — нидерландский приморский город: 58 об., 95. Но, может быть, „Scheda" — вестфальская деревня?

Тарваст (Teruest) — ливонский замок: 19 об.

Татары (Tatern, Tartern): 49 об., 82 об.

Татары казанские и астраханские (Tatern Kasansken und Astrokansken): 53, 67.

Татары нагайские (Tatern Nageyer, die nageyschen Tatern, Nageyer, Nageyen, Nageier) — потомки золотоордынских татар, кочевавшие в заволжских степях; так называемые „большие нагаи“: 23, 39 об., 40, 50, 52, 52 об., 53, 67.

Татары пятигорские и черкасские (Pedigorsken Tateren, Taderen Scirkansin, Datern Scircassen) — потомки Золотой орды, объединившиеся в Кубанскую орду; так называемые „малые нагаи“: 23, 47, 51 об.

Тахчея (Tochsea, Tachzea)—зауральская область, входившая в состав Сибирского ханства; упоминается в грамоте 1574 г.; позже упоминаний не встречается. Ср. Tachnin у Герберштейна: 40, 42.

Тверь (Otwar, Otwer, Otvar, Ottwer): 12, 14 об., 33, 49. 57.

Терский нос (Terskanoss) — юго-восточный берег Лапландии, иначе „Терский берег“ или „Тре“ русских летописей: 54.

Тес(ь)мино (Fesnino) — село Старицкого уезда, нынешней Трезубской волости; первое поместье автора: 73.

Торжок (Torsock, Torsoch, Dorsagk) — ныне уездный город Тверской губ.: 14 об., 48 об., 57.

Торопец (Toropez) — ныне уездный город Псковской губ.: 48 об., 49, 50.

Трейден (Triden, Treyden) — ливонский замок; выше Зегевольда по р. Аа: 49 об., 73 об.

Трикатен (Tricaten) — ливонский замок; в 1562 г. был продан польским королем Сигизмундом II Августом герцогу финляндскому Иоанну; 10 сентября 1577 г. взят московским царем: 71 об.

Тула (Tula) — с 50-х годов XVI в. первостепенная крепость на южном крымском фронте: 49 об.

Турция (der Turke = Турок) — в 1453 г. закрепляется в Константинополе; к 1553 г. — величайшая мировая держава от Гибралтара до Индийского океана. Первый удар ее могуществу был нанесен венецианско-испанским флотом при Лепанто в 1571 г. В 70-х—80-х годах успешно ведет войну с Персией: 39 об., 40 об.

Турчасов (Tursessa) — ныне уездный город Архангельской губ. Впервые упоминается в грамоте 1536 г. Турчасовцы „ездили к морю соли купити“ и возили ее в Каргополь. К 1590 г. относится попытка шведов захватить Турчасов: 55, 60 об.

Углич (Ugoliz, Ugeliz) — ныне уездный город Ярославской губ.: 11 об., 49, 56 об.

Улусы (Blussy, Vlussi) черемисские см. Черемисы: 6, 52 об.

Умба река (Umba Rever) — впадает в Белое море; течет по территории нынешней Мурманской губ.: 54.

Устье (Ustia) — посад в устье р. Шексны: 56 об., 61 об.

Уэнтроп (Untrop) — город в Вестфалии: 70.

Феллин (Velin) — „Вильян“ — ливонский город, взят русскими в 1560 г. Из города уведен в плен „старый“ (бывший) ливонский магистр Вильгельм Фюрстенберг: 11, 11 об., 19 об., 27 об.

Финляндия (Finland) — во времена Грозного — шведское герцогство, с 1581 г. — великое княжество в составе Шведского королевства: 13.

Финмаркен (Tennemark) — норвежская Лапландия, населенная лопарями и финнами: 61.

Фландрия (Flandern)—нидерландская провинция. Во время нидерландской революции вместе с другими южными провинциями выступала на стороне Испании против провинций северных. Впервые союз нидерландского Юга и Севера был закреплен Гентской пацификацией 8 ноября 1576 г.: 95 об.

Франция (Frankreich): 56, 58.

Холмогоры (Kolmagorn, -gorrod, -gorey, -garri, Kolmogari, Kolmograd) — город на Северной Двине и центр поморской торговли; как новгородская колония, известен с 50-х годов XIV в., с 80-х годов XVI в. уступает свое торговое значение Архангельску: 23, 28 об., 54, 54 об., 59 об., 76, 85 об.

Холопий город (Gollopia) — город на р. Мологе, известный в XIV—XV вв. своей ярмаркой. Ярмарка выросла на стародавнем новгородско-владимирском рубеже и играла большую роль в европейско-азиатской торговле. Первый удар был нанесен ей при Иване III. Макарьевская и Нижегородская ярмарки были ее преемницами: 56.

Христианский мир (Christenheit), т. е. „Западная Европа" и в более тесном смысле слова „Священная Римская империя": 53, 58, 58 об., 59 об., 60, 64, 64 об., 87 об.

Цильма (der Bach aus Silma) — левый приток р. Печоры. Против устья — слободка Усть-Цильма: 55.

Черемисы луговые и нагорные (Lugawa Nagorn Seremissen, Luguwa Nagorny und Seremissen, Legowa Nagorin und Seremissen) — восточные финны, занимавшие правый („горный") и левый („луговой") берег Волги — территорию современной Марийской области: 6, 23, 38, 52 об.

Черкасская земля (Scirkassenland) — область Северного Кавказа, ныне Кабардинская и Черкесская автономные области, в древности протягивалась до побережий Черного моря, еще в 1502 г. доходила до Азовского моря. Позже под давлением татар границы Черкасской земли отходят к Кавказскому хребту. 50-е—70-е годы XVI в. — время борьбы русского и татарского влияния в Кабарде; первое торжествует в 1552 — 1572 гг., второе — в 1572—1578 гг., когда пятигорские и кабардинские князья были на службе у Крымского хана: 39 об.

Черная (Sorna) — подмосковный ям по новгородскому тракту, ныне деревня „Черная грязь": 14 об.

Черная река (Sorna Reka) — река Воронья, на Мурманском берегу: 54.

Черное море (Pontus Euxinus): 55

Швеция (Schwedenreich, Schweden): 22 об., 39 об.—40, 50, 52, 63, 72 об.

Шексна (Soxna) — левый приток Волги: 56, 56 об., 61 об., 73 об.

Шемаха (Scagwagen, Schamagna) — с давних времен центр шелковой и нефтяной торговли. С захватом Константинополя турками (1453 г.) падает итальянское (венецианско-генуэзское) влияние в Шемахе и параллельно возрастает русское. Русско-шемаханский торговый договор заключен в 1563 г. Свободного хода в Шемаху добиваются англичане и через шведов—голландцы. Ныне входит в состав Азербайджанской республики: 39 об., 40.

Штаден — вестфальский город в округе Мюнстер: 66 об., 68 об.—70 об., 73, 93.

Шуя Карельская (Sniga Karelska) — река нынешней Карельской Трудовой Коммуны, впадает в Белое море: 54 об.

Эльба: 64.

Эмбах (Encbach) — ливонская река под Дерптом, в 1558 г. ставшая ливонской границей Московского государства: 72.

Эмден (Emden, Embden) — нидерландское графство с одноименным городом: 56, 59, 96.

Эрмес (Ermis) — ливонский город, взят русскими в 1560 г.; в городе были взяты в плен Таубе и Крузе: 71 об.

Ярославль (Jeraslau, Geroslaw): 49, 57.

Яуза (Gausa) — левый приток Москва-реки: 57 об.

Incognita:

1. Glibena Tortclik—название московской улицы, соседней со Сретенской; может быть — „Лубянский переулок“: 77 об.

2. Hell — нидерландская река (?). Но, может быть, город Veghel на юго-восток от Гертогенбоша: 96.

3. Ilmen Osorra — озеро в Лапландии, в котором берет свое начало р. Кола. Но р. Кола изливается из одноименного озера — Коло. Может быть, автор имеет в виду—Имандра озеро малое. По книге Большого Чертежа, „за тем езером Имандром с полунощные страны и из иных озер неподалеку выгекла река Кола“: 59 об.

4. Jamme — название московской улицы или урочища, где помещался Кормовой или Сытенный двор Большого Дворца: 6 об., 73.

5. Karallen — ливонская мыза (замок?): 73 об.

6. Sieben Eilande. Если автор имеет в виду „Семь островов“, находящиеся у Мурманского берега, то в тексте Записок он помещает их не на месте: 54 об.

7. Udren — ливонская мыза (замок?): 71.

8. Una Nunnuy. Если автор разумеет „Уну и Неноксу“ — реки и одноименные посады в Двинской губе Белого моря — „места соловаренные“, позже известные, как „Унское и Ненокское усолья“, то в тексте Записок он помещает их не на месте. Может быть, „Nunnuy“ — „Немьюга“?: 54 об.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

III. Библиографический указатель.

I. Вступительная статья основана на следующих источниках и пособиях:

Акты Копенгагенского архива, относящиеся к русской истории. Том I: 1326—1569 гг. II: 1570—1576 (Чтения в О-ве Ист. и Др. Росс. 1915, кн. IV; 1916, кн. II).

Акты (Русские) Копенгагенского Государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым (Русская Истор. Библиотека, том XVI).

Архив (Датский). Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326—1690 гг. Сообщ. Ю. Щербачев (Чтения в О-ве Ист. и Др. Росс., 1893, кн. I).

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. Часть I—IV. М. 1894—1902.

Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М. 1892.

Белокуров С. А. О сношениях России с Кавказом. 1578—1613. М. 1889.

Гамель. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПБ. 1867—1869. Ib: Записки Академии Наук, том VIII и XV. Приложения № 1—2.

Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсолетие (Труды О-ва Русских ориенталистов № 1). П. 1915.

Кордт В. Очерк сношений Московского государства с Республикой Соединенных Нидерланд по 1631 г. (Сборник Русского Ист. О-ва, т. 116, стр. I—CCCVII).

Любименко Инна. История торговых сношений России с Англией. Вып. I. Юрьев. 1912. Стр. IV + 192.

Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой 1570—1582. СПБ. 1904 (Записки ист.-фил. фак. СПБ. Ун-та, часть 72).

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией (С. Р. И. О., т. 38).

Памятники дипломатических сношений Московского Государства с Немецким орденом в Пруссии (С. Р. И. О. т. 53).

Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством (С Р. И. О., т. 129).

Памятники дипломатических сношений России с азиатскими народами. Т. I—II (С. Р. И. О., т. 41 и 95).

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. М. 1851—1871. Т. I—II.

Памятники диплом. сношений с империей Римской. Т. X: Памятники диплом. сношений с папским двором и с итальянскими государствами.

Памятники дипломатических сношений древней России с Польшею. Т. I—V (С. Р. И. О., т. 35, 59, 71, 137, 142).

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией (Труды Восточного Отд. Р. Археолог. О-ва, т. XX).

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПБ. 1887. Стр. 772.

Толстой Ю. Обзор первых сорока лет сношений между Россией и Англией (1553—1593). СПБ. 1875.

Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. 1544—1648. Том I: Борьба за Ливонию. СПБ. 1893. Стр. XV + 717. (Записки ист.-фил. фак. СПБ. Ун-та, часть 32).

Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань. 1923. Стр. 302 + II + 1 карта.

Actenstücke aus dem geheimen Staatsarchiv zu Berlin aus den Jahren 1578—1579. Des Pfalzgrafen Georg Hans Anschlag auf Livland. Mitgetheilt von Th. Schiemann (Mittheilungen aus der livl. Geschichte. 1892. Bd. XV. Heft I. S. 117—159).

Admiralsakten (Die) von Pfalzgraf Georg Hans Graf zu Veldenz (Mittheilungen aus dem Stadtarchiv von Köln. 1889. Heft 15. S. 1—55).

Geschichtsliteratur (Die livländische) 1886 — 1912. Von Poelchau, Feuereisen. Osten-Sacken, Wulffius, Arbusow.

Kunz J. J. Die Politik des Pfalzgrafen Georg Hans von Veldenz. Bonn, 1912. S. 82.

Pierling Paul. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques. Vol. 2: Arbitrage pontifical. Projets militaires de Bathory contre Moscou. Paris, 1897.

Platzhoff Walter. Das erste Auftauchen Russlands und der russische Gefahr in der europ. Politik. (Hist. Zeitschrift 1916. Bd. 115. S. 77—93).

Schiemann Th. Ein abenteuerlicher Anschlag (Baltische Monatschrift. Bd. 36. Heft 1. S. 21—34).

Schiemann Th. Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert. Bd. II. Berlin, 1887.

Uebersberger H. Oesterreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Bd. 1: von 1488 — 1605. Wien, 1906. S. XVI + 584.

II. Историография царствования Ивана Грозного приведена в статье С. М. Середонина: „Иоанн IV Васильевич Грозный“ (Русский Биограф. Словарь. Том: Ибак-Ключарев. Стр. 229—271) и в монографии К. Валишевского: „Иван Грозный“. Изд. 2. М. 1913. Стр. X + 555 + II.

Новости историографии XVI века за 1917 — 1924 годы.

Андреев А. И. К истории русской колонизации западной части Кольского полуострова (Дела и Дни, 1920, I стр. 23 — 36).

Андреев А. И. О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю (Р. Ист. Журнал, VI. Стр. 132 — 157).

Андреев А. И. О происхождении и значении Судебника 1589 г. (Сборник

статей, посвящ. С. Ф. Платонову. Стр. 201 — 219).

Андреев А. И. Судебник 1589 г. и его списки. (Изв. Росс. Академии Наук. 1924 г. Стр. 207—224).

Андрияшев Ал. О необходимости изучения текстов писцовых книг (Русский Исторический Журнал, т. 1—2. Стр. 103 — 110).

Bär M. Eine bisher unbekannte Beschreibung Russlands durch Heinrich von Staden (Hist Zeitschrift. Bd. 117. S. 229—252).

Бородин А. В. Положение о службе 1556 г. (Сборник статей, посвящ. С. Ф. Платонову. Стр. 143 — 153).

Briefwechsel (Der) Iwans des Schreklichen mit dem Fürsten Kurbskij (1564—1579). Leipzig 1921. (Quellen und Aufsätze zur russischen Geschichte. Herausgegeben von K. Stahlin. Heft. 3).

Бузескул В. П. Новое известие иностранца о России XVI в. (Анналы I. Стр. 206 — 210).

Васенко Пл. Заметки к истории служилого класса в Московском Государстве (Дела и Дни, кн. I. Стр. 37—40; кн. III. Стр. 137 — 143).

Введенский А. Аника Строганов в своем сольвычегодском хозяйстве. (Сборник статей по русской истории, посвящ. С. Ф. Платонову. П. 1922. Стр. 90 — 113).

Введенский А. Библиотека и архив у Строгановых в XVI — XVII вв. (Север, 1923, № 3—4. Стр. 69—115).

Введенский А. Заметки по истории труда на Руси XVI—XVII вв. (Архив истории труда в России, т. III, VI—VII).

Введенский А. Происхождение Строгановых (Север, 1923 г., кн. 2. Стр. 63—84 и отдельно. Вологда. 1923 г.).

Введенский А. Служащие и работные люди у Строгановых в XVI—XVII в. (Труд в России, кн. I).

Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М. 1922. Стр. 115.

Гейман В. Несколько новых документов, касающихся истории сельского населения Московского Государства XVI стол. (Сборник Росс. Публичной Библиотеки 1924, т. II. Стр. 277—294).

Гейман В. Новая попытка исследования вопроса о Боярской думе (Русский Исторический Журнал, т. VII. Стр. 166 — 176).

Греков Б. Д. Вотчинные писцовые книги (Сборник статей, посвященный С. Ф. Платонову. Стр. 181 — 191).

Дьяконов М. А. Поместье и крестьянская крепость (Сборник статей в честь проф. Посникова). Сборник из печати не выходил.

Duchesne E. Le Stoglave ou les Cent chapitres. Paris 1920. P. 48+292.

Кизеветтер А. А. Русский Север. Вологда 1919 г. Стр. 66.

Книги (Монастырские Приходно-расходные) (Русская Ист. Библиотека, т. 37. Вып. 1. Стр. 1 — 31).

Кулишер И. М. Несвободное состояние крестьян и прекращение перехода в XVI—XVII вв. (Труд в России, 1924 г. кн. 1. Стр. 178—204).

Кулишер И. М. Очерк истории русской промышленности. П. 1922. Стр. 156 + 2 н.н.

Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. П. 1923 г. Стр. 307 + IV.

Любименко Инна. Московский рынок, как арена борьбы Голландии с Англией (Русское Прошлое, т. 5. Стр. 3 — 23).

Огородников В. И. Очерк истории Сибири. Ч. I — II. Иркутск. 1920—1924 г.

Очерки по истории колонизации Севера. Вып. 1 — 2, П. 1922 г.

Петров В. А. Соборное уложение 1584 г. об отмене тарханов (Сборник статей, посвящ. С. Ф. Платонову. Стр. 191 — 201).

Платонов С. Ф. Борис Годунов. П. 1921 г. Стр. 157.

Платонов С. Ф. Был ли пер-

воначально русский север крестьянским? (Архив истории труда в России, книга III).

Платонов С. Ф. Иван Грозный. П. 1923. Стр. 159.

Платонов С. Ф. Иван Грозный в русской историографии (Русское прошлое, т. I. Стр. 3 — 12).

Платонов С. Ф. О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси (Архив истории труда в России, 1922 г., кн. III, стр. 18—24).

Платонов С. Ф. Прошлое русского севера, п. 1923 г. Стр. 79.

Платонов С. Ф. Строгановы, Ермак и Мангазея (Русское прошлое, т. III, стр. 3 — 8).

Полосин И. И. Опричник Генрих Штаден. Его приключения и записки. (Анналы, кн. 5). [Печатается).

Полосин И. И. Поместное право и крестьянская крепость (Труд в России, кн. III).

Пресняков А. Е. Московско царство. П. 1918. Стр. 139.

Пресняков А. Е. Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения (Архив истории труда в России, 1921 г., кн. 1, стр. 34—47).

Рожков Н. А. Народное хозяйство Московской Руси во второй половине XVI в. (Дела и Дни, 1920. I, стр. 40—79).

Савва В. И. О посольском приказе XVI в. Вып. I. Харьков, 1917. Стр. VIII+401.

Садиков П. А. Из истории опричнины царя Ивана Грозного (Дела и Дни, 1921, II, стр. 1—30).

Садиков П. А. Кормленые дьяки и вопрос о происхождении приказов, четей в Московском государстве XVI в. (Сборник статей, посвящ. С. Ф. Платонову, стр. 153 — 180).

Садиков П. А. Царь и опричник (Века, кн. I, 36—78).

Сборник грамот Коллегии Экономии. Том I. Ленинград. 1924.

Смирнов М. И. Указатель рукописных и изданных документов Переяславль-Залесского края. Часть I, Акты XIV — XVI вв. (Доклады Переяславль-Залесского Научно-Просветит. Об-ва. Выпуск № 12, стр. 50).

Татищев Ю. В. К вопросу о смерти царевича Дмитрия (Сборник статей, посвящ. С. Ф. Платонову, стр. 219 — 226).

Таубе и Крузе. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. Перевод и вводная статья М. Рогинского под ред. Ю. В. Готье. (Русский Исторический Журнал, VIII, стр. 8—59).

Тхоржевский С. Поместье и крестьянская крепость (Труд в России 1924 г., кн. 1, стр. 72—97).

Фалин Н. В. Вологодская крепость (Ее прикрытия и описание укреплений) (Север, 1924, № 1 (5), стр. 7—32).

Фирсов Н. Н. Чтения по истории России. Казань, 1924. Стр. 232.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 5

Западная Европа и Московия в XVI в. Вступительная статья И. И. Полосина 9

Записки Генриха Штадена о Московии 55

Прошение императору Рупрехту II 57

План обращения Московии в имперскую провинцию 60

Страна и правление московитов 78

Как великий князь завоевал и добыл Казань и Астрахань 113

Автобиография Генриха Штадена. 127

Указатели: имен личных. 155

анонимов 165

географический. 167

библиографичеекий. 179